

84(2=632.1/6
К 599

Лазарь Кокышев

АРИНА

A decorative border made of black and white floral and scrollwork patterns, framing the text. It features symmetrical designs at the top and bottom, with vertical elements on the sides.

Лазарь Кокышев

АРИНА

роман

*Перевод с алтайского
А. Китайника*

ББК 84 (2=632.1) 6 - 4
К 599

Кокышев Лазарь Васильевич

К 599 **Арина:** роман. – Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2019. – 304 с.

ББК 84 (2=632.1) 6

Дизайн обложки и иллюстрации Аржаны Декеновой

603125

БУ РА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

ISBN – 978-5-6040439-8-1

© Кокышев Л.В., 2019

© АУ РА Литературно-издательский Дом
«Алтын-Туу», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В полдень далеко на западе, предвещая грозу, слышались глухие раскаты грома. Умолкли птицы. Насторожились и притихли деревья. Поникла, начавшая желтеть от палящего зноя, трава.

Разорвав на части сгустившуюся тишину, совсем близко и оглушительно прогрехотал гром. Горы, послушно и торопливо, гулким эхом передавали одна другой этот гневный рокот, пока он не рассыпался сердитым ворчанием по ущельям и долинам за перевалом. Еще один раскат пересчитал все горные вершины. Снова удар – и опять поскакало, затихая, эхо.

Травинки, крепче вцепившись корнями в землю, топко, как струны топшуура, зазвенели под порывами ветра. Расталкивая и обгоняя друг друга, с запада понеслись косматые тучи. Они, словно ненасытный многоголовый Дьелбеген, пожирали голубизну неба, проглатывали горы и деревья на них, устремлялись к земле, готовые, казалось, и от нее не оставить ни крошки...

Арина лежала у самого окна. Возле нее хлопотали, скрючившись, как оплывшие свечные огарки, две старухи. При каждом ударе грома они принимались испуганно бормотать молитвы, а после ярких вспышек молний визгливо тянули:

– Кайрака-а-он!..

С самого утра они толклись по избе, стараясь помочь Арине, совсем уже выбились из сил от бесполезной суеты и все чаще присаживались рядышком перевести дух, но, как только снова раскалывалось от грохота небо, их точно подбрасывало, и старухи опять начинали кружить по избе.

Будь хоть немного полегче, Арина давно бы прикрикнула на них: ну чего топчутся!

Одной из старух вдруг что-то пришло в голову. Она стянула с печи одеяло и стала закрывать окно с разбитым стеклом. Вторая, трясаясь от страха, помогала ей. Вышло, однако, еще хуже – стало темно, это совсем перепугало их. Они разожгли на шестке огонь и, прижимаясь друг к другу, вздрагивая и шепча заклинания, примостились на краю лежанки.

Арина застонала, слабо махнула рукой, чтоб помогли встать. Старухи проворно подхватили ее и подвели к конопляной веревке, протянутой из угла в угол избы.

Обессиленная, она взялась за веревку и, шатаясь, сделала несколько шагов. Передохнув, шагнула еще и закричала от боли. Старухи тотчас потянулись к ней, но Арина покачала головой, выпрямилась, крепче уцепилась за веревку и пошла, пошла...

Когда немного отпустило, она сама, отказавшись от помощи, вернулась к лежанке, вытянулась на спине, обвела взглядом избу. Потом приподняла край одеяла, закрывавшего окно, выглянула на улицу. Тоненькая березкагнулась до самой земли, с трудом выпрямлялась и снова стлалась под ветром. С крыши текла вода. Крупные капли дождя ударялись о стекло и сбегали струйками. Через разбитое стекло залетали холодные брызги. Арина подставила ладонь. Рука сразу стала мокрой. Несколько капель попало на лицо. Пахнуло освежающей прохладой... И вдруг – опять резкая боль. И уже не слышно ни перекатов грома, ни шума дождя за окном.

Старухи сидели одна против другой в темных углах. Заметив, как широко раскрылись глаза Арины, как судорожно сжала она пальцы в кулаки, одна из старух побежала выпускать овечек из пригона, другая взялась распутывать заранее завязанный замысловатыми узлами конец веревки.

Неловкие, корявые пальцы никак не могли ослабить тугое переплетение узлов. Старуха торопилась – выходило еще хуже. Пустила в ход зубы, но и это не помогло.

– Э-э, чалта! – досадливо выругалась она и покосилась на Арину, которую выгибало от боли. Снова стала тянуть, рвать неподатливые узлы.

И вторая повитуха вернулась ни с чем: овцы, пугливо сгрудившиеся в пригоне, ни за что не хотели выходить под дождь.

«Верными» средствами, облегчающими роды, воспользоваться не удалось. Это было дурным предзнаменованием.

Между все учащавшимися схватками Арина порывалась унять бестолковых помощниц, но тут же забывала о них. Да и что было бы пользы? Старухи ведь хотели сделать как лучше.

Арина закричала. Лицо покрылось каплями пота. Руки, сжимавшие деревянную спинку лежанки, побелели.

Повитухи снова поволокли ее к веревке.

Шаг. Еще шаг. Через силу. Со стоном. Веревка качается, рвется из рук. Колеблющееся пламя отбрасывает на потолок резкие тени, дрожащие, как в лихорадке. Кажется, стены тоже качаются, вот-вот рухнут... Арина вскрикнула и повисла на веревке. Старухи ринулись к ней. Ветер – будто ждал этой минуты! – так дунул в печную трубу, что заслонка вылетела и со звоном покатила по полу. Старухи в испуге метнулись по своим углам, но, опомнившись, подхватили Арину и уложили ее.

...Когда раздался первый крик ребенка, старухи замесались по избе: впопыхах они никак не могли отыскать лохань. Младенец орал. Одна из них выбежала на улицу и наполнила ведро лившей с крыши дождевой водой.

Пока купали и пеленали ребенка, Арина уснула. Старухи положили новорожденного рядом с нею, наскоро прибрали в избе и сами, вконец измученные, прикорнули подремать...

Никто из них не заметил, как отбушевала гроза и над горами изогнулась пестрой лентой веселая радуга. Снова заголубело небо. Еще совсем недавно злой и промозглый, а теперь промытый ливнем, слегка влажный ветер озорно гнал по небу остатки лохматых туч. И солнце заулыбалось. И земля, досыта напоенная влагой, задышала, закурилась струйками пара. И листья на деревьях, посвежевшие, будто заново покрашенные, зашелестели, зашептались. И трава распрямилась, зеленая-зеленая.

Арину разбудил нежный свист пичуги. На потолке играли в догоняшки солнечные зайчики, ослепительно яркие в полутьме избы. Она потянула с окна одеяло и зажмурилась от хлынувшего света. С улицы донеслись крики детворы. Во всем теле Арина чувствовала легкость. Повернув голову, увидела спящих старух и усмехнулась, вспомнив, как они, бедные, злили ее своей суетой... Вытерла платком пот со лба. Осторожно легла на бок, взглянула на ребенка.

– Сын...

Глубоко вздохнув, расправила сбившуюся пеленку, отогнала мух, откинулась на спину, задумалась.

Ребятишек на улице не стало слышно. Стихло и жалобное блеяние овец в стайке. Только пичуга за окном, на березке, без умолку щебетала.

Тихо скрипнула дверь. В щель просунулись черные вихрастые головенки и тут же исчезли. Еще раз робко скрипнула дверь. На пороге остановился, не решаясь войти в избу, Кара.

– Заходи, заходи, сынок, – позвала Арина.

Кара, осторожно ступая босыми ногами, словно боясь спугнуть кого-то, подошел к матери.

– Где Чейнеш, Кула?..

– Там... – неопределенно ответил Кара. Он почесывал исцарапанные ноги, а сам исподтишка поглядывал на новорожденного. Лицо ребенка было прикрыто, поэтому Кара то приседал, то выпрямлялся, чтобы разглядеть хоть краешек лица.

– Почему ты один пришел? – спросила, невольно улыбнувшись, Арина.

– Узнать пришел: родился или нет... Чейнеш послала. Есть охота...

– Родился, родился... Хочешь – посмотри. Мальчик.

Кара откинул с лица младенца пеленку, долго и пристально вглядывался в него, потом, наморщив лоб, совсем по-взрослому спросил:

– А чей он?

Арина растерялась.

– Как чей? Наш...

Кара еще поглядел на спящего ребенка, осторожно приоткрыл ему лицо и озабоченно вздохнул:

– Без него хватает...

– Нельзя так говорить, сынок, – попыталась скрыть неловкость Арина. – Он тоже твой братишка...

Кара уже не слушал ее. Запустив руку в чугунок на шестке, он вытащил из него несколько картофелин, подхватил валявшийся на полу бичик и скользнул к двери.

– Пусть Кула и Чейнеш придут поесть.

Мальчишки и след простыл.

Арина уснула.

Проснувшись под вечер. Старух в избе не было. На табуретке, придвинутой к лежанке, стояла деревянная чашка, доверху наполненная свежим сырчиком – аарчы. Откуда он

взялся? Арина перевела взгляд на печь, где, наверное, уже улеглись дети, но в полутьме не могла разглядеть.

Большая круглая луна заглянула в окно, подмигнула и спряталась за набежавшим облаком.

Где-то рывкнул куран – горный козел. Облако испугалось, растаяло, и луна засияла во все небо, заливая горы мягким светом.

Арина вздохнула, прижалась лбом к оконному переплету. Узкая тропинка петляла между аилами и сбегала вниз к речке. Урочище, укутавшись в тень горы Адаган, досматривало седьмой сон.

2

...Арине пятнадцать лет. Бойкая, хохотунья. У нее длинная черная коса. Ни у одной девушки в Дьяйлу нет такой косы!

Только мало радости иметь самую красивую косу и веселый характер.

Санал – отец Арины – хмурый, суровый человек. Неразговорчивый – иногда за целый день слова от него не услышишь. За нелюдимость и силу дьяйлинцы побаивались его.

Отец водился с русскими мужиками из соседней деревни, часто и работать нанимался у них. Был он умелый плотник и столяр. Первым в урочище поставил деревянную избу, совсем русскую. Даже дочь называл русским именем – Ариной.

Изба была просторная, высокая. Наличники на окнах, конек крыши, ворота Санал украсил резными фигурками.

Эта самая резьба больше всего навредила ему. Старухи в сердцах плевались в сторону дома Санала: виданное ли дело – на жилище лепить изображения зверей!

Да что старухи!

– Не воображай себя гусем – крылатым не станешь, не подражай русским – лучше не станешь, – говорили алтайцы, не без зависти поглядывая на избу Санала.

Особенно раздражал новый дом дьяйлинского пьяницу и драчуна кривоглазого Самтара. Не раз он швырял камни в окна избы, затевал скандалы. Пол-урочища сбегалось тогда поглазеть на перепалку.

Звенело разбитое стекло, и на улицу выскакивал разъяренный Санал.

Он рвал из ограды кол и кричал:

– Твой дед на свадьбе мундусов от жадности подавился! Подавишься и ты моими окнами!

Самтар выставлял вперед волосатую грудь, редко когда прикрытую рубахой, подтягивал рваные штаны из телячьей кожи, и начиналась потеха.

– Хорош и твой род! – орал Самтар. – Что за человек твой отец был? Все помнят, как он у бая дрова пилил да в поленнице мешочек с золотом нашел, байской молодухой спрятанный. Другой бы богатый стал. А твой отец? Тьфу! Как безмозглый сарлык, притащил старому чурбану – бери, пожалуйста!.. Что, не так было?

– Замолчи! – наливался кровью Санал.

– Ага! – злорадствовал Самтар. – Ну, еще послушай. Когда старый верблюд отдал душу Ульгену, молодуха твоему отцу чуть все волосы не повыдрала. Разве не так было? Не так?

– Убью! – хрипел Санал.

Отбежав на всякий случай подальше, Самтар издевался:

– Построил себе кержацкую колоду – думаешь, лучше нас стал?

– А ты... – белел от злобы Санал. – Твоя родня в Аюлинской долине табуны коней пасет, а у тебя и паршивого

жеребенка нету. Твоя родня по ярмаркам разъезжает – тебе и обглоданной кости не достается! Самтар ты и есть самтар¹. Так рванью и остался.

Вполне довольный учиненным скандалом, Самтар не достаивал взбешенного противника ответом. Презрительно свистнув, он уходил восвояси и распевал во всю глотку:

Не плюй в горную речку,
Из нее кони пьют.
Не лай на мою родню,
Она твоей родней может стать...

Года не прошло, и многие дьяйлинцы стали переселяться из аилов в рубленые дома. Почти все избы помогал строить Санал, но все же оставался чужим среди своих.

Робкая и покорная мать беспрекословно подчинялась Саналу. У него переняла молчаливость.

Сколько помнила себя Арина, всегда у них в доме было не как у других. Всегда приходилось держаться настороже. Отец будто в рот воды наберет, и мать слова не вымолвит. А то ни за что ни про что накричат. Не приласкают, не побалуют.

...Осень. Золотая алтайская осень! Арина с отцом и матерью на своем маленьком поле. Какое это поле? Будто желтая заплатка на огромном зеленом склоне горы Адаган.

Отец щупает тощие колосья жидкого ячменя и ругается:

– Дождешься от вашего бога!.. Разве это ячмень? Бир де аай дьок! Черт знает что! На ползимы не хватит. В будущем году другое место надо выбрать...

Приставив ладонь к глазам, Санал долго смотрит на такие же желтые заплатки – поля соседей. И у них ячмень

¹ Самтар – рвань.

не лучше – год неурожайный, но отцу кажется, что самый плохой урожай – у него. Он машет большим волосатым кулаком и кричит, словно от его ругани ячмень станет гуще...

Арина не обращает внимания на брань отца. Она жнет серпом колючий ячмень. Серп острый, руки у Арины ловкие. Не разогнется, не передохнет. Снопик за снопиком, снопик за снопиком...

Отец молча смотрит, как проворно она жнет, и хриплым, натруженным голосом, так же громко и сердито, как только что ругал бога, соседей, урожай, говорит:

– Хороша дочка! Пусть сваты хоть косяк жеребцов пригонят, не отдам!

У Арины замирает сердце. Пойми отца – не то хвалит, не то в самом деле собирается заставить всю жизнь на него работать. А ей уже пятнадцать!

...Арина идет с подругами между аилами, прислушивается к шепоту парней. Сладко слышать этот шепот: про нее шепчутся. Она опускает глаза, идет, не чуя ног под собой.

...Долгими зимними вечерами Арина с подружками катается на санях с гор. Девушки стараются сбить санками с ног зазевавшихся парней. Когда это удастся, Арина хохочет громче всех.

Парни в лисьих шапках со щегольскими кисточками на макушке держатся кучкой, отдельно, разговаривают между собой, будто им никакого дела нет до девушек. А сами только о них и говорят. Многие посматривают на Арину, она чувствует это.

Даже сопливый Одой, сын самого бедного в Дьяйлу алтайца, часами простаивает под горой и пялит глаза на Арину. Он хороший парень, Одой. Это его только дразнят

сопливым. Парни не дружат с Одоем, смеются над его бедностью. А чем он виноват, если его аил на самом краю урочища, если одежда у него плохая, если и мечтать он не может о красивой шапке с кистью...

Чего он стыдится бедности? Вот Каракай – единственный приятель Одоя – тоже не богаче, а сам над собой и над другими потешается. Никогда не робеет. Ему часто приходится ездить с отцом по русским деревням – менять коровьи шкуры на хлеб, табак, чай. Там он научился петь частушки и мечтал завести гармошку. Да, видно, не сбыться его мечте! За гармонь, однако, телушку надо отдать. А где ее Каракаю взять – телушку?

На ойыны – игрища – Одой с Каракаем приходят всегда вместе, но тут же и расходятся. Одой где-нибудь в сторонке жметя, а Каракая обступят, затормошат. И уже поет Каракай:

Телку черную продам,
Заведу гармошку...

Девушки смеются, поддразнивают:

– Скорей покупай гармошку. Научишь нас по-русски петь!

Каракаю хоть бы что. Мешая русские и алтайские слова, горланит:

Черна речка, кара су,
Куда течет она?
Черноглазая, кара кёс,
Где ждет меня?

И опять все смеются. Даже Одой.

Сопливый Одой!.. Да другие парни и не стоят его... Когда кто-нибудь начинал дразнить Одою, корить его бедностью, издеваться над ним, Арина не выдерживала и всту-

---

палась за него. Но если Одой слишком уж назойливо заглядывался на нее, Арина вихрем мчалась на санках с гор, сшибала парня с ног и убегала домой.

...Весной, когда начинали куковать первые кукушки, из других урочищ приезжали женихи. Перед взрослыми они держались чинно, со стариками вели себя рассудительно, стараясь казаться умнее. Арина подбивала подруг, и по ночам они мазали потники и седла приехавших коровьим пометом, надрезали подпруги. Поутру «женихи» под градом насмешек чистили сбрую, заседлывали коней и убирались восвояси.

Была ясная лунная ночь, Арина возвращалась домой с шумного, веселого ойына. Следом за нею, не решаясь приблизиться, окликнуть, заговорить, шел Одой. Арина слышала его шаги за собою, и это было приятно. Она даже останавливалась. Раз, другой. Одой тоже останавливался. Арина ускоряла шаг, и он прибавлял ходу. Но оба понимали, что рядом им не идти никогда. Разве мог на что-нибудь надеяться Одой? Разве пустил бы на порог его сватов отец Арины?

В тени кошары Арина увидела заседланных коней, вроде бы чужих. Но мало ли в эту пору приезжает гостей в Дьяйлу? Ей показалось, что Одой предостерегающе крикнул. В ту же минуту чья-то сильная рука схватила ее сзади, другая крепко зажала рот. Ее потащили куда-то. Она задыхалась, хотела кричать и не могла... Пыталась вырваться, укусила закрывавшую рот руку, царапала чье-то лицо. На мгновение ей удалось высвободиться. Она увидела стоявшего поодаль высокого парня. По его знаку

Арину снова схватили, бросили через седло. Она вырвалась, спрыгнула на землю.

– Не троньте ее, аюлинские собаки! – раздался рядом голос Одоя.

Арина успела заметить, как Одой бросился на неизвестных, но тут же его сбили с ног. А ей заломили руки за спину, широким кушаком стянули рот, привязали к седлу. Голова у нее запрокинулась, ноги бессильно повисли.

Тот, высокий, что стоял в стороне, подбежал, глянул с наглой ухмылкой в глаза Арины и одним махом прыгнул в седло. Его колени прижали тело Арины к спине коня. Парень негромко свистнул и рванул повод.

Трое или четверо, что были с ним, тоже вскочили на коней. Нахлестываемые плетью, кони захрапели, с места рванули вперед. С громким лаем бросились за ними псы. Всадники хлестали коней и собак, путавшихся под копытами. Собаки выли, визжали. Позади слышались тревожные крики, топот погони.

Арина не могла шевельнуться. К голове прилила кровь, стучала в висках. Казалось, не по земле бьют копыта бешено мчащегося коня, а по голове... Все тело пронизывала боль. Казалось, вот-вот что-то оборвется внутри. Дышать было трудно. Горло перехватывало от острого запаха лошадиного пота. Арина закусила тряпку, перетянувшую рот. Удалось приподнять голову. Над собой увидела лицо низко пригнувшегося к седлу высокого, чернобрового...

Мелькнула мысль: «Одой видел!..» – от этого стало легче: «Догонят...»

Опрокинутые в небо горы, деревья, звезды в глубине синевы – все убегало назад. Душивший ее кушак немного ослаб, развязался совсем. Арина выплюнула тряпку, жадно глотнула воздух и вскрикнула:

– Ой, спина, спи-на!..

Топот коней заглушил ее слабый голос. По спине зло, непрерывно, все больней и больней ударяло тяжелое и тупое. Опять она увидела над собой чернобрового. Он неистово размахивал камчой, оглядывался. Рот у него был широко раскрыт – должно быть, он кричал, но, странно, ни звука не долетело до ее слуха. Высоко в небе замигала, завертелась, запрыгала звездочка. Вот она рассыпалась на множество искорок, и они уже были не голубыми, а огненными, и все сыпались, сыпались...

Арина пришла в себя, когда под копытами коней заплескала вода. Холодные брызги летели в лицо. Оглушающе шумел бурный горный поток. «Какая это река?» – подумала она.

Далеко позади временами раздавался гром. Едва он стихал – грохотало совсем рядом и как-то странно: сухо и коротко. Вот ударило над самой головой.

«Стреляют», – сообразила Арина.

А кони все мчались. И снова тупое, тяжелое монотонно, безжалостно било по спине.

И еще запомнилось ей. Она раскрыла глаза. Голова чернобрового моталась из стороны в сторону. Шапка с него свалилась, и густые волосы разлохматились на ветру. Спутники по очереди подъезжали к нему, подхлестывали его коня, кричали. Он не отзывался. Поводья выпали из его рук...

Тряска прекратилась, но боль – боль не проходила. Жгучая, невыносимая. Ехали шагом. Должно быть, погоня отстала...

...Жарко! Нестерпимо жарко! Арина с трудом раскрывает отяжелевшие веки. Осматривается вокруг.

Темный и дымный чужой аил. Чужие люди... Где она? Почему так тихо? Не слышно голосов, хотя у людей шевелятся губы и, значит, они разговаривают между собой. Бесшумные тени приближаются к ней, удаляются от нее. Вот кто-то склонился над нею. Она скорее догадывается, чем слышит:

– Открыла глаза. Наконец-то!..

Внезапно все исчезает. Ей кажется, будто она поднялась над постелью и легко-легко, вместе с голубым дымком костра, летит через закопченный дымоход мрачного аила прямо в небо. Высоко!

Как там много света, наверху. Синее, синее небо. У нее перехватывает дыхание от чистого, прохладного воздуха. Она захлебывается. Ее поднимает все выше, выше... И почти мгновенно с силой швыряет вниз. Стремительно приближается земля... Арина в испуге кричит и... снова видит тот же темный и дымный чужой аил, тех же чужих людей. И снова – ни звука.

Горький дым душит Арину. Это у ее изголовья жгут можжевельник, чтобы прогнать злых духов, а вместе с ними – болезнь.

Жар охватывает Арину. Все расплывается, меркнет. Она силится закрыть глаза, чтобы ничего не видеть. Ей страшно. А глаза не закрываются. Она хочет повернуться к стене и – не может... И вдруг все само собой окутывается непроницаемой тьмой. Тьма устремляется от дымохода, пышет жаром, обжигает грудь, руки, лицо... Все закружилось. Пламя в очаге рвет тьму на части, разгоняет ее. Языки огня охватили весь аил. Сейчас пламя коснется Арины и сожжет ее... Она зовет на помощь. Никто не откликается.

...Душный летний вечер. Низкая дверь аила распахнута. Никого нет. Должно быть, все на сенокосе. Арина поглядывает через раскрытую дверь на улицу. Там тоже пусто. Только ребятишки где-то неподалеку галдят. Их, наверное, оставили присматривать за Ариной, а то бы с собой забрали – они могут возить копны. В пору сенокоса всем работы хватает.

Арина с тоской глядит на далекие горные хребты. В лучах заходящего солнца они кажутся раскаленными докрасна. А над ними – ясное, свободное небо. За этими хребтами Дьяйлу.

Знают ли отец и мать, где она теперь? Почему никто не едет, чтобы забрать ее?

«Куда камень бросят – там и лежит, куда девушку увезут – там и останется», – приходит на память пословица, которую она слышала от матери. Это же про нее, про Арину! Кажется, все предметы в чужом аиле – и мешок с курутом, висящий над очагом, и медный чайник, и деревянные ведра на полке – насмешливо шепчут: «Тут и останешься!.. Тут и останешься!.. Мы тебя не отпустим!..»

Поздним вечером, когда возвращаются хозяева, Арина, не отвечая на обращенные к ней вопросы, лежит, отвернувшись к стенке аила. Чаще других подходит толстая женщина с тяжелой бронзовой трубкой в зубах. Даже разговаривая, она не выпускает трубку из рта. Голос у нее резкий, властный. Каждое слово – как удар хлыста. Арине стоит больших усилий притворяться, будто она не слышит, – не вздрогнуть, не зажмурить глаза.

А чернобрового парня что-то не видать. Арина уже знает, что пуля тогда попала ему в левое плечо, но рана оказалась легкой. Этот парень скоро станет ее мужем. Совсем скоро. Как только вернутся из Дьяйлу люди, посланные договориться с родителями Арины о калыме.

...По утрам, когда женщины, подоив коров и приготовив еду, последними покидают аил, Арина просит ребятишек отворить дверь и смотрит, смотрит, не отрываясь, на горные хребты. На ее памяти уже двенадцать раз день сменялся ночью. Сколько же прошло времени, как ее увезли из Дьяйлу?..

Лицо у Арины осунулось, губы запеклись. Гибкие, сильные руки стали худыми и беспомощными. И боль в спине не проходит. Чуть шевельнешься – трудно сдержать крик.

Каждое утро она встречает с тайной надеждой: сегодня приедет отец и заберет ее. Он должен приехать. Он же сам говорил: «Пусть сваты хоть косяк жеребцов пригонят – не отдам!»

Какое это счастье было – жать колючий ячмень, слушать ругань отца. Да он и не ругался вовсе. Так, душу отводил. Он же не злой, отец... Арина все, все будет делать дома, что ни заставят. Только бы приехали, только бы увезли... Часто во сне она видела, как едет с отцом на его Гнедке, веселая, счастливая...

Но проходили дни, а отца не было. Не возвращались и сваты.

Как-то до ее слуха донеслась песня. Пела женщина. Должно быть, она тоже была одна. И тосковала, как Арина. Слов нельзя было разобрать.

Немного спустя голос послышался ближе. И вдруг – совсем отчетливо:

Не плюй в горную речку,
Из нее кони пьют.
Не смейся над чужими людьми,
Может, они тебе родными станут...

Откуда эти знакомые слова? Где Арина слышала их? Вспомнила. Это же Самтар пел.

Арина похолодела от внезапной догадки.

Как тогда кричал Одой? «Не троньте ее, аюлинские собаки!» А отец, ругаясь с Самтаром, бранил его родню из Аюлинской долины.

Так вот куда ее привезли!.. Самтар все это и подстроил...

Все равно отец не оставит ее здесь.

...Здоровье Арины понемногу улучшалось, и хозяйка стала донимать рассказами о своей жизни, о своей молодости, нimalo не заботясь, слушают ее или нет. Выходило, Арине выпало редкое, небывалое счастье: ее – а что в ней такого! – выбрал сын этой женщины и тем оказал ей великую честь.

Ее-то – хозяйку – никто не крал. Просто заплатили большой калым, и попала она к теперешнему мужу, который и мизинца ее не стоит. Разве он хозяин в семье? Ничего подобного! Она – хозяйка! А какая она была в молодости красивая! Сколько парней хотели взять ее в жены!.. И увезли бы, наверное, если бы этот Топыйнак не вывернулся...

Домашним давным-давно надоели эти рассказы. Но стоило ей раскрыть рот, как никто уже не смел перебить хозяйку. Даже муж, тощий, с жидкой косичкой на выбритой макушке, почтительно умолкал, едва супруга начинала предаваться воспоминаниям. Если же Топыйнак неосторожным движением или еще как-то отвлекал словоохотливую супругу, мешал ей, она пребольно ударяла его по лбу своей увесистой бронзовой трубкой. Нередко просыпавшаяся из трубки горячая зола обжигала ему лоб, он кидался к деревянному корыту, мочил обожженное место водой и вполголоса, чтобы еще пуще не разгневать жену, бормотал одни и те же слова:

– Ты человек или не человек?

Дни проходили за днями...

Похоже, никому и дела не было, что так долго не возвращаются посланные к родителям Арины.

Показавший себя отчаянным в похищении невесты, чернобровый парень дома совсем переменился. То ли собственная рана поубавила ему прыти, то ли затянувшаяся болезнь Арины сделала его безучастным к страданиям будущей жены и ко все оттягивающемуся сроку свадебного тоя. Можно было подумать, что действовал он по указке матери и привез не жену себе, а работницу в дом.

Сколько ни напрягала память Арина, так и не припомнила, чтобы хоть раз встречала в Дьяйлу этого парня. Значит, и он никогда не видел ее? Как же он узнал о ней? Почему увез? Не могли же его приятели схватить первую встреченную ими ночью в незнакомом урочище девушку.

Нет, без Самтара тут не обошлось. Его рук дело!

Сватов все не было, но хозяйка ничем не обнаруживала беспокойства. Она заранее знала, чем все кончится. Приедут рано или поздно, объявят, что за девчонку, вот уже три недели лежащую пластом, назначили большой

калым, и придется отдавать скот, гнать араку. Чего доброго запросят и бархат и далембу. А где теперь достанешь?.. Все перепуталось. Новая власть пришла, говорят. А какая она – новая власть? Биев-чиновников не стало, старост не стало, десятских и сотских – тоже нет. Белого царя, рассказывали, убрали. Ну и что? Кто его, белого царя, раньше знал? У русских свои заботы, у алтайцев свои: был бы скот, да побольше сена, да ячмень...

Сейчас – одна забота: сына женить. А ну как и вправду надо будет далембу доставать... Мог бы сынок и получше девку привезти. Но и эта сойдет. Кость у нее крепкая. Станет на ноги – и дурить некогда будет.

Как-то хозяйка, шупая жесткими пальцами лоб Арины, насмешливо сказала:

– Хватит больной прикидываться, не-вес-та!

И добавила, притворно жалостливо вздохнув:

– Лето зеленое проходит, сочные травы засыхают, телята ждут!

...В тот вечер разразился скандал. Теленок высосал все молоко у коровы, и хозяйка подняла крик. Она ругала всех подряд. Ее зычный голос раздавался то в аиле, то в пригона. Ребятишки, не уследившие за теленком, отведали прутьев и ревели в голос.

Учинив скорый суд над правыми и виноватыми, хозяйка чуть поостыла и успокоилась. А тут и большой медный чайник закипел.

Все собрались к ужину.

Арина смотрела, как взлетают над очагом и исчезают в дымоходе искорки. Она задумалась, и говор в аиле постепенно удалялся от нее. Она не слышала, когда и за что хозяйка стукнула трубкой по лбу мужа. Должно быть, на этот раз ему досталось особенно крепко.

– Сырые поленья – не дрова, ленивый муж – не хозяин! – кричала хозяйка.

Едва установившийся перед ужином мир снова был нарушен. Хозяйку уже невозможно было остановить. Если бы не она, этот полуплешивый Топыйнак и теперь бы ходил голоштаным, как его родич из Дьяйлу кривоглазый Самтар. Если бы не она, Топыйнаку и не снилось бы шататься по ярмаркам да пропивать половину денег, вырученных от торговли. Да, она держит Топыйнака в руках, не дает ему воли. А попробуй дай. Все по ветру пустит, что она нажила. Все оставит, картежник, на конском потнике в долине Карасу...

Голос хозяйки набрал полную силу.

Может быть, Топыйнаку захотелось водиться с теми ободранцами, что нацепили на свои вшивые шапки красные лоскуты? Только вчера один из таких горластых осмелился заявить ей: она, мол, не сына женит, а батрачку покупает! Не-ет, она верна алтайским обычаям и будет их всегда держаться. И заставит кого угодно, а прежде всего этого дурака Топыйнака делать то, что захочет.

Хозяйка еще продолжала бушевать, когда распахнулась дверь аила и, нагибаясь, чтоб не задеть низкую притолоку, один за другим вошли несколько мужчин. Они степенно поздоровались, чинно прошли на мужскую половину, важно расселись на войлочных ширдеках.

Хозяйку будто подменили. Она налила в большую деревянную чашку прохладный чегень и обнесла гостей. Мужчины долго, не торопясь тянули освежающий кислый напиток. Их губы словно прилипли к краям чашек. Потом принялись за чай, поданный хозяйкой. Пили, утирая пот, пиалу за пиалой, просили еще, кряхтели от удовольствия.

Худой старик с клочковатой бородашкой, шумно прихлебывая, пил больше всех. Он молчал – молчали и остальные. Выплеснув из пиалы – которой по счету! – остатки чая в костер, старик спросил:

– У тебя есть свежий чай, балам?

– Какая я тебе балам! – не выдержала хозяйка. – Что я, твоя дочь? Однако я старше тебя. Давай чашку, налью...

– Постой, постой, – запротестовал старик. – Когда сын Какая из сеока ирkitов женился, мне лет сорок было. Теперь посчитай, сколько годов с тех пор прошло. Ты тогда еще в невестах ходила, все кривлялась: «Я из сеока комдош, за голодранцев не пойду!» Как же ты старше меня?.. Так есть у тебя свежий чай, балам? – усмехнулся он. – Я бы еще выпил. Как без чая обойтись, когда столько верст отмахали...

Хозяйка, сдерживая злость, – не за нею осталось последнее слово – налила в чашку свежего чая. Старик, деланно причмокивая от удовольствия, опорожнил ее и протянул снова. Он швыркал чай, смахивал рукавом крупные капли пота со лба и, казалось, будто ради этого только и явился сюда.

Арина догадалась, что старик и другие гости – те самые люди, которых посылали к ее родителям. Конечно же, они привезли отказ. Ее сейчас отправят домой!

Старик сплюнул на горячую золу очага и вполголоса, ни к кому не обращаясь, проговорил:

– Чай да чай... Надо для арачки место оставить! – И взглянул на хозяйку: – А, балам?

Ташаур с аракой был наготове, и старик повеселел.

– Говорят, из России красные люди пришли... Сам не видел. В тех местах, где был, мужики с ними ушли. В горы... Ай-яй! Я так испугался – на большую дорогу не выезжал. Все по тайге, по тайге ехал. Еле-еле домой вернулся... – Он начал во всех подробностях пересказывать свои дорожные мытарства. Можно было подумать, что и ездил-то он один, потому что о спутниках старик не вспоминал.

Арина была готова вырвать у этого болтливого старика бороденку, а он, все так же неторопливо потягивая

подогретую арачку, допивал поданные как старшему, в знак уважения, пиалы-чочои всех присутствующих и продолжал свое:

– На родине нашей невесты все мужики назвались чо-нов-цы, – с трудом осилил он незнакомое слово. – Над каждым аилом кусок красной тряпки привязан... Мужики, у кого кони есть, с красными людьми уехали. У кого нет – тоже уехали. Жен, детей бросили. Из Бийска на красных людей большое войско идет... И отец невесты, – он ткнул пальцем в сторону Арины, – уехал. Одна его баба дома была...

Напрягая слух, Арина приподнялась на постели.

– Добрая баба – мать невесты! Она мне так сказала: по нашему алтайскому обычаю – куда девку привезли, там и будет... Семь ташауров араки просила, семь аршинов далембы. Не стоит, сказала, девка большого калыма...

– Неправда! – крикнула Арина. – Мать никогда так не скажет. Неправда! Вот увидите, отец скоро сам приедет. Увидите!..

Она зарыдала, забилась.

Старик-сват неодобрительно поглядел в ее сторону.

– Не ругайся на берегу – реку не переплывешь, – сказал он, и все согласились с ним, и никто даже не оглянулся на Арину. Ну кричит, плачет. Все так сначала. Никуда не денется, покорится своей судьбе, привыкнет. Не она первая...

3

Долго ли было сварить араку, купить материю у запасливых людей и послать калым с тем же тощим стариком.

У Арины еще оставалась надежда, что мать не примет выкуп, приедет, возьмет ее отсюда. Не завтра, так послезавтра.

Старик вернулся один.

«Куда камень бросят...»

Пословица оказалась крепче материнской любви.

Арине теперь было все равно. Хотя и чувствовала себя слабой, поднялась на ноги. На работу, однако, ее пока не посылали. Она сама находила себе работу по дому. Хозяйка заметила перемену в ней, по-своему оценила это и даже подобрела немного.

О родителях, после того, что случилось, не хотелось и думать. Зато все чаще и чаще приходил на память Одой. Даже он не посмеет помочь Арине, нарушить обычай.

Кому она теперь нужна?..

Некогда было пировать на свадьбе. Старик-сват, когда опять вернулся, такое порассказал... И не врал он. Уже и без него сюда, в Аюлинскую долину, докатились слухи о том, что идет через перевалы к границе Монголии большая армия. И здесь стали появляться вооруженные отряды людей с алыми лентами на шапках. Все это вызывало переполох, хотя мало кто верил, что в такую глушь пойдут войска. Но слухи множились.

Для приличия хозяйка все же созвала гостей, однако свадебный той вышел нерадостным.

...Какие-то бойкие женщины подхватили с двух сторон Арину и повели в «девичий» аил. Она была как во сне. Не противилась, когда на нее надели чегедек с расшитой в семь цветов грудью – хозяйка постаралась, чтобы невеста была наряжена побогаче, чтоб никто не посмел корить скупостью. Только мало радости было Арине любоваться искусной вышивкой... Долго ли надеть чегедек? А снимет его только смерть.

Женщины разделили Арине надвое косу, заплели каждую половину отдельно. Ее волос, лица, рук касались чьи-то пальцы.

Вот затянули заунывную, печальную, как вся женская доля, песню:

Волосы твои шелковые
На две косы заплетаем.
Одну из нас – звездочку –
Навеки мужу отдаем...

Принесли две молоденькие березки, зеленые, ветвистые, натянули на них белый полог и, заслонив этим пологом невесту, повели ее к аилу жениха.

Волосы твои, как бархат,
На две косы заплетаем,
Одну из нас – солнышко ясное –
Навеки мужу отдаем...

Из аила жениха неслись пьяные крики. У входа в аил несколько парней сорвали полог, закрывавший Арину. Все загалдели, заорали. Из котлов, стоявших на таганках, валил пар. Пахло варевом, потом, аракой...

Арина не помнила, как ее подвели к сидевшему возле самого огня жениху, облаченному в бархатную шубу, разомлевшему от жары и хватившему изрядно араки. На женской половине аила визгливыми голосами тянули песню. Мужчины чем больше пьянели, тем становились крикливей. Вот уже успели и передрались. Хозяйка могла быть довольной: все по обычаю – без клячи не табун, без драки не свадьба...

Сколько было в Дьяйлу таких свадеб! Сколько привозили дьяйлинские парни невест из чужих селений!.. Арина не пропускала ни одного тоя. Ночи напролет пела с другими девушками и удивлялась: чего это невесты, пряча мокрые от слез лица в рукава чегедеков, плачут навзрыд? Только теперь поняла...

Думая о своем, украдкой смахивая слезы, вспоминая все, что было дорого ей, Арина и не заметила, как опустел аил. Человек, который отныне стал ее мужем (она только накануне узнала его имя – Тайтак), которому она теперь принадлежала, как вещь, лежал, раскинув руки, на ширдеке и храпел.

Арина отодвинулась от него, прислонилась к стенке аила. В щель видны были одинокие звезды, разбросанные в беспредельности темного неба.

...День за днем, день за днем. И все – как один.

Арина работала сколько могла. Выслушивала бесконечные и надоевшие рассказы свекрови о ее молодости, о том, какая она – всю семью в руках держит. И надо было притворяться, соглашаться с нею, поддакивать ей. Надо было терпеть и терпеть, чтоб не навлечь на себя ее гнева.

Еще противней был безвольный, трусливый и ленивый отец Тайтака – Топыйнак. Безропотный в присутствии жены, без нее он на глазах менялся. Откуда только брались заносчивость, грубость. Казалось, он душу отводил, наслаждался, куражась над Ариной, издеваясь над двумя батраками.

Муж... Как понять, что Тайтак взял и увез девушку, которую ни разу в глаза не видел? Собаку – и ту выбирают. Что он за человек? Ему, похоже, все равно – есть ли Арина, нет ли ее. Рад не рад, если сумеет улизнуть из дома. Где-то шляется. Вечно пьяный.

...Эта мысль пришла неожиданно, но сначала испугала ее. Бежать! А куда? Бежать от мужа – позор на всю жизнь. И кто примет ее, пустит, признает?

Нет, бежать бесполезно.

Но снова и снова думалось о том же. И уже по-другому представлялось, как она вернется в дом. Отец ведь не знает ничего. Он бы ни за что не согласился. Он поймет, простит.

Еще не решив, как и когда она убежит и убежит ли вообще, Арина начала припрятывать в дорогу сырчики, пресные лепешки – теертпеки, брынзу.

Ей удалось выведать, в какой стороне отсюда находится Дьяйлу. Не так-то далеко. Но это на коне – недалеко. А пешком?..

Стало казаться, что все уже знают о задуманном ею. Знают и просто делают вид, будто не замечают. Стоит ей только уйти из дому, как тут же ее догонят, и тогда...

Чтобы проверить это, она почти на полдня ушла из аила. На всякий случай выбрала дорогу в противоположном Дьяйлу направлении. Медленно, то и дело проверяя, не следит ли кто, шла тропинками и перелесками, подолгу сидела в тени широколапых кедров, прислушиваясь к веселой птичьей болтовне, не могла насмотреться на быстро текущую говорливую речку в густых зарослях тальника. Ей было как никогда легко и свободно. Она забыла, зачем пришла сюда, что ждет ее впереди. И когда вспомнила, что пора возвращаться, страха как не бывало.

Никто ее не хватился.

Еще день, потом другой она работала с особенным усердием, стараясь всем угождать. Свекровь прямо-таки нарадоваться на нее не могла и, конечно, тараторила без умолку. И хозяин подобрел – ему почти не доставалось от жены. Тайтак, и до того не баловавший Арину вниманием, просто перестал замечать ее. Ночи напролет бражничал где-то с парнями, возвращался чуть не под утро, а сразу после рассвета вместе с отцом уходил на сенокос.

Все складывалось как нельзя лучше.

...В этот вечер мужчины позже обычного вернулись домой. Коровы были уже подоены. Ребятишки с громкими криками загоняли овец в пригоны, стравливали собак, и те грызлись, визжали под хохот мальчишек и брань старших.

Арина сидела в высокой траве недалеко от аила. Если бы кто-нибудь увидел ее сейчас!.. Она была без чегедека, в своем платье, том, что было на ней, когда ее увезли из Дьяйлу. Через плечо переброшена одна коса... Передумай теперь Арина, останься – все равно не смогла бы в таком виде показаться людям.

Из аила вышел Тайтак, прошел к дальним соседям... Нет, пошагал дальше. Перебрел через речку... Следом за ним лениво тянулись еще трое или четверо парней.

Голубой дымок выбивался из аилов, низко стлался над землей, сливался с туманом, который поднимался у подножий гор.

Сдерживая нетерпение, Арина ждала, пока из-за речки не раздастся нестройный хор пьяных голосов. Арина прислушалась: Тайтак не отставал от других!

Луна еще не взошла, но вот-вот должна была высунуть на небо из-за гор свой краешек. На вершине горы, похожей на верблюжий горб, уже засеребрились макушки лиственниц.

Нашарив в траве узелок и даже не обернувшись в сторону аила, который должен был стать ее домом, ее судьбой, Арина пустилась в путь.

До того как подыметесь луна, надо миновать перевал, мрачно чернеющий слева. Выходить на дорогу опасно. Днем, мысленно представляя, как она будет идти, Арина легко преодолевала расстояние до перевала. Сейчас же пути не было конца.

Колючие кусты кололи руки, цеплялись за платье. Ноги скользили, оступались. То камень подвертывался, то на ровном месте оказывалась яма. Через минуту нога находила опору, и яма превращалась в совсем маленькую выбоину.

Арина успокоилась, но через несколько шагов снова едва не провалилась в канаву, которую днем перешагнула бы, не заметив. «Скорей! Скорей!» – торопило сердце.

Все-таки она отважилась выйти на дорогу. Стало легче – и шагать и дышать. А когда луна, спохватившись, наконец, что опоздает на встречу со звездами, выкатилась на простор, Арина даже обрадовалась ее появлению, чуть сбавила быстрый шаг, перевела дух. И сердце теперь ровно постукивало, и руки сами разлетались в стороны – свободные, сильные...

«Дьяйлу, Дьяйлу», – ласково шелестели деревья.

«Дьяйлу, Дьяйлу», – журчал за камнем родник.

«Дьяйлу!» – крикнула перепелка и тут же смолкла.

Позади послышался топот копыт.

Арина шмыгнула в кусты, затаилась. Только что приветливо подмигивавшая ей луна нахмурила брови и направила весь свой холодный свет прямо на нее.

Хотя всадники были еще далеко, Арина узнала мужа и свекра. Они то проезжали по дороге вперед, то направляли коней в кусты, с треском ломая их, кружили возле камней, хлестали плетью по высокой траве, снова выезжали на дорогу, все приближаясь и приближаясь.

Тайтак с отцом проскакали мимо, но вскоре вернулись. Свекор подъехал почти к самому кусту, за которым замерла Арина. Он остановил коня, прислушался. Потом выругался, несколько раз хлестнул по кусту камчой, резко поворотил коня. Тайтак, тоже оставаясь в седле, обшаривал соседние кусты.

– Ищи, ищи! – прикрикнул на него отец. – Твоя баба, тебе и искать. Далеко не убежит. Как увидишь – кидай аркан на шею! Таковую лучше сразу придушить... Давай вперед! – и выехал на дорогу.

Дробно стучали копыта, звякали все тише и тише медные стремена, исчезали вдаль два верховых... А луна как ни в чем не бывало подмигивала: «Я же пошутила!»

Еще не унялась дрожь: а если Тайтак с отцом вернуться... И вдруг захотелось есть, будто давным-давно не было и крошки во рту.

На всякий случай решила уйти подальше от дороги.

Перебегала от куста к кусту, затаивалась, прислушивалась. Успокоенная, дошла до родничка, села на камень, достала из узелка лепешку, проглотила, почти не жуя, запила холодной водой. Сломала толстенный стебель пучки, набрала в него воды про запас. Можно было продолжать путь.

4

Только на четвертую ночь добралась Арина до родного Дьяйлу. Накануне кончились ее скудные припасы, и последний день было трудно идти не только от усталости, но и от голода. Горсть ягод да вода из родников не прибавили сил.

Она брела наугад и все-таки точно вышла к знакомым с детства местам – дальним покосам дьяйлинцев. Теперь-то Арина и с завязанными глазами добралась бы до своего аила. Но что-то тревожно билось сердце. Не просто, ох как не просто было пройти по Дьяйлу, переступить порог дома отца...

Вот и гора, с которой девушки катались зимними вечерами. А на тот дремлющий в лунном сиянии луг она гоняла коров. А на поляне за речкой собирались веселые ойыны-хороводы... Мостик – излюбленное место парней...

Арина шагнула из-за деревьев на залитую лунным светом дорогу и торопливо пошла вдоль берега напрямик к своей избе.

Почему-то не видно было лежащих у домов и аилов коров, сонно пережевывающих жвачку. Не слышалось лая чутких псов, отзывавшихся дружной брехней на всякий подозрительный шорох в ночи. Уж собаки-то давно бы почуяли Арину. Почему они молчат? Ни на поляне за речкой, ни на мостике – ни души.

В эту пору не скоро расходится по домам молодежь – поют, играют на комусе. Какой-нибудь балагур изображает шамана – прыгает, извивается так, что горы устают повторять громкий хохот. А то найдется шутник – запрыгнет на торбока. Годовалый телок ошалело ревет, брыкается по луговине, и опять не смолкает общий смех...

Но тихо, непривычно тихо вокруг. И островерхие аилы чернеют так, будто вытянули шеи и настороженно прислушиваются. И подслеповатые окна изб пугающе поблескивают. И чья-то распахнутая калитка скрежещет ржавыми петлями...

«Чего только в голову лезет!» – успокоила себя Арина, замедлила шаги, присела на придорожный камень, чтобы уж потом, не останавливаясь, добежать до самого дома.

...Светло на поляне, как днем. Вон на том краю девушки сбиваются в кружок, шушукаются, хихикают, прячут от парней лица за спинами подруг. И всегда найдется смелая – запоет:

Ждала я, милый тебя,
Ждала много лет.
Почему не взглянешь на меня?
Почему на другую смотришь?

И все подхватывают. И перекликаются звонкие, высокие голоса, долго звучат над уснувшими лугами, чернеющим лесом, пока не стихнут вдали. Но уже задумчивый, низкий голос с грустью выводит:

Томила я много лет,
Томила, тебя ожидая,
Ты вернулся издалека.
Почему на меня не взглянешь?

Парни изо всех сил стараются делать вид, будто песня их не касается, к ним не относится, не для них предназначена. Рассказывают друг другу смешные истории, потешаются над неудачами охотников урочища, затевают возню.

В конце концов не выдерживают и они. Один затынет, – остальные нестройными голосами поддержат:

Несчастливую карту я
Зачем бросил на ширдек.
В несчастливую девчонку
Зачем влюбился...

Девушки торопливо перешептываются, решая, какой песней ответить.

Несчастливую карту ты
Зря кидаешь на ширдек.
На несчастливую девушку
Зря надеешься.

И начинается переключка. До ранней летней зари не смолкают голоса, полные то нежности, то задора, то насмешки, то грусти...

«Почему так тихо?» – думает Арина.

Сколько дней и ночей ждала она этой минуты!.. И вот – дома. А Дьяйлу – точно вымерло...

Она подбежала к открытому пригону и удивилась – как это мать не заперла на ночь? Зная, что летом мать никогда не спит в избе, шагнула к аилу. Возле него буйно разросся бурьян. И такого никогда не случилось – всегда

бурьян был выкошен. Дверь в аил распахнута настежь. Внутри – темнота.

Арина замерла на пороге и тихо позвала мать. Никто не ответил. Окликнула еще раз, громче, – молчание. Набравшись смелости, переступила порог.

Сова, должно быть, проспавшая час охоты под крышей аила, шумно захлопала крыльями и вылетела через дымоход. Арина испуганно вскрикнула, но почти не услышала своего голоса – так глухо прозвучал он в пустом аиле.

Очаг погас давным-давно. Возле него – разбитый посудный ящик. И ничего больше. И закопченного тагана нет...

Под ногами что-то звякнуло. Арина нагнулась, пошарила в темноте, набрала горсть патронных гильз.

Что здесь случилось? Кто здесь был?

Метнулась на улицу, к избе. Остановилась перед выбитой дверью, со страхом заглянула внутрь. И дом пуст. Кинулась назад. Ее будто перебросило через жердевой забор.

Спотыкаясь в высокой траве, накалываясь на репей, побежала к дороге. Хотела позвать на помощь, но перехватило горло. Казалось, кто-то гонится за нею, сейчас схватит...

Арина побежала по узкому логу, протянувшемуся через Дьяйлу. Бежала по кустам. Бежала, пока не упала под высокой елью, уже не в состоянии сделать больше ни шагу. Мутило от голода. Хотелось уснуть, но перед глазами плясали разноцветные круги. Стоило сомкнуть веки, и круги пускались в стремительный хоровод, земля куда-то уплывала.

Только когда в небе налилась кровью узкая полоска зари, Арина, привалившись спиной к стволу ели, забылась. Взошло солнце и пригрело ее.

Проснулась она от шелеста травы. На нее в упор таращил глаза бурндук. Солнце поднялось над вершинами

деревьев. С трудом пошевелив ноющими руками, Арина протерла глаза. Увидела дома и айлы Дьяйлу, задумалась: «Куда теперь?»

До ближайшего алтайского урочища два-три дня ходу. Не дойти. Вернуться в Дьяйлу – может, хоть кто-нибудь остался? Поесть.

Едва переставляя ноги, дотащилась до того камня, на котором сидела ночью. Дальше идти не смогла. Отсюда все селение – как на ладони. И уже нечего было больше гадать – остался ли кто в Дьяйлу.

Никого.

Только голод заставил ее вновь добраться до своего двора. И вдруг на жердях изгороди увидела рыжего котенка. Он жалобно мяукал. Арина протянула руки к котенку, но тот одичало орал и царапался. Она срывающимся от волнения голосом разговаривала с ним, расспрашивала, где люди, где мать, жаловалась на свою судьбу...

Совсем рядом замычала корова. Арина оглянулась. По дороге, навалив на плечо вязанку хвороста, шел, погоняя впереди себя корову, старик.

Это был дед Карамай, отец Одоя.

– Стойте, стойте! – позвала Арина. – Это я! Узнаете? Вы откуда, дедушка? Где люди?..

Карамай, прикрыв от солнца ладонью слезящиеся глаза, долго всматривался, но не узнавал. Да и трудно было узнать Арину в изодранном и запыленном платье, с исцарапанными руками, осунувшимся лицом, почерневшую от усталости и голода.

– Ты кто будешь? – спросил Карамай и бросил хворост на землю.

Арина назвала себя.

Старик недоверчиво покачал головой.

– Арина, говоришь? А почему ты не в Аюлинской долине? Зачем пришла? Разве там такая же беда, как у нас? О-оо, – протянул горестно он. – Конец света, наверно, пришел. Мне-то, старому человеку, что: я прожил свой век, видел жизнь... А что с молодыми будет?.. Конец света, конец света...

Старик бормотал про себя, не слушая, что говорила ему Арина. Он взвалил вязанку на плечо, шлепнул ладонью корову и поплелся по дороге, продолжая говорить сам с собой.

– О-оо, калак! Правду говорили мудрые люди, что будет на Алтае огненное бедствие, придет беда... Все так и случилось...

– Что случилось? Где все, дедушка? – кричала Арина Карамаю в самое ухо, стараясь не отставать от него.

Карамай отмахивался, как от назойливой мухи, твердил свое:

– Кто же меня тронет, дитя мое? Что они возьмут, если убьют меня? Я не белый, не красный. У меня только и есть, что бедный аил. Кому какое дело до меня? Я спокойно свой век доживу. Без белых и без красных... А верно говорили: Алтай потонет в крови. Так и будет...

Они вышли на самый край урочища, где на отшибе стоял аил Карамая. Старенький аил... Над ним чуть курился дымок.

– Где бабушка Чоргош? Где Одой? – допытывалась Арина.

Старик, не ответив, скрылся в аиле.

Арина схватила ведро, подоила буренку, жадно попила молока, плеснула в плошку котенку и только тогда вошла в аил. Старик, бурча под нос, сидел у огня и плел волосяные путы. Он даже не повернул головы. Устроившись на полке для утвари – янартыке, Арина тут же уснула.

Уже стемнело, когда она проснулась. Старик был на том же месте, возле очага, и курил, о чем-то задумавшись. С женской половины аила доносился негромкий хруст – там бабушка Чоргош мяла в своих жестких ладонях табачные листья. На лугах началась перекличка перепелов, раздавалось нечастое скрипучее дерганье коростеля.

Арина торопливо заплела косу, спрыгнула на земляной пол.

– Все ли у вас хорошо, мать Одой? – робко обратилась она к Чоргош.

– У тебя хорошо ли, Арина? – ответила старушка вопросом на вопрос. – В гости приехала, или там тоже беда?

Мать Одой не пришлось расспрашивать. Чоргош сама, торопясь, чтоб не перебили, обрушила на Арину поток новостей.

– Ба-таа, дитя мое! Большая беда пришла к нам. Все люди на Алтае разделились. Одни – белые, другие –

красные. Такие несчастья, слов не подберешь про все рассказать... Сначала к нам в Дьяйлу красные пришли. Много их было – не сосчитать. Наши люди тоже все красные стали. Каждый к своему аилу кусок красной материи привязал. У кого лошади были, все поехали с красными. У кого не было, пешком ушли. И твой отец с красными уехал...

Оставив табак, Чоргош налила в почерневший от времени и дыма медный чайник воды, повесила над огнем. С трудом одолевая одышку, говорила, говорила, говорила...

– Про белых лучше и не вспоминать!.. Как скот, людей резали. Коров, торбоков с собой угнали... Что удалось спасти, в тайге наши спрятали. И сами в тайгу ушли. Там и живут. Боятся в Дьяйлу вернуться. Кто знает, что дальше будет? Мы с дедушкой двое только и остались. Красные приезжают – красный лоскут над аилом повесим. Белые появятся – белую тряпку привязываем... Глаза вот плохие... И не разберешь – кто какой. Еще спутаем, тогда смерть нам обоим... Сынок наш единственный, Одой, тоже в тайгу ушел. И дочки с ним. Нам и дров некому принести, и воды натаскать... О-ох!.. Все смотрю в тайгу, все жду детей... Когда вернутся?.. Ячмень посеяли, ничего не выросло. Потоптали. Днем, ночью приезжают, ничего не разбирают – прямо по полям скачут на конях... Правду Карамай говорит: конец света, наверно...

Ни о чем не выпрашивала старая Чоргош Арину. Пришла и пришла. Хоть живая осталась, и то ладно. Накормила ее. Починила ей платье. И все причитала, пересказывая беды и несчастья, обрушившиеся на дьяйлинцев.

Назавтра Арина разыскала мать. Чоргош показала ей дорогу.

Рассердилась мать, увидев Арину, узнав, что она убежала от мужа. Будь это дома, на порог бы не пустила! Косу

посмела, как девка, заплести. Чегедек сбросила. Такой позор на весь их род! Целый день мать не разговаривала.

И еще бы, наверное, не скоро отошла, да никто из соседей не попрекал Арину, никто не корил мать за то, что дочь ее нарушила вековой обычай. У всех свои заботы. Соберется каждая семья у своего костра – ни разговора, ни смеха. Даже ребятишки стали совсем тихие.

Встреч с бывшими своими подругами Арина избегала, старалась вообще поменьше попадаться людям на глаза.

Как-то столкнулась нос к носу с Каракаем – похолодела: просмеет. А тот и рта не раскрыл. Скучный, хмурый...

Парни по очереди спускались в долину, следили за дорогой, пробирались в соседние урочища, чтобы разузнать, что делается вокруг. Возвращались с одним и тем же – ни красных, ни белых. Будто вымер Алтай...

Видно, в самом деле стало спокойно. Посоветовались, решили возвращаться в Дьяйлу.

Мать Арины уходила последней: стыдилась дочери, опозорившей семью. Она брела, погоняя корову и телку. Арина ехала верхом на старом Гнедке, на котором отец обычно возил сено. Конь еле переступал под тяжестью домашнего скарба.

В лесу стало шумно. Люди спешили домой, кричали на детей. Плакали ребятишки, мычали коровы, блеяли овцы, лаяли собаки...

Между березок-близнецов застряла маленькая козочка, пыталась вырваться, но стволы не пускали ее, и она совсем по-человечьи плакала. Арина нагнулась, подхватила ее, подняла на седло. Козочка брыкалась, норовила спрыгнуть на землю. Пришлось отпустить ее.

Впереди дочери деда Карама – Каргаа и Дыламаш – гнали овец и никак не могли заставить их идти по

тропинке. Овцы, сбиваясь в кучу, тыкались в кусты. Каргаа и Дыламаш наперебой ругали Одою за то, что он не хочет помочь им. Самого Одою не было видно. Но вот откуда-то появился и он. Должно быть, брань сестер надоела ему. Его черная голова замелькала между деревьями. Сестры не унимались, и от их визгливого крика овцы шарахались в стороны. Особенно непослушным был молодой барашек. Он пытался удрать к месту прежней стоянки. Одой несколько раз заворачивал его, но барашек выскальзывал из-под рук и мчался назад, смешно взбрыкивая. Вот он выбежал прямо на Арину и остановился в нерешительности. Выскочивший следом за ним Одой тоже остановился. Он снял шапку, утер пот и вдруг опустил голову, пряча лицо. Арина тоже смутилась, отвернулась. Рука легонько тронула повод, и Гнедко остановился.

Оба молчали.

Будто очнувшись, Арина вскинула голову и звонко крикнула:

– Чего стоишь? Гони свое стадо!

Одой нахлобучил шапку, хлопнул себя по бедрам и радостно завопил:

– Кыш, волчье мясо!

Много ли времени прошло, как Арина не видела Одою, а он переменялся. А может, и раньше был таким, да она не замечала? Украдкой Арина разглядывала его, а он, ничего не говоря, ухватился за подпругу и пошел рядом.

«Какой у него высокий лоб, тонкий нос, – отмечала про себя Арина. – И усы растут...»

Услышав, что его зовут сестры, Одой нехотя остановился.

Арина ударила пятками по бокам Гнедка и проехала вперед.

Притворившись, что приторочивает покрепче тюк, она потихоньку оглянулась. Их глаза встретились. Одой снова сорвал шапку, шагнул с тропы, махнул рукой и скрылся среди берез...

5

Дождям надоело лить, и они охотно сдались первым осенним заморозкам. На лугах и лесных опушках галдели галчата, уже выучившиеся летать. Желтая листва сбивалась под холодным ветром в стаи и кружила над дорогами.

По утрам поля покрывались седым инеем, и скот понуро бродил, неохотно хватая мокрые и жухлые кустики травы. Коровы шумно вздыхали и, словно жалуясь, протяжно ревели. Голодные, они почти не давали молока.

Едва управившись с одной бедой, дьяйлинцы попали в другую. Время сенокоса было упущено, кормов не заготовили, а на пороге стояла зима. Все — и стар и мал — кинулись в закрытые от ветров ложки, где трава еще не повяла, рвали, резали, косили траву, сушили ее на ветках деревьев, охапками сносили сено в пригоны.

По главной дороге через Дьяйлу шли и шли обозы красных частей. Усталые, обросшие бородами красноармейцы в островерхих шапках, сопровождавшие обозы русские крестьяне и алтайцы, измученные осенним бездорожьем и долгим путем. Иногда они останавливались в Дьяйлу на ночлег, меняли коней. Ни разу не взяли ни одной лошади просто так. Если их кони оказывались хуже, давали припядчу деньги и чай.

Приближалась зима, а дьяйлинские мужики все еще не вернулись домой. Никто не мог сказать, когда же кончится война. Даже большие начальники не знали, хотя говорили, что белым теперь крышка. Что это такое — крышка — выяснилось не сразу. Оказалось, что почти весь Алтай освобожден от белых, но в горах еще много крупных банд, которыми верховодят белые офицеры и богатеи-алтайцы. Бои с бандами не прекращались, но это было далеко от Дьяйлу.

Арина с матерью почти не жили дома. Запасали сено. Чаще всего и ночевать не возвращались, спали у костра или в наспех сделанном шалаше. Там же, в лесу, поставили несколько небольших стожков. Решили, если отец скоро не вернется, Арина сама съездит за сеном.

С одним из обозов в Дьяйлу привезли много раненых красноармейцев. Среди них было немало алтайцев из тех сел, дорогу в которые перекрыли банды. Всех их оставили в урочище. Арина уговорила мать, чтобы и в их дом опре-

---

делили раненых: в каждой избе, в каждом аиле их было полным-полно.

Каждое утро Арина стелила на пол в избе свежую траву, носила раненым воду, чистила и сушила их одежду, из скудных солдатских припасов ухитрялась приготовить какое-то подобие еды и кое-как накормить изголодавшихся людей.

Долгими вечерами красноармейцы рассказывали о себе, о тех местах, где раньше жили, где побывали. И Арина изумлялась тому, как обширна земля, как много народу на свете, как совсем по-иному живут за пределами Алтая.

В эти дни, вернее вечера, зачастил к ним Одой. Он помогал Арине ухаживать за красноармейцами, а потом вместе с нею слушал их рассказы. Когда раненые засыпали, Одой и Арина усаживались на подоконник и, накрывшись одной шубой, вспоминали страшные сказки. Стоило кому-нибудь из раненых шевельнуться, Арина соскакивала, подавала воду, теплее укутывала больного и снова забиралась на подоконник.

Одой словно и знать не хотел, что Арина убежала от мужа. Он готов был часами не отходить от нее, говорить о чем угодно, помогать ей. Но так бывало, когда они оставались вдвоем. На людях оба старались не замечать друг друга.

Чуть не до зари просиживали они, тесно прижавшись друг к другу. Голосили петухи. Одой смущенно отодвигался и начинал прощаться. Арина уговаривала:

— Куда ты пойдешь? Оставайся. Поздно...

Одой мотал головой и уходил, напевая песню. Кончал петь — начинал насвистывать: мужчина же, ничего не боится! Арина стояла на пороге и слушала, пока не умолкали его шаги, голос или свист.

Мать делала вид, будто ничего не замечает. В дом она и не заходила, жила в аиле.

Когда установилась санная дорога, раненых увезли. Некоторые, уже окрепшие, ушли раньше – стосковались по дому, по родным. Всем им Арина совала сырчик, лепешки. Заставляла и Одою приносить что-нибудь красноармейцам в дорогу.

Опустел дом. И Одой перестал появляться – уехал заготавливать дрова.

Арина перебралась к матери в аил. Одной в пустой нетопленной избе было неуютно, холодно, страшно. Но и в аиле, у жаркого костра, не гаснувшего круглые сутки, было не теплее. Мать стала как чужая.

Много ли времени надо, чтобы покормить и напоить корову с телком, Гнедка, пару овечек, наносить воды, нарубить дров? А потом? Сиди у очага и думай, думай...

Одой вернулся из леса, зашел раз, другой. Но при матери он молчал, мялся и, недолго побыв, уходил. Как-то привез дрова. Лучше бы и не привозил. Следом за ним прибежали сестры – Каргаа и Дыламаш – раскричались. Ругали на чем свет стоит. Одой торопливо ушел, а сестры трусили следом за ним и на все урочище поносили Арину. Дьяйлинцы провожали глазами Одою и его горластых сестер, осуждающе качали головами, переговаривались между собой. И трудно было понять, кого они осуждают: Одою, Каргаа с Дыламаш или Арину.

А зима уже набрала силу. Было ясно, что мужчины скоро не вернуться. Дьяйлу затихло в морозе, снегах, ожидании.

Как-то ночью Арина проснулась от холода. Не в силах унять дрожь, она подбросила пару коряг в очаг, забралась за янартык, потеплее укуталась овчиной. Сквозь

дымоход тускло светили звезды, а через дыры в стенах аила пробивались узкие полоски бледного света луны. Было тихо, спокойно. Но почему-то Арина охватил страх. Она взглянула на мать, крепко спавшую возле очага. В костре мигали угли, негромко потрескивали не успевшие разгореться лиственничные поленья.

Арина подняла голову, прислушалась. Ни звука. Только сердце билось часто-часто. Она откинулась на кожаные капы, набитые всякой рухлядью, поворочалась, чтобы устроиться поудобнее. С улицы доносились лишь печальные вздохи коровы в пригоне да ленивая брехня собак. Борясь с морозом, шумела река: она то всхлипывала, как человек, то по-ребячьи смеялась, то бубнила, как старуха-говорунья. Под это бормотанье реки Арина и задремала.

Но не успела она, наверное, сомкнуть глаза, как разом остервенело залаяли все собаки в Дьяйлу. Нарастал топот множества подков по застывшей земле, звон стремян. Рядом с аилом топот оборвался. Мать, должно быть, тоже встревоженная неожиданным шумом, отбросила шубейку, вскочила на ноги. Заглушая всех остальных, давилась визгом и лаем совсем рядом собака, но, словно поперхнувшись, умолкла и заскулила, получив, очевидно, удар плетью.

Послышался глухой говор. Кто-то сильными руками дернул дверь аила, но она не поддалась. С улицы донесся вкрадчивый голос алтайца:

– Откройте дверь, люди!..

Мать шагнула к двери, Арина, едва дотянувшись до нее, удержала ее и шепнула:

– Не открывай!

Ей удалось схватить сухую руку матери.

Другой голос, тоже спокойный, произнес ласково:

– Есть кто или нет? Не бойтесь. Ничего плохого не будет. Открывайте. У нас нет дурных мыслей.

Он еще не договорил, а рядом кто-то тонко захихикал. И тут же в дверь ударили саблей. Перебивая друг друга, забухали простуженные, хриплые голоса:

– Долго будем ждать?

– Что болтать – пни ногой эту гнилую кору, и развалится!

– Зачем так, – льстиво возразил тот, что спрашивал прежде. – Мы ведь в гости пожаловали. Зачем силой...

– И подарки привезли хозяину, – подхватил кто-то, – Баранью лопатку на кончике штыка!

За дверью расхохотались.

Арина узнала этот вкрадчивый, льстивый голос – свекор, Топыйнак! Потянула к себе мать, зашептала:

– Не открывай! Не надо!

Мать ничего не хотела понимать: почему не пустить людей? Ведь алтайцы!

– Отстань! – рассердилась она. – Это же наши, свои. Что мы им сделали плохого? Небо свидетель. Пусти, отворю!..

– Не надо! – в отчаянии повторила Арина, но мать оттолкнула ее, и Арина, больно стукнувшись головой о что-то твердое, упала на янартык, скатилась к стенке аила.

Мать не успела отворить дверь, как сорванный крючок булькнул в стоявшем у порога корыте с молочной сывороткой. Дверь с треском отлетела в сторону, и под низкой притолокой показались пригнувшиеся вооруженные люди. Под наведенным дулом винтовки мать попятилась, замерла, но тут же бросилась к костру, сунула полено, подхватила чайник, стала прилаживать его на таган. По дымным стенкам аила замелькала тень от ее тощей фигурки.

Вошедшие столпились у очага. Они не сели на ширдеки, которые успела разостлать мать. Этим они давали понять, что им нанесена обида.

Мать боялась поднять глаза. В неярком свете она не успела разглядеть, кто же находится в аиле, сколько их.

Кто-то шарил по углам, гремел посудой.

Бородатый, сутулый, лет сорока, должно быть, главный, осипшим голосом потребовал араку.

Мать мигом достала ташаур, перелила араку в чайник, чтобы подогреть. Бородач бесцеремонно отобрал у нее чайник и спросил:

– Всегда в этом доме так родню принимают? Не узнаешь, что ли, своего свата?

Сзади донеслось:

– Все ли у тебя хорошо, сватья? – И этот же голос, в котором теперь звучала затаенная угроза, спросил: – А где хозяин? Почему он нас не встречает?

Мать немного оправилась от испуга, но голос ее дрожал, когда она тихо ответила:

– Кто знает, где он шатается... С лета самого нет. Где его только носит по свету...

– А невестка моя где? И ее что-то не видно, – заскрипел из темноты тот же голос. – Сват, слышал я, как паршивый Тастаракай за красными ускакал. А вот невестка куда пропала?.. Уж не к нему ли?

– Не знаю, как вы мою дочь хранили, – попыталась вывернуться мать. Она кружила у костра, как лиса, затравленная собаками. – Слышала я, будто убежала она оттуда, куда была выдана... Может, вы скажете, где она теперь?

– А мне другое говорили, – шагнул к свету Топыйнак. – Говорили, что видели невестку в доме матери. – Шапка у него была низко надвинута на лоб, сбоку болталась кисть и торчала вылезшая из-под шапки косичка. Глаза его недобро блестели. Он наудачу ткнул в капы саблей и обернулся к

своим спутникам. – У моего свата, однако, полон дом добра от красных. Может, развяжем да посмотрим? Что-нибудь и нам пригодится.

Чернобородый торопливо допил араку и сел, поджав под себя кривые ноги. Остальные продолжали стоять.

– Так ты говоришь, что твой муж отправился воевать против белых? – спросил он и швырнул чашку на пол.

– О калак! – завопила мать. – Мы не красные, не белые. Мы живем мирно, никому зла не делаем!

Бородатый вытащил из-за голенища медную трубку, не спеша набил табаком, прикурил от головешки.

– А зачем кусок красной тряпки висел над твоим аилом? Мы все знаем!.. Ну, раз добром не хочешь, пусть с тобой сват разговаривает. Все-таки родня... – хрипло захохотал он. – А у меня нет времени попусту болтать. До утра еще у русских погостить надо в Каянчине. По коням! – коротко бросил он и вскочил.

Топыйнак подошел к матери. Оглянулся на бородатого. Громко, чтобы все слышали, пригрозил:

– Ну, со сватом я, пожалуй, в Чуйской долине встречусь. Там и поговорю. И невестку найду. Не к спеху. А с тобой можно и попрощаться.

Он вытянул саблю, взмахнул ею и косо рубанул мать. Она свалилась у костра, тихо застонав.

Все повернулись к выходу, натываясь в темноте на дрова и друг на друга. Опрокинули корыто.

Едва «гости» вышли за порог, Арина выбралась из-под капов, бросилась к матери, залитой кровью. Дотащить до постели не смогла, упала рядом с нею, обняла, прижалась, заплакала.

Утром соседи так и нашли их лежащими в обнимку на полу. Перенесли обеих на лежанку, прибрали разгромлен-

---

ный аил, накормили Арину. Мать была еще жива, но не приходила в сознание. К вечеру она умерла.

Дед Карамай сделал гроб из сосновых досок, собрал в кучу стружки, зажег их и, сидя на корточках перед маленьким костерком, вытянув скрюченные пальцы над огнем, по привычке бормотал себе под нос. Соседки молча возились в аиле, обряжали покойницу, варили обед. Пахло жжеными ветками можжевельника.

Ждали парней, ушедших копать могилу. Пришли и они. Одой тоже пришел с ними. Все расселись вокруг очага. В безмолвии пили чай. Есть никто не стал. Одой украдкой поглядывал на Арину, порывался подойти к ней, сказать что-нибудь, но так и не решился.

Старики подняли гроб. Ноша оказалась для них слишком тяжелой, и, пока они дошли до могилы, пришлось несколько раз останавливаться. Но вот замерзшие комья земли и камни застучали о доски. Арина сидела на краю ямы и невидящими глазами смотрела перед собой.

– Брось, дочка, горсточку земли, – участливо шепнула какая-то старуха, склонившись к Арине. – Пусть твоя мать не знает там страданий...

Арина взяла холодный комок. Он выпал из ее руки, глухо стукнул где-то внизу.

Над могилой насыпали низкий неровный холмик. Люди в молчании стояли рядом с Ариной. Никто не хотел уходить первым. По привычке потянулись за табаком.

Арина побрела к дому...

6

Над опустевшими и занесенными снегом зимними дорогами надрывно воют метели. Ни пешего, ни конного на этих дорогах...

Бежит время, не посвящая в свои тайны ни вдов, ни сирот. Где их мужья и отцы? Может, и живы? Почему же не возвращаются они? Еще теплится надежда: добьют остатки банд каких-то Кайгородовых, Чекураковых, Ташкиновых, уцелеют – вернутся.

От всего света отрезано Дьяйлу. И хоть бы кто-нибудь пришел, приехал да рассказал о родных и близких. Бегают женщины из аила в аил, спрашивают друг у друга – какие новости, не слышно ли что о чоновцах? Откуда взяться новостям?

Одна надежда – на деда Королдоя. Жжет над костром дед Королдой баранью лопатку, гадает по ней, предсказывает – кто когда в Дьяйлу вернется. Дед добрый, всех успокаивает, всем скорую встречу обещает.

Не унимается тревога и после его гаданья. Как не волноваться: вторую зиму нет мужиков. Трудно без них, хозяйство гибнет. Скота меньше и меньше остается, да и нечем кормить. Вкус талкана забыли – ячмень повывелся. Голодно...

...Арина греет дыханием замерзшее окно, смотрит сквозь вытаявший кружок, как пляшет между застывшими аилами выюга. Из пригона доносится жалобное мычанье коровы.

Завывает ветер в узких ущельях, тянет свою злую, голодную песню, нагоняет тоску и отчаяние.

Одиночество. Вот что, оказывается, страшнее всего.

Люди есть люди. Разве можно их в чем-нибудь винить? Не могут они только о беде Арины думать. Своего горя у всех – ничем его не измерить...

Забегали соседки на первых порах. Кто сена подвез, кто дровами поделился, кто от скудных запасов еды для нее отделил. Сирота, верно. А свои дети – не сироты? Взрослая же Арина. Сама о себе должна позаботиться...

Вот и одна. Совсем одна.

Чем дальше, тем труднее сносить эту тоску.

Одою давно уже не видела. Сама виновата. Захотела, он не перестал бы ходить к ней. А к чему все это? Дома Одою из-за нее житья не дают. Сестры его слышать об Арине не хотят. Вот нарочно и поссорилась с ним...

Одою хоть бы что. Все с парнями. С Каракаем водой не разольешь... Ну и пусть.

...Ранней весной поодиночке стали возвращаться в Дьяйлу мужики. Кто раньше пришел, успел землю вспахать, хоть немного ячменя посеять. И все тянулись, тянулись.

Одного встретит Арина, другого:

– Моего отца не встречали, булар?

– Дьок, дочка... Не видел.

У кого радость, у кого горе. Те баранов режут, эти – ревмя ревут. Много, ох как много мужиков никогда не вернется в Дьяйлу. Сложили головы на горных тропах...

А жизнь идет своим чередом. Новая, непонятная жизнь.

Эти двое русских наделали переполоха. С обветренными лицами, совсем не похожие один на другого: высокий здоровяк и худенький коротышка, зовут обоих одинаково – «Зелемер». Переводчик объяснил, что они приехали резать землю, но это вызвало еще больше недоумения.

– Всю жизнь прожили, – удивлялись старики, – не кололи, не резали землю. Все равно ячмень рос. На резаной земле, что ли, гуще расти будет?

А «Зелемеры», наняв у дьяйлинцев лошадей, объезжали пологие склоны, взбирались на сопки, с помощью нескольких парней вбивали зачем-то столбы, делали на них пометки.

Одой и Каракай стали у них первыми помощниками. И, конечно же, дьяйлинцы, прежде всего, у них расспрашивали, что же это теперь будет и какая земля кому достанется. Одой по своему обыкновению больше отмалчивался, а Каракай пускался в такие путаные объяснения, на ходу сочиняя всевозможные небылицы, что разобраться в происходящем становилось все труднее.

Чуть плохо не кончилось.

Надо же было Каракаю болтнуть, когда старики пристали к нему с расспросами:

– Зачем режут! Зачем режут!.. Когда помрете, каждого закопают на том месте, какое «Зелемеры» отведут.

Едва успокоили «Зелемеры» стариков.

А следом еще приезжие. Алтайцы. Но тоже не лучше. Начали весь скот подряд метить. Ладно бы – занимались своим делом: скоту все одно – что меченый, что немеченый. Разговорчивые парни попались. Вот, говорят, живете на краю света. На Алтай новая жизнь пришла, а у вас тут... Везде коммуны создают, сообща работают. Сохи, бороны – общие. Скот – общий. Земля – общая...

Опять тревога.

– Скоту ставят метки. Скоро людей метить будут. Каждому – на лоб клеймо, – ползет по урочищу слух.

Когда немного погодя приехали в Дьяйлу какие-то начальники, стали уговаривать вступать в коммуну, – желающих почти не оказалось.

Создали здесь в конце концов емелюк – сообщество, или, как его еще по-русски называли, – ТОЗ.

Кто за это ухватился – молодежь. Им что! Своего не нажили. И тут Одой с Каракаем впереди всех оказались. Когда только успели! Вроде бы все время на глазах, разве что с «Зелемерами» несколько дней хороводились. И вот уже ходят по избам, по аилам, убеждают всех идти в емелюк.

– В русских деревнях все живут в коммунах, – доказывает Каракай, – Сначала, говорят, в Каменке одна кляча на всех была. Через год табун коней завели!.. А слышали? У них бабы двойни рожают. Трубку не успеют выкурить, а ребяташки уже говорить начинают!..

– А что они говорят, не знаешь? – смеются дьяйлинцы...

– А вот одна родила двойню, – невозмутимо отвечает Каракай, – села курить. Слышит: один сын «папа» говорит, другой – «мама». Через неделю один кричит «емелюк», другой – «коммуна».

Ну что с болтуна возьмешь! А он хоть и болтун, а между враньем и дельное что-нибудь скажет.

– Сам ты с чем в свой емелюк придешь? – спрашивают старики, – Что у тебя, кроме облезлой шубы да тощей коровенки, есть?

Каракай растопыривает ладони.

– А это что? Две руки – разве мало?

Руки у Каракая действительно крепкие. Тут уж возразить нечего.

Хоть и туго подвигалось дело, а записалось в сообщество айлов двадцать. Беднота, конечно. Скот решили собрать вместе. Много ли его, скота? Половины байского стада не стоит. Зато всем работа есть. Одним – в поле, другим – со скотом.

Общее имущество, какое собралось, – упряжь, сохи – свезли во двор к Арине. У нее дом пустой, места много. А саму Арину к телятам приставили.

Одно неудобство вышло. Арина телят пасет – изба на замке. А ключ – у деда Карамая, отца Одоя. Старик надежный. Хоть и стар, но бережлив, честен. Он и смолоду таким был. И карт в руках не держал, и араку в меру пил.

Ему, значит, и ключ доверили. Вот Арине и приходилось, чтоб домой попасть, сначала на край Дьяйлу сбегать...

Это бы еще ничего – взад-вперед, через все урочище. С сестрами Одоя противно встречаться. Их бы воля, они бы Арину со света сжили: бояться, что брат с нею сойдется. Они ему простить не могут, что сам в емелюк вступил и семью потянул. Дед, как назло, начнет расспрашивать.

– Как скот? Какие новости?

Арина обычно скороговоркой ответит:

– Телята все целы. Нового ничего нет.

Схватит ключ и скорее домой.

Как-то Карамай спросил о другом:

– Про Санала ничего не слыхала, балам?

– Нет, булар, – растерялась Арина.

– Так, так... Тут, говорят, человек один проезжал...

Он будто твоего отца видел. С обозом, рассказывал, в Монголию ехал...

Старик задумался, что-то припоминая. Повернулся к Чоргош:

– Когда Санал уезжал, какая тряпка у него на шапке была?

Чоргош не спеша запалила трубочку.

– А у красных какая тряпка была: белая или красная?

Старик отмахнулся от нее.

– Может, ты знаешь? – взглянул на Арину. – Да что я...

Тебя тогда не было... Э-э, чалта!.. – Он забормотал что-то и, похоже, забыл уже, о чем спрашивал.

Арина переминалась с ноги на ногу, ждала, что дед Карамай скажет еще. Так и не дождалась. Забрала ключ и направилась домой. На душе было беспокойно.

Возле избы стоял Самтар.

– Чего поздно ходишь? Думаешь, отца нет, можешь вверх ногами ходить?

– До моей жизни никому дела нет! – вспыхнула Арина. – Чего надо?

– Открывай свою колоду. Вещи сдать надо.

– Какие такие вещи?

– Открывай, тебе говорят! В вашу коммуну буду записываться. Принес, что у меня есть. Положишь... Ну! Открывай, а то разнесу это гнездо Санала. Ишь, ключи с собой до полуночи таскает. Ей по мужикам бегать, а тут люди добро сдать в емелюк не могут.

Не зная, как поступить, Арина все же отперла дверь.

Самтар, не переставая браниться, втащил в сени казан, выдолбленное из лиственничного ствола корыто и два кувшина с приделанными к ним изогнутыми трубками – самогонный аппарат...

Наутро разразился скандал.

– Не надо нам Самтара! – в один голос запротестовали члены сообщества. – Корову пропил. Сам где-то полгода пропадал, а теперь хочет нам на шею сесть. У него даже ложки нет, чтобы общий кёчё хлебать!

А отказать все же не смогли. Приняли.

Положение в емелюке сложилось тяжелое, чтоб не сказать безвыходное. Многие дьяйлинцы, передавая скот в общее стадо, надеялись за счет других прокормить его. Сена, конечно, не хватило. Начались ссоры. Кое-кто был готов выйти из сообщества, да не так это просто сделать. Выйди попробуй, когда твоих коров и овец кормили ползимы, а отдать нечем. А другой свое сено отдал и тоже обратно не получит... Вот и злились друг на друга, втайне надеясь дотянуть до месяца первой кукушки – до первой травы. А там, дескать, видно будет.

Все эти свары и дразги проходили мимо Арины. Она знала свое дело – ухаживать за телятами. И не было во всем емелюке работницы старательнее ее. Случалось, Каракай с Одоем заглядывали в телятник – активисты, им все положено знать! Одой напускал на себя строгость, но видно было, как ему хочется просто так поговорить с Ариной. Не о скотине, не о кормах!

Каракай щупал телят, выглядевших даже при тяжелой бескормице вполне прилично, и глубокомысленно изрекал:

– Смотри-ка, у них, кроме кожи и костей, еще что-то есть!..

Арина и Одой улыбались. Шутки Каракая, казалось, растапливали ледок отчуждения между ними.

Когда горы снова подернулись синим маревом и зазеленели луга, как-то сами по себе забылись распри, заслонявшие дьяйлинцам на исходе зимы белый свет. Быстро отошел на молодой траве скот, и никто уже не спешил покидать емелюк. Зачем торопиться? Уйти никогда не поздно. Тем более, что пахать землю всем народом – другое дело. Не одному ковырять сошкой! И споро, и весело. Даже «Зелемеров» пожалели: резали они, резали землю, а столбики-то все посшибали. Ни к чему они оказались на общих полях.

Пришла пора большого молока, кумыса и... араки. У матерей забот прибавилось – шить выросшим за год женихам новые шапки.

Опять стали каждый вечер сходить к мостику через Дьяйлушку. Опять зазвучали песни девушек. Опять до зари не расходилась молодежь с ойынов. А пели о новом. Пели о партизане, погибшем в Уймонской долине, об алтайце-комсомольце, который учит грамоте земляков и о котором тайно вздыхают девушки.

У иноходца грива шелковая,
В мире мягче шелка нет.
У милого умные глаза.
В небе такой звезды нет...

В один из таких вечеров захотела поглядеть на ойын и Арина. Долго не решалась подойти. Так и ушла бы, наверное, не набравшись смелости, но из круга вышел навстречу Одой. На голове у него была новенькая лисья шапка со щегольской кисточкой.

Арина обрадовалась: прежний Одой ни за что бы не решился даже к ней одной подойти, а тут на глазах у всех первым протягивает руку, хочет что-то сказать...

Она снова взглянула на его новую шапку. Готовая шагнуть вперед, задержалась на месте, спрятала руки за спину.

Как она сразу не догадалась! Дед Карамай и Чоргош женить его собираются. Шапку новую сшили...

– Перед невестой своей шапкой похваляйся! – отрезала Арина и повернулась к Одою спиной.

Он так и остался стоять с протянутой рукой. Покраснел, неловко отступил назад. Парни подняли его на смех.

– Комсомолец, называется! Не можешь недоуздок надеть на строптивую беглянку!..

Девушки окружили Арину, взяли ее под руки, и она запела вместе с ними:

Иноходец у меня.
Хочу ехать – нет камчи.
Есть невеста у меня.
Не женюсь я – нет чамчи².

Исподтишка Арина поглядывала на Одою и в душе ругала себя, что нехорошо обошлась с ним. Не надо было так.

---

² Чамча – рубаха

Парни подтрунивают над Каракаем:

– Соври что-нибудь!

– Самим ума не хватает? – Одой заступается за приятеля.

«Двух лет не прошло, – думает Арина, – а как все по-другому стало. Раньше Одоя дразнили – Каракай заступался. Теперь Одоя слушают...»

Одоя и в самом деле уважать стали. Болтать он не любит, если уж говорит, так умно. И старики к нему хорошо относятся. А вот характером – не вышел... На своем не умеет настоять...

«Перед сестрами хоть бы раз посмелее был», – вздыхает Арина.

Не веселит ее сегодня ойын. Чего тут делать? На Одоя глядеть? И так на него есть кому посмотреть – вон сколько девушек... шапка ему идет.

Задумавшись, Арина не заметила, когда Одой исчез. Посмотрела по сторонам – нет его...

«С другой ушел! Неужели правду говорят: худой конь поправится – лягучим станет, человек из бедности выбьется – хвастливым станет?»

Теперь уже и вовсе нечего оставаться на ойыне. Она потихоньку побрела к дому, а когда отошла, чтоб ее не было видно с мостика, припустила бегом, едва сдерживая слезы.

Подбежала к избе и – будто выросла в землю. На пороге сидел отец.

Увидев запыхавшуюся дочь, Санал сунул трубку за голенище, грузно поднялся.

– Здравствуй, балам. Сижу, сижу – никого нет. Где мать?

Арина разрыдалась.

Постаревший, ставший будто ниже ростом и уже в плечах, Санал всю ночь шагал по скрипучим половицам, слу-

---

шал сбивчивый рассказ Арины и курил трубку за трубкой. Вся изба наполнилась горьким дымом.

– Если б я знал... Если б я знал, – повторял он. – Своими бы руками задушил этих собак!

Он так и не лег на разостланный Ариной ширдек. Все ходил, курил...

– А ведь лебезили передо мной!.. Топыйнак говорил, что ты им как родная дочь...

В горле у него что-то булькало. Дышал он тяжело, с надсадным хрипом. Арина никогда не видела отца таким.

– Встретил я их, балам. И Топыйнака, и щенка его. Уж так они оба тебя нахваливали... Шибко сердитый я был – все простил им. Ради тебя. Что, думал, теперь изменишь? Родня... Согласился помочь им. В обоз их пошел... Я уже домой возвращался... Ладно, думал, помогу им с конем... До Кош-Агача доехали. Они в Монголию торопились. Ну, а на границе меня и не спрашивали... Забрали с собой... Едва вырвался. Вот как, дочка...

Скрипнула дверь. На пороге появился Одой. Увидев отца Арины, он попятился, неловко поздоровался.

– Чего топчешься? – Арина подвинула табурет. – Проходи, садись.

7

Ни один человек не ушел из емелюка. Взошел ячмень, и последние сомневавшиеся дали себе еще одну отсрочку. На месте крохотных клочков, пятнавших рваными запла-тами склоны гор, зеленели широкие поля. Посеяли столько, что урожая могло хватить и на талкан, и на муку, и на семена. Еще на обмен могло остаться. Так что стоило подумать.

Ну, а если о ячмене забот меньше, то и сена всем вместе можно накосить вволю... Так оно и вышло.

И урожай не обманул. Никогда не знали в Дьяйлу такого урожая.

...Красный от смущения, утирая пот, Одой сидел возле шалаша Санала и молчал. Отец Арины, как началась уборка, переселился вместе с другими мужчинами в поле. Туда и пришлось отправляться Одою сватать Арину. Позвал с собой Каракай. Кто лучше него, языкатого, справится с этим делом?

Дед Карамай рукой махнул – сказал сыну: как знаешь. Да Одой и не упрасивал его. Кому жениться – отцу, что ли? Значит, и без него можно обойтись.

И вот Каракай наливает из ташаура прохладную араку в чашку, протягивает ее Саналу.

– Вот... Убили мы красную лису, сшили воротник к шубке, да девушки нет, которая бы эту шубку носила...

Санал обстругивает зубья у вил и делает вид, что очень занят. Щурится, хмурится. От предложенной аракки, однако, не отказывается. Будто не понимая, о чем говорит Каракай, с притворной брюзгливостью отвечает:

– Когда же вы, паршивцы, зверя убили? У вас не то что ружья – ножа нет барана зарезать...

Девушки в сотне шагов от шалаша жнут ячмень. Им объяснять не надо, что за разговор ведут парни с отцом Арины.

– Ой, у меня нос чешется, – подмигивает одна. – Наверное, скоро на тое гулять...

– А у меня язык зачесался, – подхватывает другая. – Петь буду!

Арина не разгибает спины. Серп так и режет, так и режет ячмень. Движением головы отбросит косу, чтоб не мешала, и коротко, быстро – вжик, вжик серпом... А у самой

вот-вот сердце выпрыгнет: а ну как отец выпьет всю араку да откажет...

Не хочет, видно, Санал отдавать свою дочь Одою.

– Если, ребята, у вас в самом деле есть воротник из красной лисы, примерьте его в другом месте. Боюсь, не подойдет он моей дочке...

– А мы уже примеряли! – не теряется Каракай. – Ей как раз впору. Только вашей дочери и подойдет!

– Да что вы, ребята, в самую жатву надумали воротники к шубам ладить?

Каракая разве собьешь?

– Охотник скоро в город ехать собирается. Учиться. Вот и боится, как бы воротник моль не поела.

Одой удивляется находчивости своего друга и уже начинает верить в успех сватовства.

Пока Санал придумывает, как бы ему полочнее отказать назойливому свату, Каракай быстро запекает подходящую к случаю старинную песню:

Горный цветок танталай

Головку склонил, солнца просит.

Наш черный ташаур с аракой

У ваших ног о счастье просит...

– А он настоящее счастье просит? – начинает колебаться Санал.

Ему уже протянут еще один чочой, и ничего не остается, как осушить его. Арака тоже неплохой помощник при сватовстве.

– Ну, раз твой охотник хочет учиться... Такое время... – не совсем твердо выговаривает Санал. – Если моя дочь не против носить вашу шубу с красной лисой... Пусть носит. Только на свадьбу меня не зовите. Мне некогда. В поле работы много.

Это значит, что той надо устраивать не у Одоя.

Хитер Санал!

В аиле отца невесты свадьбу играть тоже не принято.

Каракай взглядом успокаивает встревоженного друга: дескать, все будет в порядке.

Не всем это пришлось по душе. И без того женитьба Одоя на Арине, опозорившей и себя, и свою семью, и весь свой род до десятого колена, и каждого дьяйлинца, вызвала достаточно пересудов.

Ну да ладно. Другое время пришло... Но чтобы той – в поле? Такого еще не бывало. Да разве кто откажется лишний раз попить и выпить вволю даровой арачки?

Старики, кряхтя и чертыхаясь, ехали верхами на выбранный Одоем луг. Там их встречали друзья жениха, снимали с седел, как драгоценную ношу, тащили на руках к почетным местам.

Кругом пылали жаркие костры. В больших казанах доваривалась баранина, и такой от нее шел аппетитный запах, что ждать, пока начнется пир, становилось все труднее.

Старики не без хитрости отказывались рассаживаться на ширдеках.

– Мы уж пока лучше в сторонке посидим. Трава мягкая...

Казалось, все на этой свадьбе будет не как у людей. Но обычаи все-таки были соблюдены.

Девушки подхватили Арину и повели не в «девичий» аил, а за большую лохматую ель. Заплели ей волосы на две косы. И березки принесли, и полог на них натянули, и за белым пологом повели невесту к жениху, и песню запели:

Легкие туманы синих гор
Пусть коврами расстелются.
Песня звонкая подруг
Пусть всегда звучит в твоей душе.

Когда парни, как и полагалось по обряду, сорвали полог, все так и ахнули: Арина была одета в обычное платье.

Хотя старая Чоргош и приготовила чегедек, Одой запретил даже показывать его, не то, что надевать на молодую. И ни на какие уговоры не поддался.

Каракай и тут проявил находчивость. Быстренько обнес всех аракой и отвлек внимание от необычного наряда невесты.

Взошла луна – круглая, румяная, улыбающаяся. Небо было чистым, бархатно-черным. И звезд на нем – как цветов на лугу.

Арине казалось, что все это снится ей. И хоровод, и лихая скачка, затеянная парнями, и добрая луна над головой, и посеребренные ее светом далекие заснеженные вершины белков – разве не было это сказкой?

Нет, Одой был рядом с нею, и на их свадьбе пели не только гости и друзья, пели луговые травы, пели деревья и горы, пели все перепела Алтая.

И совсем хорошо, что этого праздника не испортили Каргаа и Дыламаш. Их не позвали на той: на свадьбе братья незамужним сестрам гулять не положено.

Посудачили, конечно, в Дьяйлу и после свадьбы. Но жизнь что ни день ошарашивала такими событиями, что даже у самых болтливых не оставалось времени для осуждения какой-то девчонки и бывшего пастуха.

Приехал в урочище первый грамотный человек – учитель Калтар. Никто, правда, по имени его не называл. С первого дня пристало к нему прозвище Бичикчи.

«грамотей». Ребятишки табуном ходили за ним. Не удивительно ли? Как это можно язык живого человека нарисовать на бумаге, а потом с этой бумаги говорить те же самые человеческие слова!

А старенький парусиновый портфель учителя с двумя медными застежками вызывал такое благоговение, что Калтар предпочитал ходить по аилам без него. Бичикчи предлагал всем подряд записываться в ликбез, терпеливо объяснял, что каждый может научиться говорить на бумаге и рисовать слова.

Между тем Санал с помощью нескольких мужиков рубил небольшой домик под школу.

Первыми Калтар начал учить уму-разуму комсомольцев. Им еще раньше стало известно, что самых старательных из них пошлют в город учиться дальше.

Пятеро парней и единственный среди них женатый – Одой – просиживали с учителем до полуночи. Под окнами дома кузнеца Боргоя, где поселили Бичикчи, толпились дьяйлинцы, пересказывая друг другу все, что происходило на уроках грамоты.

– Не могу, братцы! – доносился из избы полный отчаяния голос Каракая. – У меня башка как чугунок. Но варит она эту азбуку!

– Ишь, как мается, бедный! – шептались на улице. – Голова как чугунок, говорит. Небось языком молоть легче...

– А на сына Карамая поглядите-ка. Так и чешет, так и чешет!

Жизнь менялась на глазах. В ущельях не умолкало эхо взрывов, рвали динамитом скалы. Говорили, строят новую широкую дорогу – до самой Монголии. Появилось много новых людей. Стали приходить в Дьяйлу газеты, и Бичикчи читал вслух о том, что делается на Алтае и во всей огромной стране.

Одоя действительно вызвали в город. Это тоже было событием для всего Дьяйлу. Так далеко еще никто не ездил из родного урочища.

Арина с ног сбилась, собирая мужа в дорогу. Сестры голосили так, будто Одой на смерть уходил:

– Грамотным станешь, совсем нас забудешь!

Взбудораженный предстоящим отъездом, Одой пропустил мимо ушей и причитания сестер, и наказания матери. С Ариной же был особенно ласков. Только ей и сказал, что сам не знает – ехать ему или не ехать. Ее одну оставлять не хочется, и потом – неизвестно, как там будет, в городе...

Впервые Арину радовала нерешительность и робость мужа. Может, останется? Она, конечно, гордилась, что не кого-нибудь, а ее Одоя выбрали из всех дьяйлинцев и посылают учиться. Если бы он все-таки отказался, Арина не стала бы об этом жалеть. Но чтобы поехать с ним – и думать нечего.

И вот – проводила. Снова одна в чужой семье.

Трудно сказать, где ей было хуже – в доме Тайтака, куда ее привели насильно, или в семье Одоя, куда пришла она по доброй воле.

Пока рядом был Одой, недолгие месяцы пролетели, как один счастливый день. Никогда у Арины не было столько радости. Зачем вообще существовали другие люди, весь мир, если рядом был Одой? Откуда только у Арины силы брались – так много успевала она: и в общественном телятнике, и дома по хозяйству, и у отца – надо было и за ним присмотреть, ему помочь.

Уехал Одой на целый год...

Вот когда Каргаа и Дыламаш сполна вознаградили себя. Теперь некому было заступиться за Арину. Хотя даже Карамай, полюбивший невестку больше родных дочерей

вступался за нее, не всегда же находился он рядом. А сестрицы, перебивая одна другую, осыпали Арину бранью, перечисляя все беды и несчастья, что накликала «незваная родня» на лучших в Дзяйлу девушек. Это по ее вине никто из парней не смотрит на Каргаа и Дыламаш. Это она опозорила их. Это из-за нее пропадает Одой. Разве такая ему нужна жена? Разве так он мог устроить свою жизнь, их Одой, которого послали в русский город!..

Сестрицы и думать не думали, чтобы хоть что-нибудь сделать по дому. Все легло на плечи Арины – и уход за скотом, и приготовление пищи, и забота о сене, о дровах... Дед Карамай был уже стар, да и Чоргош выглядела не многим бодрее.

Арина безропотно сносила все и только считала дни, когда вернется Одой.

Он приехал через полгода. Прожил недели три. Столько порассказал! От прежней его робости не осталось и следа. Но как же огорчил он Арину! Долго предстояло теперь ждать ей мужа. Год да еще год. А потом, сказал Одой, их переведут в другую школу, откуда они выйдут большими начальниками... Он успокаивал, что будет приезжать, что не забудет ее, что станет писать ей...

Письма приходили от него часто. Арина бегала к Калтару-Бичикчи, и учитель читал ей эти письма. И было немного стыдно, потому что Одой так писал про свою любовь, что чужому человеку нельзя было читать про это. В каждом письме он расспрашивал, когда же у них будет ребенок, велел: если будет сын, назвать его Кара, если дочь – Чейнеш.

Родилась дочь. Старая Чоргош сказала, что девочке надо дать имя Яманай. Плохое имя дать, чтобы отпугнуть злых духов. И сестрицы подпевали: конечно, Яманай.

Не послушалась их Арина. Яманай – значит «плохонькая». Зачем ее девочке такое имя? Одой лучше придумал. Он помнит, как вместе они рвали цветы чейне...

Чейнеш будут звать их дочь!..

И хотя ребенок добавил хлопот, Арина попросилась у Бичикчи, чтоб он разрешил ей ходить в ликбез. «Научусь читать-писать, – думала Арина, – сама обо всем буду Одою на бумаге рассказывать. Сама буду его письма читать...» А потом: раз Одой станет грамотным, большим человеком, может ли она отставать от него? Каждый вечер забрав с собой Чейнеш, она стала уходить в школу.

Едва закончив работу, люди спешили на уроки, и тесный класс заполнялся шелестом засохших шуб, окутывался клубами табачного дыма. Прилежности учеников можно было только позавидовать. К сожалению, успехи не всегда были равны усердию и потраченному времени. Строгий Калтар терпеть не мог болтливых старух, которые, не успев пристроиться за партами, разжигали трубки и начинали шушукаться.

– По-моему, здесь не варят араку. Зачем дымите? – выходит он из себя и подносит линейку к самому носу невозмутимо попыхивающей старухи, – Привыкли, понимаете, жить по-старому! А ну-ка, скажи, какая это буква!

Старуха с шумом сплевывает на пол, шурит глаза, минуту, другую вглядывается в азбуку, которая уже начинает дрожать в руке учителя, и молчит.

– Какая буква, я спрашиваю? – распаляется Калтар.

Старуха вытирает рукавом нос, беспомощно поворачивается то к одной, то к другой подружке, но никто не раскрывает рта.

– Какая же это буква, боже мой! – начинает причитать старуха, – Помогите, люди добрые. Глаза мои ничего уже не

видят. Не к добру это. Наверно, помирать мне уже пора. Что вы скажете, а?

В ответ слышится смех. Потеряв самообладание, Калтар швыряет линейку и азбуку на стол и, с треском втыкая карандаш в журнал, отчетливо выговаривает каждое слово:

– Ижлаковой Имжай ставлю, какая есть на свете, последнюю отметку!.. Так что это за буква? Кто ответит? – снова поднимается учитель из-за стола.

– У...

– Бэ, – слышатся голоса со всех сторон.

И хоть бы кто-нибудь назвал правильно!

Калтара прошибает пот. Не надеясь дождаться ответа, он потихоньку начинает подсказывать сам.

– Е... – наконец угадывает кто-то.

– Правильно! – облегченно говорит учитель и садится передохнуть.

В этот момент неуспевающая бабка Имжай поднимается с места и, волоча ноги, направляется к выходу.

– Куда! Куда! – вопит Бичикчи. – Иди назад и садись за стол. Вот будет звонок – тогда, пожалуйста, на все четыре стороны!

– А ты не кричи, сынок, – успокаивает его Имжай, задержавшись на пороге и попыхивая трубочкой. – У меня там казан на огне.

Неодобрительные, укоризненные взгляды соседок по парте возвращают, однако, нерадивую ученицу.

– Куда у меня трубка пропала? – громко шепчет ее соседка. – Когда Бичикчи отвернулся, тебя ругал, закурить хотела, да не успела. А теперь найти не могу... Совсем из ума выжила с этими бухвами!..

Опять возня, шушуканье, и опять дымят чубуки.

Калтар в отчаянье:

– Сколько раз буду повторять: здесь не аракованье, а школа ликбеза. Понимаете?

– Ба чалта! – изумленно тянут ученицы. – Зачем так говоришь? Сами знаем, что лихбез. Учиться пришли. Не сердись, Калтарушка!..

– Прошу не мешать уроку, – смягчается суровый учитель...

Чаще уроки проходили в чинном сосредоточении. Калтар увлеченно рассказывал, показывал, объяснял, а ответы старательных учеников приводили его в доброе расположение духа.

Как-то Калтар вызвал отвечать урок хромого Янчика. В урочище он славился как лучший охотник. Но учение давалось ему туго. Целый час, однако, букву за буквой разбирал Янчик предложение. И когда, в конце концов, сам впервые прочитал, что пушнину надо сдавать в кооператив, то, вытерев обильный пот со лба, стукнул кулаком по столу:

– Тыфу! Зачем раньше про это не прочитал? Ни один паршивый купец меня не обманул бы! Теперь никто не обманет!

Класс громко смеялся, а Янчик, взволнованный, ходил по школе и никак не мог успокоиться. На другой день он зарезал барана, сварил ташаур араки и пришел в гости к Калтару. Как ни строг был учитель, не мог отказаться от подарка.

Арина не пропускала ни одного дня занятий. Как бы ни устала на работе, как бы ни утомила ее дочь – а с ней тоже доставалось изрядно, – каждый вечер шла в школу. Сначала ей казалось, что она понимает еще меньше, чем бабка Имжай. Никак не запоминались буквы. А уж сложить из букв слово – совсем казалось невозможным. Чейнеш, которую нельзя было спустить с рук, мешала. Усталость порой наваливалась такая, что голос учителя

гудел колоколом, слова мешались, становились неразборчивыми, а медленное угадывание букв кем-нибудь из стариков окончательно усыпляло, и глаза сами собой начинали слипаться. Арина стряхивала одурь, старалась внимательно слушать, но проходило несколько минут, и снова все плыло перед глазами.

Отец Арины вместе со всеми записался в ликбез, но, походив несколько дней, бросил заниматься.

Чтобы не уронить себя в глазах односельчан и особенно дочери, Санал подрядился строить кошары в соседней деревне.

Перед уроками возле школы затевали песни, игрища. Многие молодые женщины, девушки, парни приходили сюда повеселиться. Арина ни разу не смешалась с веселой толпой, ни разу не сливался ее голос с хором поющих. «Легче двести снопов связать, чем эти буквы разобрать!»

– в отчаянии думала она, упорно воюя с букварем. Калтар заметил ее старание и поддерживал самую малую удачу Арины, чем всякий раз очень радовал ее. К весне букварь прочитали.

«Одой знает больше, – думала Арина. – А время теперь такое, что женщины не должны отставать от мужчин. Вот приедет Одой, а самая грамотная в Дьяйлу – его жена!» И она подгоняла свою мечту. Порой не успевала даже поесть, бежала в школу.

Свекровь и Каргаа с Дыламаш ворчали вслед:

– Куда торопишься? Как только не надоедают тебе пляски да хороводы? Хорошо время проводишь без мужа... Научилась от одного к другому бегать!

Арина вспыхивала и старалась поскорее исчезнуть из дома.

А вслед неслись потоки брани:

– И ребенка за собой таскает! Как только людям в глаза глядеть? Позоришь нас каждый день! Чем бегать, подумала бы, что дров на завтра нет. И что за несчастье на нашу голову! Бедный Одой!..

Часто, возвращаясь с занятий, Арина находила двери запертыми. Стучать не решалась. Постояв в ожидании, что кто-нибудь выйдет, откроет дверь, вздыхала и с дочерью, уснувшей на руках, брела к отцу. И прежде нелюдимый, отец теперь совсем ни к кому не ходил. И у него никто не бывал. Если не работал где-нибудь на стороне, то часами просиживал на крыльце, курил трубку за трубкой, о чем-то думал. Как бы поздно ни приходила Арина к отцу, всегда заставляла его на одном и том же месте, в той же позе. Он ничуть не удивлялся ее появлению, спрашивал:

– Что, спят у тебя?

– Опять заночую... – виновато говорила Арина и укладывалась вместе с Чейнеш на отцовский потник.

Однажды она так же поздно пришла к отцу. Он не ответил на приветствие, не сказал ей ни слова. Все вздыхал да прибавлял в трубку табаку.

Арина уложила девочку, вышла к отцу, села рядом с ним. Скупой на ласку, он обнял ее за плечи, притянул к себе. Это на него не походило... Чувствуя, что расспросы не помогут, Арина тоже молчала, надеясь, что отец не выдержит, скажет сам.

– Худая собака сзади хватает, худой человек за глаза говорит, – произнес он. – Сплетню про меня пустили... Не слыхала?

Арина испугалась. Подумала, что опять кому-то понадобилось вспомнить о ее позоре, – должно быть, сестрицы постарались. Но почему отец так расстраивается? Что-то другое, значит.

Она покачала головой – мол, ничего не слышала.

Санал крепче прижал ее к себе.

– Совсем плохо говорят. Бандитом назвали.

– Ба-таа! – протянула Арина, – Ты же в партизанах был.

– А-а, – отец выругался. – Людей не знаешь? Рады аркан на шею накинуть. Меня никогда в Дьяйлу не любили. Вот кто-то и решил потуже петлю затянуть...

Арина не могла понять, чем так встревожен отец: поболтают да и перестанут.

– А разве у тебя никакой бумаги нет, что ты партизанил?

– Тогда о бумаге не думал...

Отец что-то недоговаривал. И в себе не мог таить.

– Не поймешь ты, дочка... Кому докажешь, что бандиты силой меня в Монголию увезли? С обозом-то сам согласился. Думал, от границы вернусь... – Тяжело ему было

об этом рассказывать, и он переменял разговор: – Как тебе живется?

– Не знаю, – замялась Арина. – Трудно с ними. Эти две сороки не перестают клевать...

– Иди спи, – отец легонько подтолкнул ее. Трубка у него погасла, но он, не замечая, продолжал тянуть.

Впервые говорил так Санал. Значит, случилось что-то серьезное. Арина не могла уснуть.

Не прошло и недели, как приехали из аймака и увезли Санала. Больше Арина никогда отца не видела.

8

Бедна на беду – умер дед Карамай. Не успели его похоронить, как Каргаа с Дыламаш почувствовали себя полными хозяйками в доме, стали грызться между собой. Каждой хотелось взять верх. Старая Чоргош ни во что не вмешивалась. Но и она порой не выдерживала, когда сестрицы, одна злее другой, набрасывались на Арину. Только из заступничества Чоргош ровным счетом ничего не выходило – доставалось от дочерей и ей.

– За кого ты вступаешься? – орала Каргаа. – Постель для сорока мужчин! Мало от нее позора семье?

– Из-за нее да из-за ее отца на нас люди не глядят! – не отставала Дыламаш.

– Брата ославила! Он большим человеком будет. А с такой женой и ему может плохо быть, – продолжала свою песню Каргаа.

– Хоть бы замуж скорее вас взяли, – сокрушалась Чоргош. – Убрались бы куда-нибудь. Последние дни без вас отдохну...

Вот этого ей и не следовало говорить.

– Приблудную выгоняй! А на нас не кричи. Нас брат прокормит. Он много зарабатывать будет. Он теперь ученый

человек. А этой, – кивали в сторону Арины, – все равно с нами не жить!

Сама бы ушла от них Арина – дом отца пустой стоит. Нельзя уйти: Одою позор будет. Сама бы все перенесла. Ради него надо терпеть. Скорей бы приезжал...

Каргаа с Дыламаш тоже ждали брата. Вторую неделю гнали араку, пили, а после носились по улице с песнями. В эту пору и другие дьяйлинцы араковали, так что у сестер не было недостатка в компаньонах. Хорошо, если до поздна гуляли у кого-нибудь из соседей. А уж если оставались дома, то такое вытворяли...

И надо же было: Одой появился, когда сестрицы пьянехонькие куролесили в аиле. Арина увидела его из окна избы, бросила шитье, вскрикнула от радости, схватила дочь, выбежала навстречу ему, но... опоздала. Сестрицы, еле держась на ногах, уже подхватили Одою под руки и тащили в аил. Уже успели завладеть большим деревянным чемоданом, что был у брата, и рылись в нем. Уже причитали пьяными слезливыми голосами:

– Ба-таа, братишка, что с тобой? Исхудал как, почернел! Будто и ростом меньше стал!.. Трудно, поди, учиться? Большие деньги получать будешь. Большим человеком станешь! Не болеешь ты? Худой-то какой...

Одой смущенно улыбался, порывался освободиться от цепких объятий и слюнявых поцелуев сестер, подойти к Арине с дочерью, стоявшим в отдалении, но Каргаа с Дыламаш, как ни были пьяны, зорко следили за ним, не давая ему и шевельнуться.

– Какой ты легонький стал! – нараспев тянули они. – Кута-ай! Что ты стоишь, Арина? Как нашего доброго брата встречаешь? Скорей вари чай, что ли! С голоду помрет наш Одой, пока тебя дождется. Не видишь, какой он худой да черный!..

Пока Арина торопливо собирала на стол, сестрицы поднесли Одою не один чочой араки. А тут соседи набежали.

Только поздней ночью смогла поговорить с ним. Но что это был за разговор! Одой нагрузился аракой, лежал без рубахи, уткнувшись, как ребенок, головой в ее грудь, и бормотал ласковые слова.

В дверь ломились продолжавшие пировать в аиле гости, звали пьяными голосами.

– Одой-ака! Выходи! Еще араку принесли.

Столько надо было рассказать ему: как трудно жилось без него, как ждала, сколько передумала... Он же не знает еще – Чейнеш начала говорить!

Одой спал.

Поднявшись, как всегда, чуть свет, Арина хлопотала по хозяйству. Пока возилась, сестрицы успели распотать очередной ташаур. Одой, не пришедший в себя, пропустил две чашки и, слушая льстивые речи сестер, бессмысленно улыбался.

Арина ушла на ферму и вернулась только вечером. Дома все то же: дым коромыслом! Чуть не все урочище собралось. И один пьянее другого. Все перед Одоем заискивают, наперебой нахваливают. Пуще всех, конечно, Каргаа с Дыламаш. Даже некоторые из соседей плюются, слушая, что напевают сестрицы.

Не стала показываться на люди Арина. Переждала, пока шумное застолье не перекочевало в ближний аил, только тогда вошла в дом. Когда Одой вернулся в эту ночь, она не слыхала.

Утром, еще спали, прибежал посыльный – мальчишка. Опять в гости! Одой протер глаза, плеснул холодной водой в лицо, позвал Арину:

– Вместе пойдем.

Арина наотрез отказалась.

– Иди, – сказала. – Ты из города приехал. С тобой все увидятся хотят, тебя послушать. А я что?

К ее удивлению Одой согласился.

– Это правда...

Должно быть, он тут же почувствовал, что сказал что-то не совсем так, и попытался поправиться:

– Один-то раз можешь пойти со мной? Что случится?

– Иди, иди, – повторила Арина. – У меня дел много. С тобой сестры пойдут.

– Ну, как хочешь... – неуверенно промямлил Одой.

Каргаа и Дыламаш только того и ждали.

Это было – как гром среди ясного неба. Одой, прежний Одой – ласковый, внимательный, каким только Арина и помнила его, – сам завел этот странный разговор. Начал он издалека.

– Я еще как приехал, хотел сказать...

– Что? – насторожилась Арина.

– Разве на Дьяйлу свет клином сошелся?

Не понимая, куда клонит Одой, Арина спросила:

– Ты что, не хочешь тут жить?

– Да нет... Мне как раз ничего... – и как отрубил: – Давай перекочем с тобой в русскую деревню. Хочешь?

Арина удивилась и не сразу нашла, что ответить.

– Я по дороге договорился – избушку можно купить. Недорого... В Каменке большой колхоз. Клуб есть...

Все еще недоумевая, она простодушно сказала:

– У нас тоже скоро будет клуб...

– Как ты не понимаешь: там культура, а в таких местах как Дьяйлу, отстанешь от жизни. В русской деревне хорошая школа. О дочке тоже надо подумать. А скучать

не будешь – алтайцы и там есть. Познакомишься... Кончу учиться, к тебе туда приеду.

Не знала Арина, что в городе Одою так сказали: «Выбирай – или дальше будешь учиться, или...»

Что такое «или», было понятно. В школе национальных кадров, куда он ждал направления, строго отбирали кандидатов. Одой считался одним из самых способных, у него безупречная биография – пастух и сын пастуха, бедняк из бедняков, недавно принят в партию. Но вот отец у жены, как стало известно...

А что известно? Говорили, будто Санал целых два года пробыл за границей с бандой, а теперь специально заслан на Алтай. Одой посмеялся: выдумают же! Но ему снова сказали, притом довольно строго: или – или.

С тем и приехал в Дьяйлу. В голове не укладывалось: как это он оставит Арину с дочерью? Но с ним не шутили. От того, как он теперь поступит, зависела вся его жизнь, а значит, и жизнь его семьи.

Мысль о переезде в Каменку показалась ему удачной. Арина с Чейнеш не будет на глазах у дьяйлинцев. Деревня русская. Временно он оставит там жену с дочкой, потом все наладится.

Сестры никогда доброго слова не сказали об Арине. То, что они и теперь оговаривали ее, было не в диковинку. Но другие люди в Дьяйлу? Будто сговорились! В один голос твердят: «Большим человеком будешь. Зачем себе жизнь портишь? Кого в жены взял?!» Кто в Дьяйлу не знает отца Арины? А твердят одно. И ничего не скажешь – нет Санала, и где он, никто не знает.

Сочувствия, предостережения, причитания сестер вызывали у Одою злость. Но ничего он не мог возразить, не было у него слов, чтобы заступиться за жену, не было смелости отстоять и ее и себя.

Он стыдился Арины, избегал откровенного разговора с нею. А вдруг не поймет?.. Она будто чувствовала это, старалась быть незаметной, не докучать ему.

А день проходил за днем, начинаясь и кончаясь попойкой.

И Одой решился: «Уедем».

«Клуб, школа, культура...» – все это звучало неубедительно. Он еще неосторожно обмолвился, что ему-то уезжать вроде бы и незачем. Обрати Арина внимание на эту обмолвку мужа, задумалась бы, наверное. Но он как-никак в городе учится, знает больше ее.

Раз Одой считает, что надо перебраться в русскую деревню, значит надо. Подумала лучше – обрадовалась: ведь одни будут жить, без дорогих сестричек! И никто больше не станет чесать языки. Никто не будет ругать ее. И чего она еще хочет? Как хорошо Одой придумал!

Отпуск приближался к концу.

Вещи Одой отправил в Каменку с попутчиками. Никакую живность из дома брать не стали, чтобы не заводить свары с сестрами. Даже то, что перешло к Арине из отцовского хозяйства, оставили.

– Наживем! – сказал Одой. – Корову там купим.

Прощавшись с родней и такими внимательными теперь односельчанами, напутствуемые причитаниями сестер, Одой с Ариной и дочкой отправились пешком.

Едва скрылась из виду Дьяйлу, Одоя точно подменили. Подхватив на руки Чейнеш, он шутил, смеялся, пел. По обе стороны дороги волнами перекатывалась трава. Извилистая тропа то совсем пропадала в пламени огоньков, то взбегала, петляя, высоко-высоко в гору, то круто падала к искрящемуся на солнце веселому ручью. И все пело кругом – и деревья, и трава, и птицы. Птицы словно с ума посходили – так громко перекликались они, так забавно вы-

---

ходило у них: «Чио-чио-чир-р! Туйт, ту-уйт!» Свежий, пахнувший хвоей, смолой, травами ветер растрепал волосы Одою. Солнце слепило глаза. Арина ничего не видела из-за ослепительного солнца – только смеющееся лицо Одою...

Вот он нагнулся и сорвал цветок. Вот он подбросил высоко над головой Чейнеш, и она заверещала от испуга и удовольствия. А вот побежал вприпрыжку, да так быстро, что Арине за ним и не угнаться.

Одою тесно на горной тропе. Он идет не разбирая дороги, шагает по траве и цветам, сшибает на ходу засохшую прошлогоднюю дудку, и она с треском летит в сторону, топчет огоньки... Арина смотрит на него, красивого, сильного... Никого нет лучше его. Так и шла бы за ним хоть на край света.

– Ба-таа! – восклицает Одой. – Хороши травы! – Он останавливается и обводит восторженным взглядом луга, радуясь, как ребенок. – Чей же покос будет здесь?

– Наш, – отвечает Арина, – дьяйлинский. Чей же еще... – Она спохватывается: по привычке сказала «наш»! – Не давай Чейнеш цветы, она их в рот берет...

– Ничего от цветов не будет. А луга – богатые!

Возле скалы, нависшей над тропой, под одинокой березкой они сели отдохнуть – впереди начинался крутой подъем. Напились воды из родничка, положили в тени на густую траву девочку, утомившуюся даже на руках отца. Одой обнял Арину, и столько было нежности в его прикосновении...

И небо, и солнце, и бесконечный простор, и горы, и травы – все принадлежало только им. И время остановилось...

...Дочка проснулась, подала голос. Одой вскочил, взял ее на руки. Сорвал дудки, протянул Арине Чейнеш, побежал к родничку.

– Давайте еще напьемся. Такая вкусная вода!

И все трое тянули через дудки воду, брызгались, хохотали.

– Ну, пора!

Подниматься в гору становилось все труднее, но они шли, не останавливаясь: Одой назначил следующую остановку на перевале.

У Арины стучало в висках. Казалось, больше уже не сделать ни шагу. Но Одой протянул руку, и сразу стало легко.

Резкий порывистый, но не холодный ветер встретил их на вершине. Одой отпустил руку Арины, снял с плеча дочку, набрал полную грудь воздуха.

– Какие у нас горы! – он сказал это так, будто впервые видел их.

Далеко-далеко уходили горные цепи. Ярко-зеленые скалы, голубоватые долины, серебристые реки... Чем дальше к горизонту, тем темнее становились отроги гор и почти черной изломанной каймой отделяли небо от земли. А в другой стороне – на юге – выше затянутых синей дымкой горных отрогов, выше гряды облаков искрились на солнце ледники. Левее сверкали озера. Еще левее – распростерлась долина, а за нею опять горы и облака над ними и бесконечное голубое небо...

Одой был похож на орла, приготовившегося взлететь. Откинув назад сильные руки, он, не мигая, смотрел на вершины ледников.

«Стосковался», – подумала Арина. У нее немного кружилась голова.

– Пора... – тихо сказал Одой и тронул ее плечо.

Арина не слышала. Ей передалось волнение мужа.

Там, внизу, она бегала с подружками по росистой траве, и босые ноги вмиг становились мокрыми чуть не до колен. Там, внизу, было когда-то небольшое поле, на котором отец сеял ячмень. Там, в долине, виднелись крохотные домики и аилы родного урочища... Второй раз покидала Арина Дьяйлу, и теперь, наверное, навсегда.

– Пойдем, – снова позвал Одой.

...А по холмам рассыпались стада, медленно-медленно перебрывая с места на место.

Вон и лиственница – одинокое вековое дерево, выше всех других. Под нею похоронена мать.

Вдали – луга, луга...

– Как давно это было...

Арина не заметила, как Одой с дочкой, прыгая с камня на камень, начали спускаться с вершины перевала. Из

раздумья ее вывел звонкий, веселый, усиленный горами крик:

– Арин-ина, догоня-ай!

Низко-низко поклонившись по старинному обычаю родным местам, она прошептала:

– Пусть для идущих перевалы твои будут легки, пусть жаждущих реки твои напоят, пусть народ твой гостеприимным будет всегда...

Смахнула набежавшую слезу и поспешила к Одою.

9

Ничем не походила русская деревня на Дьяйлу. Растянулась она длиннющей улицей вдоль тракта. И сама-то вся новая – дом к дому. Срубы лиственничные, желтые. И крыши из теса, еще не успевшего потемнеть.

Тут же – быстрая, шумная, а порой и просто бешеная река Сема. За рекой дремучий сосновый бор. Деревья громятся друг на друга по крутосклону, уходящему в поднебесье.

Непривычно, конечно. А красиво...

Домик, что присмотрел Одой, тоже новехонький, желтенький, в две комнаты, с синими окнами, открытыми на весь белый свет. Возле самого тракта поставили его прежние хозяева, на краю деревни, ближе к мосту через Сему.

Все понравилось Арине – и река, и дом, и черемуха под окнами. Одой правду сказал – алтайцев тут оказалось немало.

Работа Арине нашлась сразу же. Ее приняли в колхоз, поставили телятницей. Дело знакомое. Ферма почти рядом. Опять же хорошо!

Те несколько дней, что Одой пробыл с нею, промелькнули быстро, но остались в памяти чуть не каждой проведенной вместе минутой. Сколько он успел сделать за эти

дни! Избу огородил, стайку поставил, поленицу под самую крышу сложил.

Вечерами, когда засыпала Чейнеш, он рассказывал Арине о городе, а она никак не могла представить, что дома там стоят не только рядом друг с другом, но еще и один на одном, что не только в домах, а на улицах горят э-лек-три-чес-кие лампы...

Чем меньше оставалось до возвращения Одоя в город, тем непонятнее вел он себя. Не разговаривает, хмурится. В последний день вдруг исчез из дому и вернулся пьяным за полночь. А прощаясь, неожиданно сказал, что не скоро его теперь отпустят. Может, к зиме...

Уехал – и как в воду канул, даже письма не прислал.

Тогда Арина не придавала этому особого значения.

Новые заботы захватили ее.

Завелись подружки – молодые русские женщины, веселые, смешливые. Они зазывали Арину к себе в гости, сами приходили к ней вечерами, тащили ее поглядеть, как развлекается молодежь. Ближе, чем с другими, Арина сошлась с дояркой Евдокией Ивановной. Она, хоть и была старше лет на восемь, велела звать ее просто Дусей. Рукодельница, стряпуха, песенница, она всему, что умела сама, стала учить Арину. И так-то они пришлись друг другу по душе, будто с детства росли вместе.

Все было б ничего, да трудно приходилось с Чейнеш. Дома одну не оставишь, с собой на ферму тоже не потащишь.

Отпросившись на ферме и оставив дочку у тети Дуси, Арина съездила в урочище Иолду-Коба, где жила бабка по матери – Келемчи. Старуха много лет уже была одна-одинешенька и очень обрадовалась приезду внучки, которую, конечно, не сразу вспомнила. Долго уговаривала

ее Арина переехать к ней. Келемчи привыкла к своему почерневшему аилу, стоявшему на отшибе в захудалом и крохотном урочище, любая перемена в жизни страшила ее. Арина не отступалась, убеждала бабу, что вместе им будет лучше, расписывала русское село не хуже, чем Одой свой город.

– Поживу немного, погляжу. Если не понравится, вернусь обратно. Не знаю, как я буду там, у вас... – согласилась Келемчи.

Деревянный дом, почти необжитый, еще пахнувший смолкой, был непривычен для нее. Старуха тосковала по очагу и упорно не желала топить печь, предпочитая разводить во дворе костер. И в избу старалась заходить как можно реже. Но о возвращении не вспоминала, потому что с первого дня привязалась к Чейнеш.

За работой да заботой и лето промелькнуло. Зная, что бабу Келемчи и дочку покормит, и в огороде все сделает, и дом приберет, Арина пропадала на ферме. Ей нравилось быть постоянно с людьми, а женщины оказались такие дружные, что на исходе дня не хотелось расставаться с ними. Старательность Арины, умение ухаживать за скотом отметили. Гурт ее был лучше других, телята – упитанней, чище.

Никого, кроме самой Арины, пожалуй, не удивило, что ее вместе с Евдокией Ивановной правление послало на аймачный слет животноводов. Впервые в жизни Арина ехала на машине. Впервые в жизни оказалась в таком большом селе, по сравнению с которым и Дьяйлу и Каменка выглядели, как одинокий старенький аил бабу Келемчи среди гор. На слете Арину хвалили, и все хлопали в ладоши. А потом ей аймачный начальник вручил подарок за хорошую работу и сказал, что если она до нового года бу-

---

дет работать так же хорошо, то ее пошлют делегаткой на областной съезд передовиков сельского хозяйства.

Вернувшись домой, Арина размечталась, как она поедет в город, как выйдет перед сотнями людей и будет говорить о себе, о своей жизни, и все опять будут хлопать в ладоши, а большие люди станут пожимать ей руку... И, может быть, там будет Одой...

Вот тут-то все ее радостные мечты рассыпались в прах. От Одоя не было ни слуху ни духу. Кое-что, правда, Арина о нем знала. Но было все это не очень ладно.

Недели, однако, за три до того, как она ездила в аймачный центр, вдруг заявили к ней в гости Каргаа и Дыламаш. Приехали по-доброму, как самые близкие. Даже гостинцы прихватили. Передали приглашение свекрови хотя бы ненадолго побывать в Дзяйлу, а то и совсем перебраться обратно. Отказом Арины не очень огорчились, даже будто обрадовались. Интересовались, что пишет Одой. Арина сумела схитрить и не проговориться о своем горе. Сестер прямо-таки распирало от гордости за Одою, и они всем и каждому рассказывали, какой у них большой человек брат.

Поначалу приезд Каргаа и Дыламаш обнадежил Ари-ну. Но после она смекнула, что неспроста пожаловали сестрицы. Что-то было у них на уме.

Пуще всего им, конечно, надо было знать, не вернется ли Арина в Дзяйлу. Ее решительный отказ вызвал такой взрыв родственных чувств, что Арина только усмехнулась.

Пришел новый год. Съезд передовиков по каким-то причинам не состоялся.

А весной как ни в чем не бывало приехал Одой. Даже не оправдывался. Приехал и приехал. Что-то изменилось в нем. Сразу даже не поняла Арина. Одет по-городскому? Это вроде бы не так уж бросалось в глаза. И не заважничал. Руки стали другие – гладкие, белые... Дочке привез красивое

пальтишко, Арине – шелковый платок. Бабку Келемчи тоже подарком не обошел. Должно быть, от сестер узнал, что бабка у Арины живет.

Удивительным было то, что Одой не хотел ни с кем встречаться. Отсиживался дома. Не очень приветливо встретил Дусю с мужем – колхозным плотником, балагуром и весельчаком, которых зазвала в гости Арина.

С нею был он ласков. Все время старался что-нибудь делать. Ни минуты не сидел без работы.

Лицо вот у него стало какое-то другое. Желтое. И на губах появилась синеватая каемка. Арина догадалась, что он, должно быть, много пьет, хотя за все дни, что Одой провел дома, пьяным ни разу не был.

Что-то постоянно тревожило его. Он ничего не рассказывал о своей городской жизни. Когда Арина начинала расспрашивать его о будущей работе, о том, как они станут жить, когда он кончит учиться, Одой отмалчивался или заговаривал о чем-нибудь другом.

И хорошо с ним было, и трудно. Уезжая, Одой сказал, что адреса у него постоянного нет, а что писать ему вообще-то можно. И бумажку оставил: почта, до востребования.

Грустный летний вечер. Через раскрытое окно слышен сердитый шум Семы. Издалека доносится песня русских девушек, возвращающихся с поля. Арина любит эту песню. Ей кажется, что она похожа на большую птицу, которая тихо парит над вечерними полями, над притихшим темным сосновым бором за рекой, над крутыми скалами... Будто летит эта песня по Чуйскому тракту, обгоняя колонны автомобилей...

А машины идут и идут, днем и ночью, под самым окном. Прислушиваясь к гулу моторов, Арина усердно, как

школьница, пишет нескончаемое письмо Одою в далекий, таинственный город. Пусть она не очень-то грамотная. Все равно может написать что захочет.

В домике тихо, уютно. Бабушка и Чейнеш спят в соседней комнатке. Рядом с Ариной, в люльке, подвешенной к потолку, посапывает сын Кара, очень похожий на отца.

За рекой играет гармошка, и девичьи голоса выводят протяжную песню. Это тоже хорошая песня, но от нее Арине становится грустно. Письмо так и не окончено, хотя написано, кажется, все, что накопилось в душе. Она складывает листки в конверт, подвигается ближе к окну и смотрит на тракт. Где-то за поворотом гудит, приближаясь, очередная машина. Арина вздрагивает.

Машины еще не видно, а лучи света от ее фар шарят по дороге. Да она не одна! Желтые светляки наползают, на тракте становится совсем светло, а от рева моторов трясутся стены домика, дребезжит оконное стекло. Колонна въехала в село. Не сбавляя хода, машины проносятся мимо. Откуда знать шоферам, что Арина с трепетом встречает каждый автомобиль... У них, шоферов, одна забота – мчаться по Чуйской дороге до далекой-далекой Монголии.

Арина смотрит вслед колонне, пока последняя красная точка не скрывается в темноте.

Снова за поворотом натужно рычит мотор, снова шарят по дороге лучи света. Грузовик выкатывается из-за горы, сбавляет ход. Арина тихонько вскрикивает и выбегает на улицу. Ей только показалось... Навстречу никто не идет. Шофер, бренча ведром, черпает воду из бурной Семы, поит своего неутомимого коня, минуту-другую стоит возле кабины, попыхивая папироской. Вот он хлопнул дверцей, завел мотор...

Тишина.

Почему же не едет Одой? Он уже кончил учиться, Арина точно знает. Почему же не едет? И на письма не отвечает... Может, он заболел и лежит в больнице? Арина слышала, что в городе есть такой дом – больница. А что, если отпроситься и поехать в город, к Одою? Ведь не может она столько ждать его!

Арина закрывает окно и садится писать новое письмо. Но мысли разбегаются, и письмо не выходит. Голова идет кругом. Хочется спать. Карандаш падает на пол. Арина, подложив руки под голову, засыпает.

А за окном по-прежнему сердито ворчит на крутые скалы Сема. Устав браниться, она ласково лижет берег, о чем-то разговаривает сама с собой...

10

– Можно войти? – спрашивает Арина, просунув голову в двери председательского кабинета.

В конторе полно народу. Все разговаривают. Накурено. Никто не слышит Арину.

– Можно? – чуть громче спрашивает она.

Председатель встречается с ней взглядом, покручивает рыжие усы, машет рукой.

– Это ты, Арина? Заходи, заходи! По какому делу?

В кабинете наступает молчание. Все смотрят на Арину, и это смущает ее. Она несмело подходит к столу.

– В город надо. Никак ждать нельзя...

– Зачем тебе? – удивляется председатель и тут же спохватывается. – Ах, да... Муж у тебя там. А кто же за телятами будет смотреть?

– Дуся согласилась. Евдокия Ивановна.

У председателя сегодня хорошее настроение.

– Ну, раз подружка согласна, у меня особых возражений нет. Поезжай.

– Спасибо вам. Я еще хочу попросить... У меня денег нет.

Председатель весело подмигивает и крутит ус:

– Попросился цыган ночевать у порога, а ночью на печку забрался! Что с тобой поделаешь – иди к кассиру.

Через час Арина с маленьким Кара на руках стояла у обочины шоссе и ждала попутную машину.

Евдокия Ивановна пришла ее проводить.

– Куда едешь, Арина? – кричали женщины.

Дуся ответила за нее:

– В город за мужьями! Кому мужика надо – заказывайте!

– Скажем твоему, – смеялись женщины, – он тебе покажет городского мужика!

Евдокия Ивановна, подперев руками бока, отшучивалась:

– Нам теперь грамотных надо. Чтоб от них одеколоном пахло!

Машины не было, и веселая перепалка продолжалась довольно долго. Наконец показался грузовик. Шофер посадил Арину с ребенком в кабину, спросил, куда ей надо, цену назначил сходную и молчал всю дорогу.

Уже стемнело, когда шоссе, по обе стороны которого шумели высокие тополя, выбежало к окраине города. С пригорка открылась невиданная картина – переливающиеся огни. Их было больше, чем звезд в самую ясную августовскую ночь. Было красиво и боязно. Где в этом разливе огней искать Одою? Машина запрыгала по камням мостовой. Улице, казалось, не будет конца. И домам – тоже. Дома вплотную прижимались один к одному. Окна ярко освещены. И люди, люди – целые толпы. И все куда-то спешат, стучат каблуками по деревянным тротуарам.

Машина остановилась. Шофер открыл дверцу кабины:
– Вылазь. Мне отсюда на автобазу. Куда надо – спросишь.

Не успела Арина очутиться на тротуаре, как шофер тронул грузовик. Она тоскливо смотрела вслед удаляющейся машине, словно убегавшей от нее.

Кара заплакал. Арина присела на край тротуара и дала ему грудь. Люди обходили ее, с любопытством поглядывали, но никто не замедлил шага, никто не спросил, почему молодая женщина в такой час с ребенком очутилась на улице.

Фонари на столбах, торопливые пешеходы, большие дома, широкая улица, тротуар, на котором она сидела, – все казалось чудом. Арина с любопытством осматривалась вокруг себя.

«Ба-таа, – думала она. – Чем они все занимаются? Где работают? На этих улицах ни ячмень, ни трава не растет. И скота не видно... Вот бы всем городским по литовке дать, сколько бы они за день скосили?!»

Кара отвалился от груди и, продолжая еще шевелить губами, уснул. Арина оправила платье, поднялась и, вглядываясь в каждого шедшего навстречу человека, медленно побрела по улице. Не решаясь спросить у кого-нибудь, долго кружила по темным переулкам, пока снова не очутилась на том же месте, где ее высадил шофер. Все-таки спросила.

Русская женщина объяснила ей, как пройти на главную улицу. Оказалось, совсем близко. Но дом, в котором размещалось общежитие школы, находился в другом конце этой улицы. Здесь было еще больше машин и людей. Дома – выше. Свет – ярче. Немного осмелев, Арина расспрашивала всех подряд, как найти нужный дом. Ей охотно показывали.

Так и добралась до каменного двухэтажного здания, в котором жили алтайцы.

– Жена Одоя?

Они о чем-то шептались, разглядывая Арину.

– Одой здесь больше не живет, – сказал молодой алтаец в очках.

– Как не живет?!

– Он квартиру снял. Эй, Ташпак, – позвал очкастый высокого парня в городском пиджаке. – Ты не знаешь, где Одой живет?

– Откуда? Разве вы вчера не вместе были?

Парень, не ответив, ушел.

Девушка-алтайка хотела взять у Арины ребенка:

– Пойдемте к нам. Переночуете, а завтра найдете мужа.

Арина крепче прижала к себе малыша.

– Завтра надо домой возвращаться, – в горле у нее запершило. – Меня на один день отпустили... Надо искать.

Курсанты опять зашептались. Наконец нашелся один, который примерно знал, где живет Одой. Он согласился проводить Арину.

Они перешли на другую сторону широкой улицы, куда-то свернули и очутились в темном и грязном переулке. Курсант шагал впереди. На нем были наглаженные брюки, и он, чтобы не запачкаться, высоко поддернул их. Обходя лужи или прыгая через них, он еще выше подтягивал штаны и становился похожим тогда на голенастого петуха.

На перекрестке курсант остановился.

– Во-он там, – показал он на деревянный дом, крытый железом. – Левая дверь. Собак нет, не бойтесь.

С трудом вытаскивая сапоги из густой чавкающей грязи, Арина дошла до калитки. Долго шарила в темноте

крючок, но так и не нашла его. Обнаружив дыру в ограде, пролезла через нее и остановилась перед высоким крыльцом. Окна в доме были раскрыты. Слышались голоса поющих. Звенела посуда. Кто-то плясал...

Арина вытерла ноги о половик, брошенный у крыльца, медленно стала подниматься по ступеням, словно боялась испугать кого-то. От волнения так дрожала рука, что она никак не могла ухватиться за ручку двери.

В доме запели песню, которую Арина слышала от Евдокии Ивановны:

Но нельзя рябине
К дубу перебраться...

Как-то не сразу поняла, что пели именно там, куда она шла.

«Может, тот человек, который показал этот дом, ошибся? Может, здесь совсем чужие люди?» – в отчаянии думала Арина, но на всякий случай постучала в дверь.

Никто не ответил. Постучала еще.

– Кто там? – песня за дверью смолкла.

Кто-то, спотыкаясь о стулья, добрался до двери и отворил ей.

Арина перешагнула через порог.

Одой, пьяный, сидел среди таких же пьяных, обнимая женщину. Сколько было в комнате людей, как они выглядели, – она не успела рассмотреть. Видела только Одою и ту, что прижималась к нему.

Потемнело в глазах, и Арина не знала, что сказать, что делать...

– Ты кто такая? – донеслось до нее откуда-то издалека.

Она не ответила.

Шатаясь, навстречу шагнул Одой.

– У нас сегодня вечер! Проходи! – он распахнул руки. Арина крепко прижала левой рукой ребенка, а правой ударила Одою по лицу. Кто-то завизжал. Одой потянул ее к столу. Она вырвалась, выбежала из дома.

Кара плакал. Она бежала не разбирая дороги, по лужам и грязи, сквозь темноту переулка. Сзади топал, кричал Одой. Он, должно быть, был сильно пьян и ноги не слушались его. Голос его вскоре затих. Арина не останавливалась.

Уже за полночь она постучала в ставень какого-то дома, попросилась переночевать. Ее пустили.

Рано утром добралась до выезда из города, дождалась попутной машины.

...Сколько лет прошло с того дня. Кара уже большой. Совсем по-взрослому спросил: чей ребенок, зачем родился...

Уже четвертый... Еще один сын...

Арина сидела на постели, прижавшись лбом к оконному переплету. Узкая тропинка петляла между аилами и сбегала вниз к речке. Деревня, накрывшись тенью Ложной горы, досматривала седьмой сон.

11

Шумная, буйная Сема все несет и несет свои воды мимо высоких берегов, мимо крутых скал, мимо темной стены соснового бора.

Все так же на самом краю села стоит домик в два окна. Все так же мчатся мимо этого домика машины по Чуйскому тракту. Сколько их пронеслось – не сосчитать...

Никому не рассказывала Арина о встрече с Одоем в городе. Только Дусе – Евдокии Ивановне. И та поняла ее.

Город, широкие улицы, люди, люди, люди... Все это как давний сон. И песня:

Но нельзя рябине
К дубу перебраться...

Арина часто поет ее вместе с Дусей.

Сначала, когда вернулась, слышать не могла эту песню – сразу слезы навертывались на глаза. А Дуся сказала: «Плюнь!» И еще сказала: «Песня-то при чем? Она про нас, про баб. Ее споешь, и на душе легче».

Работала Арина как и прежде – все хвалили. Вернулась когда, кроме своих телят, ничего и знать не хотела. Иван Никифорович, председатель, ее всем колхозникам в пример ставил. А что он понимал, Иван Никифорович? Не станешь же ему объяснять.

И опять Дуся сказала: «Плюнь!» Не затем сказала, чтобы Арина плохо работала. Видела же, как она убивается.

– На наш век мужиков хватит! – шутила Дуся.

А по-серьезному так советовала:

– Чего тебе пластаться? Дети у тебя есть. О них думать надо. И про себя не забывать. Ты еще молодая. От людей не прячься.

Хороший человек, Евдокия Ивановна, верная подруга. Нет-нет да и вытащит Арину на вечерку. Соберутся бабы, выпьют немного – поют, пляшут. И Арина поет.

В доме – порядок. Бабушка Келемчи за детьми смотрит. Привыкла помаленьку старуха и к избе, и к чужой деревне. А что ей привыкать? Разве вот аила нет. Дети везде дети. Готовь еду, сиди на завалинке, тяни трубочку. Спать захотела – спи, пожалуйста, сколько хочешь.

Вечером Келемчи ребятишек уложит и сама с ними уляжется. Тихо в избе. Арина, как обычно, сядет у открытого окна, шьет, посматривает на дорогу, на пробегающие машины. Уже не ждет, что какая-нибудь остановится. Не бьется в тревоге сердце. Гармонь за рекой заиграет – гру-

---

стно станет. Слушает, слушает Арина переборы гармони, задумается...

Глупая она была. И грамоты у нее не так-то много. Но это ничего. Все равно не отступит она перед Одоєм. Докажет ему, на что она способна. Жизнь теперь совсем не такая: большая, красивая. Одой еще не раз удивится – как это она смогла без его помощи детей вырастить, и сама какая стала...

Слышала Арина, что Одоя послали на работу в Улаган – самый отдаленный аймак. Он, как уехал, деньги прислал. Два письма от него было. Хорошие письма. Не все поняла Арина: что-то он обещал рассказать, когда удастся ему приехать... А после слух дошел, что женился он. Когда снова деньги от него пришли, Арина обратно их вернула. И написала ему, что сама проживет, что о детях он может не заботиться. Вот если Арина умрет, тогда пусть не оставит своих детей. Ни деньги его, ни жалость, писала она, ей не нужны.

А все-таки приходилось туго. Как-никак двое ребятишек! И бабка Келемчи... Четыре рта.

Зимой особенно трудно было. Одних дров сколько идет. А лошади своей нет. Председатель, конечно, не отказывал. Раза два прямо домой дрова ей привезли – как лучшей телятнице. Да разве надолго хватит! И сена запасла маловато.

Может, обошлось бы. Келемчи стала уговаривать вернуться в Дьяйлу. Там, говорит, у тебя своя изба. Там все для тебя родное. Арина сначала и слушать не хотела, а после сама стала подумывать – не вернуться ли? И решила: назло всем вернется. Пусть в Дьяйлу увидят, что Арина самостоятельная. И сестрицы Одоя увидят. Уж они-то обязательно ему дадут знать!

Председатель не советовал. Дуся очень жалела, что подружка не хочет остаться. Женщины на ферме так говорили: «От добра добра не ищут. Или мы тебе не по нраву?»

Никого не послушала.

Дьяйлу не узнала. Сильно переменялось урочище. Колхоз в Дьяйлу, много новых домов понастроили. Как в русском селе. Отцова изба совсем рядом с новыми домами убого выглядит. Заросла бурьяном, крапивой. Окна по-выбиты...

Келемчи принялась обкашивать избу. Охала, приговаривала:

— Где можжевельник взять? Злых духов прогнать надо. Они тут себе гнездо свили...

Арина выбелила стены, помыла полы, замазала потрескавшуюся печь. Позвала деда Боргоя, кузнеца, застеклить окна.

Привела все в порядок, пошла в правление. По дороге у нескольких спросила, кто председатель, как зовут. Ответили коротко:

— Сакар...

Привыкнув в Каменке обращаться к людям по имени-отчеству, она допытывалась, как же величают этого Сакара. Все пожимали плечами. А отзывались о нем неплохо. Строгий, но отходчивый. Приехал, как только колхоз организовали. Холостой. Сдружился с учителем Калтаром, все вечера с ним проводит...

Кто-то все же подсказал Арине:

— Угарыч он. Сакар Угарыч.

В контору Арина вошла, не испытывая робости. Кроме худощавого алтайца в городском пиджаке, сидевшего за столом, никого в конторе не было.

— Здравствуйте, Сакар Угарыч, — обратилась к нему Арина.

– Здравствуйте, – удивился тот. – Кто вы? Откуда меня знаете?

– Карышева моя фамилия. Вернулась в Дьяйлу. Хочу в колхозе работать.

– Жена Одоя?

– Да...

Председатель оглядел стоявшую перед ним женщину, подумал: «Сразу видно, жена грамотного человека. Вежливая...»

– Работать, значит? Посмотрим, может и найдется работа, – с достоинством сказал он.

Арина положила перед ним грамоты, полученные в Каменке и на слете животноводов.

Сакар Угарыч подобрел:

– Если вас в русском колхозе наградили, будете и у нас за телятами ухаживать. Разрешаю.

К сестрицам Одоя Арина и не заглянула. Что у них делать? Дыламаш, оказалось, вышла замуж. Да за кого? За учителя Калтара. А Каргаа председателя колхоза обхаживала, только не очень пока это ей удавалось. Жить сестры хорошо. Трех коров имели. Одой им помогал.

Как-то Арина встретила на улице мать Одоя. Чоргои будто обрадовалась, стала расспрашивать про внучат, и видно, побаивалась, как бы Арина не потребовала назад свое имущество, которое они с Одоем оставили, уезжая из Дьяйлу. И другие, наверное, опасения были у Чоргои – за сына. А ну опять вернется он к невестке? Без нее там все хорошо стало. И Дыламаш, наконец-то, пристроена, и вторая дочь того гляди замуж выйдет. Что как сглазить. Сколько от нее беды было?

Как и рассчитывала Арина, сестрицы немедленно сообщили Одою о ее возвращении. Поэтому его письмо не

было неожиданным. Одой каялся, во всем винил сестер. Он верил и не верил им. Писал он также, что осенью обязательно приедет, что хочет увидеть Арину, детей, скучает о них, любит их. А в конце совсем непонятное: «Не жди меня...»

Лучше бы не было этого письма!

К осени Каргаа добились своего: Сакар Угарыч женился на ней. Сколько ни перебирал председатель дьяйлинских невест, ни одна не подходила. Ему нужна была жена из культурной семьи. На худой конец пусть хоть родня приличная. И выбор его остановился на Каргаа. Брат в аймачном исполкоме. Сестра за учителем замужем. Чего еще искать?

Это событие отмечал весь колхоз: не каждый день у председателя свадьба! Араки наварили, чтобы на неделю хватило.

Как раз к свадьбе угадал и Одой – приехал в отпуск. Не успел появиться – сразу за пир. Не просто брат невесты – большой человек! Ему – уважение и почет. В честь него больше всего пьют. Его рады видеть в каждом доме. Умный, образованный Одой! Первый человек из Дьяйлу, который так выдвинулся!

И на свадьбе Каргаа, и в каждом доме, куда его приглашали, Одой надеялся увидеть Арину. Она никуда не приходила. Он ждал, что она сама разыщет его. Не дождался. Всю деревню обошел дорогой гость, в одном только доме не был – в доме своей жены, у своих детей.

Не знала, что делать, Арина. Позвать его – значит простить. А может, он и не хочет этого? Пойдет к ней, значит, ее выше матери и сестер поставит. Не звать? Но как же это? Детей не увидит...

Отшумела свадьба. Протрезвело немного урочище. Одой еще гостил у своих. И чем больше Каргаа и Дыла-

---

маш старались наговорить на Арину, очернить ее в глазах Одоя, тем сильнее ему хотелось встретиться с нею. Он бы отправился к ней незванным, среди бела дня, на глазах всей деревни, – но пустит ли?

Ночами Одой приходил к дому Арины, подолгу сидел возле него, не решаясь стукнуть в окно. А утром Арина подбирала возле калитки окурки и прятала их, чтоб никто не видел. Знала, что это он, мучилась, тайком подглядывала ночами за ним и... боялась чего-то.

Ему уже пора было уезжать. Арина подбелила печь, выскоблила полы, послала Чейнеш за отцом. Наказала пригласить и его, и всю родню, и всех, кто не побрезгует. Она, дескать, тоже не хочет отказать в гостеприимстве... Приглашение приняли.

Когда в конце улицы Арина увидела целую толпу, то не поверила вначале. Но впереди шел Одой.

И сестрицы со своими мужьями, и старая Чоргош, и соседи их, и все, кто встретился на пути, шли к ней, к Арине. Что ж, она готова принять гостей, сколько бы их ни пришло. Чем больше, тем лучше. Пусть все видят, что она и без мужа хорошо живет.

Старухи быстро охмелели и запели, раскачиваясь и толкая друг друга. Арина обносила гостей чаем. Араку разливал Октой, колхозный сторож, взявший на себя обязанности хозяина. Упрашивать есть и пить никого не надо было. Вот где пригодилась Арине наука Евдокии Ивановны! Дуся научила ее печь пироги, и Арина постаралась.

Стол ломился от пирогов – и с мясом, и с грибами, и с ягодами. Гости не могли нахвалиться. А довольная хозяйка все выставляла да выставляла угощение. «Не хуже, чем у других!» – радовалась она.

Потихоньку Арина поглядывала на Одоя. Он усадил Чейнеш на колени, обнял ее, о чем-то разговаривал с ней.

Ему наперебой подносили чашки с аракой, но он не выпил ни глотка. И к еде не притронулся. Лицо у него немного побледнело. Раз или два он поймал устремленный на него взгляд Арины и, смущенный, отвел глаза. Бабка Келемчи принесла проснувшегося сына. Кара не совсем понимал, почему так много людей, столько шума, таращил заспанные глазенки. Одой и его посадил на колени.

Вдруг ни с того ни с сего Каргаа, уже изрядно под хмельком, обняла сзади брата и зарыдала:

– Единственный, любимый братишка мой! Вспомни, как я тебя водила за руку, когда ты маленьким был!.. Ты ведь на моих руках вырос! И-и-и-и, – голосила она. – А теперь ты стал таким большим человеком, и все тебя уважают, все тебя зовут в гости!

Кое-как утихомирили, успокоили ее.

Гости насытились, разговорились. И все шло хорошо, без перебранки, без скандалов, которые случаются, когда хлебнут араки сверх меры. Шумный, но миролюбивый разговор прервала песня Дыламаш.

Не хвались быстрым конем –

Подковы отвалятся.

Не думай, что ты мудрее всех, –

Ведь дураком родился...

Обычай есть обычай. Так принято: петь друг другу неприятные вещи.

И тут всех удивила бабушка Келемчи. Приняв чочой, она пригладила свои седые косы, гордо прошла мимо всех и опустила на одно колено перед Одом. Протянув ему чашку с аракой, запела тихим, низким голосом:

Если жеребенок сиротой остался,

Не думай, что он не станет конем.

Если у человека нет отца,
Не думай, что он остался без аила.
Осиротевший жеребенок вырастет,
За собой табуны поведет.
Вырастут дети без отца,
Станут нужными людьми...

Голос Келемчи дрожал, а Одой, слушая ее, все ниже и ниже склонял голову над столом. Когда она кончила петь, Одой взял из ее рук чочой, осушил чашку и отвернулся к окну.

Все стали хвалить песню Келемчи.

Поднялся Октой, потребовал себе чочой вне очереди.

– Погодите, люди! – старался он перекричать разноголосый говор. – Среди вас старше меня никого нет. Я хочу спеть Арине свою песню!

Его было подняли на смех, но тут же замолчали – нельзя же проявить неуважение к хозяйке дома! Подали Октою чашку. Старик сунул под мышку шапку, кряхтя, опустился на колено перед Ариной. Его мучила одышка, но Октой на удивление всем запел звонко, молодо:

В табуне кто красив?

Быстроногий конь красив.

Среди людей кто красив?

Чистым сердцем ты красива.

В табуне кто красив?

Длинноногий конь красив.

Среди женщин кто красива?

Ты, мать двух детей, красива!

Арина низко поклонилась старику, взяла из его рук чашку, выпила араку и помогла Октою сесть на свое место.

Нет, нарочно нельзя придумать. Как все получилось!

Конечно, не могло это понравиться любезным сестрицам: выходит, их Одой ниже Арины ставят!

Каргаа (ей уже надоело плакать) вышла плясать. Вытащив из кармана платок, она размахивала прямо перед лицами сидящих, кружилась в дикой пляске и орала:

Через реку длинный мост
Проложили для моего коня.
Я сумела полюбить
Пр-ед-седа-теля-яя-я!..

Еще немного, и все было бы испорчено. По счастью кто-то предложил идти в другой аил. Все поднялись. Одой выходил последним. Он задержался на пороге. Лицо его было грустным.

– Вечером приду к тебе? – не глядя на Арину, тихо спросил он.

Арина ничего не ответила.

Тот вечер, ту ночь Арина не забудет никогда.

Одой плакал. Плакал, как ребенок.

Да, он попросту струсил. Сначала боялся, чтобы Арине не было хуже – здесь, в Дьяйлу. Увез ее. И солгал. Оставил одну в Каменке. Думал, обойдется... Вышло еще хуже. Пришлось лгать и ей, и тем, кто поверил его лжи в городе.

Когда она приезжала к нему, он совсем перепугался. Если бы узнали, что Одой все еще как-то связан с семьей, – не видать бы ему ни теперешней работы, ни того положения, какое он занял не только в своем Улаганском аймаке, – среди многих алтайцев. Такие, как Одой, – наперечет.

Его даже обрадовало, что Арина сразу же исчезла из города. Никакого труда не составило придумать очередную ложь, которой поверили, потому что Одой во всей этой

истории выглядел просто жертвой. Да, приезжала бывшая жена, устроила скандал, но он-то при чем? Он же давно оставил семью. Знать ее не знает!..

А простить этого себе не мог. Не было и нет у него никого, кроме Арины. Неправда, что он женился на другой. Один живет. Мучается, что не может вернуться, не видит детей. Вот уже дочка как выросла! И Кара... Он же впервые увидел сына. Тогда, в городе, пьяным был, ничего не соображал. Только после догадался, что она с Кара была... Как же дети будут без отца?

Он понимает, что ни письма, ни деньги ничего не стоят. На что ему надеяться? Он все ждет: может, что-то переменится...

Он был жалок, когда, наконец, кончил говорить. Ее Одой, с которым она всегда хотела сравняться, ради которого столько перенесла, — этот человек? Отец ее детей?

Что связывает их теперь? У него своя жизнь. У нее — своя, трудная, одинокая.

Пожалела, уступив ему, приняв как мужа? Нет. Это была не жалость. Она любила его. Пусть будет как будет. Она одна за все в ответе. Будет еще ребенок? Пусть! Вот уж когда потешатся сестрицы! Ну и что?

Он ушел на рассвете, тайком. Просил отвечать на его письма, не отказываться от денег. Арина только усмехнулась.

И опять — долгие годы одиночества.

Одой снова попал в Дьяйлу зимой сорокового года. Он воевал в Финляндии, был ранен в руку и после госпиталя несколько дней заезжал к матери и сестрам.

Старшая девочка уже ходила в школу. Кара исполнилось шесть лет. И младший — «незаконнорожденный» — Кара подрос.

В этот раз Одой пришел к ней в день приезда, открыто, на виду у всей деревни, назло всем. Ему успели напеть про Арину – и такая она, и сякая. Ребенка нагуляла...

За версту можно было угадать, с кем нагуляла Арина этого черноглазого! Вылитый Одой.

Какое людям дело до нее? Разве она плохо работает? Кто чаще других бывает в области? Арина. Кто лучше ее ухаживает за телятами? Никто. А уж в дом к ней пусть никто не лезет. И в душу. Не старое время!

Еще по давним письмам, нацарапанным карандашом, нескончаемым и наивным письмам, помнил Одой, как удивляла его настойчивость Арины стать лучше, узнать больше, сравняться с ним. Насколько же она оказалась сильнее, увереннее в себе, чем он!

И с каким достоинством встретила его. Ни жалоб, ни упреков. Обрадовалась. Будто вчера расстались.

От подарков, что он привез детям, не отказалась. Взяла и немного денег – дочку надо одевать, и на Кара все горит: мальчишка!

Он заикнулся было, что хочет остаться.

– Зачем? – спокойно и твердо спросила Арина. – Лучше все равно не будет. Ни тебе, ни мне. О детях не беспокойся.

Арина запретила приходить к ней:

– Лишние сплетни. – Тихо добавила: – Если хочешь... ночью. Чтобы никто не видел...

Они снова были молоды теми ночами. И каждый рассвет наступал так быстро. И неделя пролетела как один миг.

Одой вернулся в тот же Улаганский аймак, откуда его взяли в армию, на ту же должность – в исполкоме.

Перед самым отъездом он круто поговорил с сестрами и матерью. Пригрозил: если будут сплетничать про Арину, не станут помогать ей – никогда больше не приедет и денег не пришлет. Сестрицы поприжали хвосты.

Каргаа не утерпела, съязвила:

– Твоим детям мы всегда рады. Пусть к нам придут. А уж прибудного... – и тут же прикусила язык, увидев разгневанное лицо брата.

Случай свел Арину с Одоем в области. Собирали животноводов. Арина поехала от своего колхоза. На совещании увидела его в президиуме. Одой выглядел солидным, строгим. В перерыве они столкнулись лицом к лицу. Он немного смутился, но тут же протянул ей руку.

Он занимал отдельный номер в гостинице. Туда и приходила она.

То-то ликовали сестрицы, когда заметили, что у Арины снова будет ребенок. Вот уж когда сполна вознаградили себя. Ишь, святая! Только успевает подол поднимать!

Проходу не стало от них Арине.

Как объяснить детям рождение этого ребенка? Не слишком ли много взяла она на себя?

Выдержит ли?

Маленький крепко спал, нахмутив брови, собрав в складки крошечный лоб.

Арина с нежностью смотрела на него, и отходила тревога, спокойнее становилось на сердце.

12

Обезлюдела деревня. Дома хозяйничают старухи. На улице только маленькие ребятишки. Чуть постарше – уже в поле.

На горных лугах сотни шалашей, дымят костры.

Весь колхоз переселился сюда, на сенокос.

Работают, пока светло. А дням, кажется, и конца нет. Чуть стемнеет – снова заря.

Тянутся поздними вечерами с покоса усталые люди. Кажется, добредут до своих шалашей и сразу повалятся на душистую траву, уснут. Нет, копошатся у костров, терпеливо ждут, когда болтливая повариха приготовит кёчё с мясом. И едва звякнет поварешка о край большого котла, оживает стан. И словно прибавилось сил у косарей. Веселее пляшет пламя в кострах, звенит песня, звучит смех...

Над притихшими лугами плывет легкий голубоватый туман. Стелется над землей, будто проверяет, хорошо ли потрудились люди, клубится в березовых околках, в низинных зарослях кустарников, тянется к задумчивому лесу, окутывая деревья. В болоте за рощицей до одурения хохочут лягушки. Когда их оглушительная болтовня становится несносной, из кустов на них сердито рявкает куран, и они послушно замолкают. Одна-две запоздало хихикнут и тоже будто в рот воды наберут.

В еще не скошенной траве перепел бросает вызов своей подруге и ждет: ответит ли? Ответила!.. И перепел не перестает объясняться ей в любви до утра.

Все звенит, поет, торжествует, славит лето.

Уже окончился ужин, и звучали песни, и слышался смех, и туман подбирался из низин к кромке леса, и куран загнал лягушек в болото, и неуверенно позвал подругу перепел.

Полевод первой бригады Марал Бекин заполнил сводку, отправил ее с мальчишкой-коногоном председателю и забрался в шалаш к парням – машинистам сенокосилок. Шагах в пяти балагурил с девочками Каракай. Повариха гремела у костра посудой, кормила собак остатками ужина.

Каракай болтал, болтал, потом принялся играть на старой двухрядке. Затянул какую-то заунывную песню.

– Каракай! – закричали из соседнего шалаша. – Когда кончатся твои страдания?

Послышался смех.

Обидчивый Каракай бросил гармонь и направился в шалаш, откуда все еще доносился хохот парней.

– Кто из вас кричал? Выходи! У меня вес семьдесят шесть килограммов! Ну, кто храбрый?

Журчит родник. Недалеко от него стреноженные кони фыркают, щиплют траву. Перепел завел свое «Патпадым, пат-падым!...».

– Два, три... – хором считают девушки.

– ...четыре, пять! Замолчал!

– Если шесть раз споет – хлеба хорошо уродятся. Если семь – год совсем богатый будет.

– Разве они о хлебе думают? Им перепел про женихов поет!

– Нн-уу, сказки...

– Почему сказки? Примета.

– Кому повезло, девчата? Может, на меня загадывали? Признавайтесь!

Девушки не отвечают.

У аргамака грива мягкая.

Мягче лучшего шелка, –

запевает одна из них. Остальные подхватывают:

У аргамака грива золотая.

Такого шелка не найдешь...

Глаза у него золотые,

На небе нет такой звезды...

Все слушают песню.

Марал в пятый раз отрывает от газеты учетчика клочок, чтобы сделать сигарку. Не спится. Накинув на плечи

фуфайку, он выбирается из шалаша. На земле валяются брошенные мальчишками хомуты. Марал ворчит, прикрывает хомуты сеном, чтобы не намокли от росы.

В темноте слышен топот коня.

– Кто там? – окликает Марал.

– Это я, Самтар, – негромко отзывается приехавший.

– Не шуми.

– Зачем коня гоняешь? За день кони и так устают. Чего не спишь?

– За продуктами в деревню ездил. Дядю твоего видел. Велел тебе в Дьяйлу ехать. Прямо сейчас.

«Зачем я ему понадобился?» Маралу неприятно это, но он распутывает своего коня и, не седлая его, едет вместе с Самтаром в Дьяйлу. Ослушаться он не может.

В двадцать втором году Марал, семнадцатилетний парень, бежал с бандой дяди Курачи в Менкулекские хребты. Красные наступали на пятки, и Курачи понимал, что ему не спасти свою банду.

– Ну, племянничек, – сказал он Маралу, когда положение было уже почти безвыходным, – нет нам больше дороги, нет удачи. Давай-ка выбирайся куда-нибудь подальше, где тебя никто не знает. Поживем – увидим. Бог даст, не пропадем.

Они распрощались и разъехались в разные стороны.

Марал не послушал совета Курачи, вернулся домой. Родные перепугались:

– Пока не поздно, беги отсюда! Из-за дяди своего сложишь голову... И нам не жить. Сегодня же ночью уходи!

Так он попал в Дьяйлу, где жила его бабушка. Несколько лет жил спокойно, вступил в колхоз. И надо же было именно в Дьяйлу угадать Курачи! Заметая следы, ловко обходя расставленные на него капканы, дядюшка десять лет,

---

как хитрая лиса, скрывался от наказания. Попасть к Маралу было для него самой большой удачей. Таким несчастным прикинулся, такое про себя всем дьяйлинцам насочинял: и семью-то у него белые уничтожили, и дом сожгли, и скот угнали. Один только племянник и остался от всей родни. Столько лет пришлось ему, бедному, скитаться, пока Марала не отыскал... Приняли дядюшку в колхоз.

Как-то ночью Курачи поднял Марала с постели, потихоньку выманил на улицу, а там, погрозив ножом, предупредил:

– Я догадываюсь, что у тебя на уме. Смотри: если язык начнет зудиться, весь зуд этим ножом соскоблю. Понял?

И Марал понял.

А Курачи стал заправским дьяйлинцем. Ничего плохого как будто он не делал, но Марал чувствовал, что дядюшка не сидит сложа руки.

Этим летом Марала назначили полеводом. Жить бы да жить! А на душе беспокойно. Что бы ему сразу, когда Курачи появился, не струсить... Теперь поздно. И не околет, старый черт! Такие долго живут...

Ближе всех Курачи сошелся с Самтаром.

Маралу было вдвойне неприятно, что Курачи позвал его через Самтара. Что-то в этом позднем приглашении было нечисто. «Зачем я ему понадобился?» – не давала покоя мысль. Марал свистнул по воздуху плетью. Конь, осторожно ступавший в темноте, рванул и пошел крупной рысью. Едва сдержав его возле ограды, Марал спрыгнул, но неудачно – чуть ногу не вывихнул.

Дверь избы была закрыта на замок. Он направился к аилу.

Дядюшка сидел у огня и смотрел на языки пламени. Марал нарочно запнулся на пороге, чтобы его приход был

замечен. Курачи даже головы не повернул. Не торопясь выбил трубку, сказал в сторону:

– Посмотри в избе чего-нибудь поесть. А Самтар пусть войдет.

Марал неохотно повиновался, пропустил вперед Самтара, направился к избе, загремел замком.

Наполнив из стоявшего на углях чайника аракой деревянную чашку, Курачи протянул ее Самтару. Тот сдернул шапку, опустил на колено, выражая почтительность и готовность слушать.

– Чочой, – тихо произнес Курачи.

Самтар обеими руками схватил чашку, наклонил голову.

– А ты, как вижу, не забыл обычаи предков, – усмехнулся Курачи. – Ну, пей!

Чуть коснувшись губами края чашки, Самтар с поклоном возвратил ее.

– Если ага на коне, не смею обгонять, если ага пьет, не смею первым выпить...

Курачи скривил в улыбке рот, опрокинул араку в глотку, снова наполнил чашку. На этот раз Самтар выпил до дна. Горячая арака ударила в голову.

– Значит, с неохотой поехал племянник? – спросил Курачи.

– Да, ага.

– Ох, путает он след, как заяц... Знаешь, как заяц след путает? Девяносто кругов сделает и на старое место вернется. Думает, обманет охотника. А охотник пустит за ним собаку и ждет. Прибежит заяц – тут ему и конец!

Самтар хихикнул.

– Ты не забывай! Марал – бригадир. На людях ему не перечь. Хвали его. А Марал нам нужен, помни это! – Вытерев потную ладонь о голенище ичига, Курачи про-

---

должал: – Тобой я доволен. А вот племянничек – как трава кулузун. Куда ветер дует, туда и клонится... Ты-то своего дядю помнишь? – вдруг спросил он.

– Какого, ага?

– Топыйнака.

– Как не помнить, – смешался Самтар.

– С твоим дядей мы, как собаки, высунув языки, по горам бегали... Топыйнак голову сложил. Мне удалось в Аргуте с отрядом Кармана встретиться... Были дела!..

– Знаю, ага, – кашлянул Самтар. – Зачем сейчас об этом?

– Затем, чтобы ты не забывал про Топыйнака... Забудешь – напомню... А теперь позови Марала. Пока он не начал свою шкуру облизывать, хочу его немного конским пометом помазать. Ясно?

– Да, ага.

– Зови.

Когда Марал вошел в аил, Курачи с легкостью, никак не подходящей для его лет, вскочил на ноги.

– Ну, трогаемся. Ружья заряжены...

Марал растерялся.

– Какие ружья?

– Свежего мяса захотелось. Давно конины не ел. Не в своем же табуне брать, – усмехнулся дядюшка.

«Украсть хочет!»

– На, держи ружье, охотник!

– Я никуда не поеду, – запротестовал Марал, – Мне в бригаде надо быть. Не могу я людей бросить.

– Зачем их бросать? – возразил Курачи, – Можно успеть, пока люди спят. – Он играл с Маралом, как кошка с мышкой. – Волк никогда близко от логова не пакостит. Ты ведь это знаешь?

Неслышно шагая по айлу, Курачи подошел вплотную к Маралу, повесил ему на плечо тяжелое ружье.

– Думаешь, у меня нет работы? И мне утром выходить – новую конюшню строить. И так я тебя долго ждал. Пора!

Марал негнушимися пальцами потрогал затвор. Курачи мягко подтолкнул его к выходу.

– Давай, давай! Одному мне не управиться. А ты, Самтар, иди...

Пока Марал подседлывал своего коня, дядюшка нетерпеливо покашливал.

– Твоя лошадь ржет? – спросил он вдруг.

– Нет.

– Поехали.

– А если завтра? – Марал всеми силами хотел отговориться от задуманного Курачи.

– Завтра, завтра! – передразнил его дядюшка. – Сказано, сегодня. Ночь, видишь, какая темная. Жди, когда еще такая выпадет. Может, дождь будет. Лучше погоды не угадать. Трогай!

Видно, знал Курачи, какое время выбрать. На небе – ни звездочки. И тишина... Даже талтары-коростели затихли. И лес затаился. Будто вдохнул в себя весь воздух и замер...

Некованные лошади скользили на сырых и болотистых местах.

Курачи, ехавший первым, при малейшем шорохе сдерживал коня.

На душе у Марала было до того погано...

«Ку-да е-едешь, бри-га-дир? – насмешливо шлепали копыта коня. – Ку-да е-дешь, ку-да е-дешь?..»

– Дай веревку! Живо! – зашипел из темноты Курачи.

Марал снял притороченный к седлу волосяной аркан, протянул дядюшке.

– В прошлом году на этом пастбище табун был. – Курачи ткнул плеткой впереди себя. – И нынче, наверно, здесь пасут. Надо не испугать... Тихо!

Мурлыча про себя, Курачи вглядывался в открывавшуюся перед ним долину. Он набил трубку, закрывая ладонями огонь, прикурил, обернулся к Маралу.

– Лошадь поведем вверх по этому косогору. Пока пастухи очухаются, мы перевалим... Ты поведешь. Веревку сильно не распускай, зацепится за что-нибудь. Если стрелять придется – я сам... Давай, за мной! – Он легонько ударил коня плеткой и, упираясь в стремяна, направил его вниз, каким-то собачьим чутьем находя путь между густыми соснами и елями. Лошади вязли в сырой почве и медленно продвигались вперед.

– Еще немного, и будет сухая земля. Даже следов не останется, – негромко говорил Курачи. – Я эти места хорошо знаю. Бывало, спрячусь – красные неделю ищут, не найдут...

Они ехали рядом.

– Сейчас будет речка, – предупредил Курачи.

Почти в ту же минуту послышалось журчание. Конь Марала потянулся к воде. Курачи огрел его плетью.

– Не давай пить лошади перед скачкой, – сердито произнес он.

Напуганный конь, разбрызгивая воду, одним прыжком вымахнул на берег. Марал едва удержал его.

Курачи, выехавший следом, остановился и принялся, словно хищный зверь, почуявший добычу.

– Дымом пахнет... Видно, стоянка пастухов недалеко. – Зажав в левой руке конец аркана, он поскакал.

Марал, повинувшись ему, взял в объезд. Затрещали сухие сучья. С двух сторон подъехали к табуну, пасшемуся на опушке леса.

В сумраке ночи белели клубы дыма от костра пастухов.

Низкорослая лошаденка, что была ближе всего, почуяла подъехавших, подняла голову, встряхнулась. Табун, кружась на одном месте, тотчас же сбился в кучу. И вдруг в тишине ночи громко заржал жеребец. Длинногривый, с коротко подвязанным хвостом, он вынырнул откуда-то и, не переставая ржать, обежал испуганный табун.

Курачи кинулся ему наперерез. Жеребец поднялся на дыбы и отпрянул назад. Снова обежал табун и устремился на Курачи. Тот приготовил аркан.

«Хоть бы промахнулся!» – успел подумать Марал, но волосяная веревка уже стянула шею жожака табуна. Дядюшка не зря слыл «грозой лошадей». Он мог, ухватив за хвост убежавшего коня, с ходу свалить его. Мог, вскочив на неоседланную лошадь, остановить ее, сжимая сильными руками шею...

Табун, лишившийся жожака, бросился в сторону.

Курачи окликнул Марала и, когда тот подскочил к нему, передал конец аркана. Жеребец, сердито отфыркиваясь, крутился на месте. Он чуть не стащил Марала с седла. Только плетъ Курачи заставила его стронуться.

Привлеченные шумом, всполошились собаки. Закричали пастухи. Раздался выстрел.

– Семка, гони! – закричал кто-то по-русски.

13

На полу играл котенок, безуспешно стараясь поймать солнечный лучик, пробивавшийся сквозь закрытый ставень.

Сакар Угарыч проснулся, но вставать ему не хотелось, и он потянулся, зевнул, повернулся на другой бок. Полежал, с умилением поглядывая на котенка, выпростал из-под

одеяла ноги, еще потянулся, позвал жену, громыхавшую чем-то в сенях:

– Карга-аа! Куда ты делась? Дай-ка чего-нибудь похолоднее!

– В печке холодный чай, – не очень приветливо отозвалась жена. – Бери да пей.

Сакар Угарыч огорчился.

– Я тебе что вчера говорил? Чтобы ты на работу шла. Почему до сих пор дома?

– А бозон кто будет варить? – Каргаа за словом в карман не лезла: – Хоть ты и председатель, а слушать тебя противно! Тьфу! И людям покоя не даешь, и жене...

– Ну, хватит, хватит! – Сакар Угарыч вовсе не был расположен начинать день скандалом. – Молотилка!

Каргаа в сердцах загремела ведрами. Котенок, ударившись с перепугу о ножку кровати, юркнул под печку. Сакар Угарыч, кряхтя, натянул сапоги, взял с шестка чайник, попил из носика холодного чая.

– Председатель дома? – слышался с улицы незнакомый голос.

Спрашивали по-русски.

Пришлось выйти.

Возле калитки стоял красноносый мужик со спутанной бородой и обвислыми усами. Рядом с ним сидел на лошади молодой парень.

– Что надо? – настроение у Сакара Угарыча начинало портиться.

– Мы совхозные пастухи, – пояснил старший.

– Ну и что?

– Ночью коня из нашего табуна хотели украсть. Мы с Семкой едва поймали. Двое их было...

– А ко мне зачем пришли? Я вашего коня не крал. К ворам идите.

Старик, поглаживая бороду, достал из-за пазухи кусок аркана.

– Из вашего колхоза воры-то. Такие арканы, кроме как у вас, нигде не делают. На коне остался. Видно, воры побоялись погони, перерезали...

Сакар Угарыч нахмурился. Стараясь выгадать время, спросил:

– Вы по следу пришли? На кого подозрение?

– След потеряли. А где был – тоже на ваших указывает: кони некованные. Опять же только у вас не куют...

– Нет, не может быть, чтобы кто из наших... Да у нас вчера никто не отлучался, все на работе были... Сколько, говорите, лошадей потерялось?

Парень хмыкнул.

– Дедка же сказал: не смогли увести.

– Заходите в избу, – пригласил Сакар Угарыч.

Пастухи вошли. Старик кивнул в сторону печи.

– Чайку бы неплохо... С ночи голодные. Семка, – повернулся он к парню, – погляди-кось в арчимаке хлеб.

Каргаа с недовольным видом вздула огонь в печи, подогрела чай.

– Мы только за тем к вам приехали, чтоб посматривали. Может, и завелся недобрый человек, – старый пастух сел на лавку, устало сложил руки на коленях.

Не выпуская из рук обрывка аркана, Сакар Угарыч соображал: «У кого я видел такой? Наш... Нигде таких нет – наш...»

Каргаа поставила на стол чашки и вышла из избы.

«Ну и черт-баба! – Сакара Угарыча передернуло. – Хоть бы чего-нибудь подала!»

Семка отыскал в переметной сумке, кроме хлеба, изрядный шматок сала. Не подавая виду, что заметили, как

обошлась с ними хозяйка, пастухи попили чаю со своими припасами, извинились перед председателем, что побеспокоили, и распрощались.

Злосчастный кусок аркана так и остался в руках Сакара Угарыча.

Надо было отправляться в бригаду – все люди там. Мимо председательской избы чей-то мальчонка – Сакар Угарыч не разглядел – гнал телят.

– Эй! – окликнул он мальчишку. – Приведи-ка моего коня. Узда под дверью.

– А он спутан? – спросил мальчишка.

– Нет, на веревке.

– А не лягучий?

– Да нет! Давай-ка скорее!

В избе появилась Каргаа.

Сакар Угарыч спросил:

– У кого видела такой аркан?

– А что? Кто-нибудь задавился?

– У кого видела?! – рывкнул Сакар Угарыч.

Жена только презрительно хмыкнула.

– Тпррру! – раздалось под самым окном.

Сакар Угарыч перекинул через плечо ремень кожаной сумки, сбежал с крыльца.

Мальчонка протянул поводья. Занятый своими мыслями, Сакар Угарыч спросил для порядка:

– Почему не в поле? Разве не можешь копны возить?

– А я телят пасу. Матери помогаю. Она с братишкой дома. С маленьким, – бойко отозвался мальчуган.

– А кто твоя мать? – проверяя подруги, председатель не смотрел на него.

– Арина.

– А-аа, Кара! Я тебя и не узнал. Чай пить будешь?

– Не-е.

– Ну, тогда валяй!

– И так валяю!

«Забавный мальчишка!» – подумал Сакар Угарыч и насторожился:

– Ты, однако, сильно лошадь гнал!

– Не-е.

– А чего у нее ноги дрожат?..

– Видно, замерзла...

Сакар Угарыч позабыл, что спешит. Кара держался независимо, разговаривал как взрослый.

– Значит, матери помогаешь... Так, так. Телят пасешь?

– Телят.

– А свиньи где, видел?

– Однако у Кабайчи в картошке.

– Что же ты их не выгнал оттуда?

– Я их прошлым летом пас. Больше не хочу. Пусть сами ходят.

– Как же можно! Сами! Беги-ка скорей, выгони их. Кабайчиха, знаешь, какой шум поднимет! Сколько их там?

– Семь. Один поросенок в болоте завяз. А другой у Кабайчи целую картошку проглотил, подавился. Кабайчиха поймала его и не отдаст. Говорит, не отдаст, пока колхоз за картошку не заплатит. Остальные свиньи опять у них в огороде.

– Так не годится, Кара. Свиньи тоже за твоей матерью. Раз ты ей помогаешь, значит, и за них отвечаешь. Так ведь? Не я же их буду пасти!

– Наверно, я... – наклонив голову и почесывая босую ногу о жердь забора, ответил Кара.

– Вот видишь. Как теперь у Кабайчихи поросенка обратно взять?

Кара растерялся.

– А сколько рублей?

– Чего? – не понял председатель.

– Стоит один поросенок?..

– Поросенок? – Сакар Угарыч совсем повеселел, он все еще делал грозное лицо. – Наверно... тысячу рублей.

Кара вытаращил глаза и протяжно свистнул.

– Ну-у?

– А ты как думал? Породистый же скот. Давай-ка гони всех свиней и следи за ними.

– А зачем? – удивился Кара. – Пусть они всегда у Кабайчи остаются.

Теперь пришла очередь удивляться председателю.

– Как остаются?

– Что дороже: поросенок или картошка? Пусть свиньи съедят картошки на тысячу рублей, жирными станут, а Кабайчиха одного себе за это возьмет.

Сакар Угарыч рассмеялся.

– Ну, ладно. Подумаем, как быть. А пока все-таки выгони свиней из огорода и не пускай больше. Вечером я их пересчитаю.

Кара мотнул головой и вприпрыжку помчался по улице.

Председатель сел на коня.

Возле кузницы остановился.

– Оей! Боргой Оргоевич!

Прокопченный, заросший бородой, с молотком в руке, Боргой вышел из своей берлоги. Лошадь председателя фыркнула и в испуге подалась назад. Сакар Угарыч едва не вылетел из седла. Удержавшись, он снова повернул к кузнице, но лошадь уросила, не шла. Пришлось спрыгнуть на землю.

– Конные грабли починил?

– Дьох, – вздохнул кузнец. – В два дня не знаю, успею или нет... Постарел я. Трудно стало. Жара!..

– Долго – два дня, Боргой Оргоевич.

– Откуда у меня теперь силы? – Боргой вытер фартуком измазанное сажей, покрытое крупными каплями пота лицо.

– Держись! Ты вон еще какой – кони тебя бояться! Могу тебе в помощь Курачи послать. Идет?

– Если еще привезут сломанную машину – побью! – кузнец потряс молотком. Лошадь шарахнулась.

– Так будут завтра готовы грабли, если помощника пришлю?

– Дьох! Неужели думаешь, председатель, я в такой день буду сложа руки сидеть!.. Поезжай-ка. Мне работать надо. А помощника к тем поставь, кто машины ломает!

Кузнец развел руками и скрылся в «берлоге».

Знал Сакар Угарыч, чем недоволен старик. Позавчера Каракай сломал грабли, бросил их и отправился на рыбалку. Конечно, кузнец рассердился. «Надо собрание провести», – подумал председатель.

Завернул по пути в телятник. Арина развешивала на кольях вычищенные до блеска фляги и ведра – помогала дояркам.

– Чего за сыном не смотришь? – не поздоровавшись, спросил Сакар Угарыч. – Свиней в огороде у Кабайчихи пасет... И поговорить он у тебя любит – за словом в карман не лезет.

– Что поделаешь, если у него весь род такой языкастый, – как ни в чем не бывало ответила Арина.

– При чем тут род? – не понял ее намека председатель.

– О Дыламаш я не говорю, а характер своей жены сами знаете, – насмешливо посмотрела на него Арина.

– А парнишку все-таки выпори, – не нашел что сказать Сакар Угарыч и повернул коня.

14

Осенью Кара идет в школу. А пока приходится пасти телят и свиней. С утра до вечера, с утра до вечера... Иногда вместе с ним и братишка Кула. Тогда веселее. А вот когда один, о многом успеваешь подумать, потому что одному и не поиграть, и не поговорить. Думай да думай. Можно долго-долго смотреть на горы. Каждая чем-то отличается, на что-то походит. Горы – как люди. Интересно, откуда они взялись – горы? А еще птицы. Кара узнавал по голосу любую. Но вот узнать бы, о чем они поют... Говорят, перепел кричит «пат-падым» – «пить-полоть». А что это – «пить-полоть»? Зачем перепелу пить, зачем полоть? О чем-то другом он поет. И талтар тоже. Вдруг как завопит сердито: «Тар! Тар-рт!» Кара всегда становилось грустно, когда он слышал тоскливую песню кукушки.

Бабушка Келемчи рассказывала ему сказку про кукушку.

...Раньше кукушка была красивой девушкой. Как-то ее братья ушли на охоту и не вернулись. Долго их не было. А девушка все ждала их и тосковала. Злая мачеха заставляла ее помногу работать и постоянно била.

Однажды мачеха вернулась в аил пьяная и бросилась бить девушку, а та обернулась птицей и вылетела в дымоход. «Ой, что ты делаешь!» – закричала мачеха и схватила падчерицу за правую ногу. В руке у нее остался башмак девушки. Вот почему у кукушки одна нога красная, а другая синяя.

Кружила-кружила девушка-кукушка по Алтаю в поисках братьев и прилетела к огромному столетнему кедру. У его корней нашла она истлевшие кости своих братьев и закричала, не в силах перенести горе:

– Как сёё! Как агаш! Ку-куук! Ку-куу!..

С тех пор и жалуется кукушка на свою судьбу.

Таких сказок Кара знал множество. Он слышал, что где-то в горах есть змеинное гнездо, а в нем – золотое яйцо. Кара облазил много гор поблизости от Дьяйлу, и змеиные гнезда находил, а вот золотого яйца не нашел.

Зимними вечерами к бабке Келемчи собирались старухи, и начинались рассказы о всяческих чудесах. О богатырях, побеждавших самих чертей и освобождавших из-под их власти алтайцев, о борьбе бога с нечистой силой.

Кара представлял по этим рассказам бога самым умным, самым сильным, самым высоким и добрым. Когда бабушки не было дома, Кара тайком, тихо шепча придуманную им самим молитву, крестился на ее русские иконы.

Как-то Чейнеш – и откуда взялась только! – вбежала в аил, когда Кара с жаром что-то доказывал богу. Глянула быстро и подозрительно.

– Нет бога! – засмеялась, – Хоть у учителя спроси! – Глупышом задразнила, еще и язык показала, противная!

Да что она знает, девчонка! Школьница! Подумаешь! Келемчи вон сколько прожила, не сосчитаешь даже. Про все знает.

«Бог может сделать все, что захочет», – так говорила Келемчи. Но он не обращает внимания ни на одну просьбу Кара. И чего сердится? Перед тем как есть, Кара отламывал кусочки и исподтишка подкладывал под иконы, чтобы задобрить бога. Кусочки исчезали. Значит, бог принимал угощение.

А вот нынче от старших ребят, которые учатся в школе, он опять услышал, что никакого бога вовсе нет. Им учителя говорили. Кто же прав?

Кара решил в последний раз попросить бога. Перед тем как отправляться на скотный двор за телятами, он разбросал перед иконами целую пригоршню крошек и, убегая, просил бога сделать к его возвращению все, что надо: послать ему белого коня и острую саблю.

Как долго тянулся для него этот день! Едва солнце пошло на закат, Кара пригнал телят с пастбища и скорее домой.

Бабушки не было. Мать с малышом на руках сидела на пороге избы. Кара осторожно, чтобы мать не заметила, прокрался с другой стороны и шмыгнул в аил. Глаза еще не привыкли к темноте. Он постоял немного и несмело шагнул к иконам, но в испуге отшатнулся. Прямо из-под ног к дымоходу вспорхнула стайка воробьев.

Кара уставился на бога и замер в ожидании. Гром не гремел. Белый конь с железными подковами не появлялся. Сабли тоже не было. Но не осталось перед иконами и хлебных крошек. Видно, нахальные воробьи подбирали пищу бога!

Вот когда Кара рассердился!

«Какой же это бог, если воробьи отбирают у него еду, а он даже с ними справиться не может! Значит, врет и бабка Келемчи и другие старики врут...»

Схватив большой нож, которым щепали лучины для очага, Кара подставил табурет и полез к иконам, стоявшим на полочке. Сердце у него отчаянно колотилось, а ноги почему-то дрожали. Что ни говори, а все-таки было немного боязно. Бог ведь...

С икон на него в упор смотрели круглые, как пуговицы, потускневшие от пыли и дыма глаза бога и его помощников – святых, как говорила Келемчи.

Кара вспомнил: когда Каракай вернулся из армии, он сжег у своей матери иконы. Ох и ругали его старики! А самому-то Каракаю ничего бог не сделал?

Крепко зажмурившись, Кара наугад ткнул в одну из икон.

«Сейчас меня молния убьет», – съежился он. А глаз так и не открыл...

Ничего страшного, однако, не произошло.

Чуть-чуть приоткрыв глаза, он покосился на бога. Тот по-прежнему бессмысленно таращил свои пуговицы. На соседней иконе белела глубокая борозда – след от ножа, как на обыкновенной доске.

Ну-уу! Нечего с ними церемониться!

На всякий случай Кара решил еще раз проверить главного бога. На шее у бога висела прогнившая веревочка, к которой был привязан позеленевший медный крестик. Кара сорвал эту веревочку с иконы и бросил в костер. И опять ничего не случилось. Тогда бог и его святые один за другим полетели с полочки. Три иконы уже успели сгореть, четвертая пылала, а пятую Кара держал в руках.

В это время на улице что-то загрохотало и стукнуло о стенку аила. Кара в страхе прыгнул на пол и, не выпуская иконы, выбежал на улицу.

– Ты чего так носишься? Какой черт тебя укусил? – послышался голос бабушки. Она стояла на горе и скатывала оттуда к аилу чурки на дрова.

Кара шагнул обратно в аил, сунул последнюю икону в костер, выскочил на улицу и крикнул:

– Я играю! Что мне – поиграть нельзя?

Возмездие пришло на следующее утро, но совсем не от бога.

Кара собрался уже бежать на скотный двор. Бабушка задержала его.

– Не спеши, балам, – ласково сказала она. – Сейчас я тебе теертпек испеку. На дворе прохладно, можно телят и попозже выгнать. Не спеши. В золе быстро печется.

Задерживаться не входило в расчеты Кара. Ему надо было удрать из дому раньше, чем Келемчи начнет молиться богу. Но и убежать теперь было не так-то просто.

«Может, в темноте и не разберет, не заметит...» – успокоил он себя и стал ждать, когда испечется лепешка.

Вдруг бабушка, разгребая костер палкой, чтобы собрать в кучу горячую золу, спросила:

– Ы-ы, что это за пуговицы в костре?

– Не знаю, – быстро ответил Кара, хотя Келемчи все и не спрашивала. Он принялся разыскивать свой конопляный бич, продвигаясь поближе к выходу из аила. – Нельзя так долго держать за пряслом телят. Председатель ругаться будет. Стыдно ведь! – А сам поглядывал то на бабуку, то на дверь.

– Постой, постой, шайтан! – всполошилась Келемчи. – Постой, говорю, не уходи никуда!

Кому-кому, а бабушке было хорошо известно, что Кара, напрокудив что-нибудь, стремился улизнуть. По всему было видно, что он в чем-то виноват, и Келемчи на всякий случай отрезала ему путь к отступлению.

– Кайракаан! – всплеснула она руками. – Уж не гладили это русского бога?

Разглядывая на ладони оплывшие пуговицы-глаза и еще не веря этому, Келемчи причитала:

– Алтай-канлай, агаш-таш!.. А куда же подевались со своего места боги?

– Что я их – караулил, что ли? – сердито огрызнулся Кара. Он понимал, что дело плохо, и от растерянности не мог сообразить, как же спастись от наказания. Не очень

уверенно повторил: – Телята до сих пор в загоне... Даже стыдно...

– Стыдно? – разъярилась бабушка. – Тебе стыдно? Ох, горе мне! Что же теперь делать? Надо, однако, старых людей позвать, у них спросить...

Чтобы Кара не убежал, Келемчи приперла дверь аила и с горестными воплями устремила к соседям.

«Драть будут», – не выходило из головы Кара. Скрыться он уже не мог. Только через дымоход можно выбраться из аила. А как? И высоко, и узко... Ничего не придумав, полез под лежанку. Маленький Кула, ничего не понимавший, подумал, что брат играет, и полез вместе с ним.

Загремела дверь, послышался кашель, стук костылей и причитания.

– Где этот бес? – бабушка явно не собиралась шутить.

– Баба, мы здесь спрятались! – обрадованно запищал Кула и, весь перепачканный, вылез из убежища.

Келемчи, взяв длинную суковатую палку, нагнулась.

– Вылезешь оттуда или нет?

Кара молчал.

Пошарив под лежанкой палкой, Келемчи опустила на колени и сумела-таки схватить Кара за ногу, вытащила его.

На ширдеке у очага сидел самый старый человек в Дьяйлу – Королдой. Он покачал белой бородежкой и спросил:

– Арака есть? Надо поднимать оставшихся богов.

Пришли еще два старика – Солоной и Дьякшимай.

Следом за ними явилась бабка Солунчи. Все расселись вокруг Королдоя.

Келемчи с помощью Дьякшимая привязала Кара к столбу и поставила на таган чайник – подогреть араку.

Маленький Кула только теперь, кажется, понял, что братишка вовсе и не играл с ним, что не надо было говорить бабушке, где они спрятались. Он уже готов был заплакать, но, видя, что Кара даже на привязи не ревет, только поджал губы.

Пока бабушка доставала откуда-то алтайских деревянных божков – тосов – и расставляла их вокруг костра, Королдой, сняв шапку, положил ее перед собой, а на нее поставил деревянный чочой с аракой. С трудом поднялся, повис на костылях, взял из рук Келемчи деревянную ложку и стал брызгать аракой на богов, благословляя их.

– Каныкпазан, кайрака-аан!.. – поползли слова из его беззубого рта.

Старики, шепелявя, повторяли за ним:

– Кайрака-аан!..

А бабки стрекотали:

– Какие дети пошли! Плюют на богов!

– Все теперь ученые стали!..

– Разве такие дети раньше были!

До сих пор Кара держался относительно спокойно. Ему пока ничто не угрожало. Но вот Королдой кончил кропить богов и протянул костлявую, скрюченную руку, обращаясь к Келемчи:

– Дай-ка мне тот пояс...

Ремень взлетел в воздух и со свистом опустился на спину Кара. Мальчик вскрикнул и рванулся. Ремень ударил еще раз, еще!

– Нет бога! Нет бога! – кричал Кара.

Дряхлый Королдой – откуда только и сила у него появилась! – с остервенением хлестал ремнем.

– Хватит! – пожалела мальчишку Келемчи. – Он по глупости...

– Нет бога! – что есть мочи орал Кара.

Его вопли еще пуще озлили Королдоя. Он с такой силой вытянул ремнем строптивного Кара, что тот замолчал и бессильно повис на веревке. Все поплыло перед ним: и аил, и Королдой... Только оловянные пуговичные глаза становились все больше и больше, сверлили его.

Келемчи оттолкнула Королдоя, отвязала Кара и положила его на лежанку.

– Вставай, Кара. Скорее вставай! Оставшихся богов надо в чистые алтайские горы нести... Слышишь, Кара. Кому говорю? Всю ночь спишь – не выспишься! Поднимайся! Ты русские иконы жег, тебе и прощения у неба просить. Да встанешь ты или нет!

Мальчонка, хоть и не совсем проснулся, понял, в чем дело, и не перечил бабушке.

Келемчи достала из кожаного капа белую материю, отрезала кусок, быстро сметала мешок, сложила в него тосов-божков.

– Добрых богов не вешают на лиственницу, ель и кедр, – наставляла она Кара. – Повесишь на молодую березу. Понял, балам?

– А как их подвешивать? – спросил Кара, косясь на мешок с богами, переложенными из ржавого ведра.

Келемчи приделала к мешку петлю.

– Взойдешь на самый верх Кара-Таш. Где люди ходят, там не вешай. Вешай там, где не ступала нога ни скотины, ни человека. Слышишь? Тебе говорю! Что это ты выгибаешься?

Кара корчил рожи.

– Я? Ничего... Просто так: я слушаю.

– То-то, – смягчилась Келемчи. Она завернула в тряпку кусок лепешки и несколько печеных картошек.

Подумав, добавила два небольших куска курута. Бережно подала мешок с богами.

– Иди прямо. Ни с кем не разговаривай. Аймачным и приедем на глаза не попадайся. Если кто спросит, скажи, что отруби свиньям несешь. Все понял? Никто не должен знать, куда и зачем идешь...

Кара перебросил мешок за спину, сунул под рубашку сверток с едой и, разгребая босыми ногами пыль, не спеша отправился в путь.

Если бы он обернулся, то увидел, что у аила рядом с Келемчи стоят Королдой с Дьякшимаем. Они с удовлетворением качали головами, провожая взглядом мальчика, который шел по дороге вдоль речки. Когда белый мешок, особенно заметный среди зелени, скрылся за поворотом, Келемчи облегченно вздохнула, но тут же встревожилась:

– Чего доброго, не сжег бы их по дороге!..

– Спички у него есть?

– Не-ет, – неуверенно протянула Келемчи.

Кабайчиха, тоже подошедшая к старикам, спросила:

– А где свиньи этого шайтана?

Кара, между тем, лениво шагал по берегу. Жаркое солнце жгло затылок. Накалившиеся камни шпарили босые ступни. Идти было далеко. Он оглянулся. Урочище скрылось из виду. Задрал голову к небу и зажмурился – солнце било прямо в глаза. Перевел взгляд на Кара-Таш. Подумал и сел. Поставил рядом с собой мешок, достал теертпек и пару картошек, поел. Пошвырял камешки в воду, попробовал половить руками мальков, пригревшихся на солнце у самого берега.

Подложил мешок под голову и улегся на траву. В голубом небе лениво парил коршун. Кузнечики стрекотали так звонко, что казалось, они собрались сюда со всего Алтая на свой той. Стало совсем жарко, и зной разморил Кара.

...Тропе на вершину Кара-Таш не было конца... Она петляла между деревьями, высокими-высокими, так что вершины их, смыкаясь, закрывали небо. Откуда-то сверху, будто сквозь дымоход аила, пробивались узкие лучики света. Только они освещали тропу. Хитрые лучики! Они как бы вели за собой, все время убегая вперед. И надо было спешить за ними, чтобы не остаться в темном лесу. А идти становилось все труднее и труднее. Мешок оттянул спину. Кара измучился, вспотел. Ему сильно хотелось пить, а поблизости ни единого родничка... Хоть бы немножко передохнуть! Нельзя – лучики бегут быстро, и страшно отстать от них.

Кара уже подумал, что совсем и не обязательно забираться на самую вершину горы. Вот увидит сейчас березу, повесит на нее проклятый мешок и побежит вниз, домой, к речке, к телятам... Но сколько он ни вглядывался, кругом были только лиственницы, сосны, пихты, кедры, ели... Хоть бы одна березка, совсем маленькая!..

Он почти бежал и совсем выбивался из сил, а лес еще больше темнел, и свет впереди стал удаляться от него быстрее. Во рту пересохло. Ноги, всегда босые ноги Кара, на которых уже образовалась толстая подошва, так что он топал ими и по острым камням, и по колючей стерне, натыкались на шишки, на торчащие из земли корни и горели так, словно ступни жарили на костре.

И вдруг посветлело, повеяло освежающим ветерком. Лес расступился. В стороне от тропы – шагах в двадцати – на просторной поляне стояла белоствольная береза, и ветки, зеленые-зеленые, свисали совсем низко.

Как обрадовался Кара! Он сбежал с тропинки и поспешил к березе, но не смог не остановиться у веселого родничка, выбегавшего из-под камней. Сбросил мешок, припал

к воде и пил, пил, пил... С каждым глотком у него прибавлялось силы. И ноги уже не болели.

Утолив жажду, Кара встал, потянулся за мешком... Но что это? Мешка не было!..

И сразу стало совсем темно. А из-за деревьев на Кара скалили зубы страшные черти. Глаза у них, как большие оловянные пуговицы, неярко светились и со всех сторон были устремлены прямо на Кара.

– Это ты сжег богов? Ты?! Ты?! – загремел чей-то голос. – Кайракаан! Дай-ка мне тот пояс... У-у-ууу!

– Бабушка! – закричал что было мочи Кара.

Ослепительный свет ударил ему в глаза. В голубом небе лениво парил коршун. В траве стрекотали кузнечики. Он повернул голову. Рядом с ним стояла корова и тянула: «Му-у-уу!» И по дороге шли коровы. И тоже мычали.

Кара сел, пошарил за спиной. Мешок был на месте.

– Ба-таа, – протянул он. – Заснул!

Корова потянулась к мешку. Он вскочил и хлопнул ее по добродушной морде.

Ворту действительно пересохло. Кара с наслаждением тянул холодную воду. Вспомнил, что у него еще остались в запасе картошка и курут, в два счета разделался с едой. После этого подхватил мешок и зашагал по дороге. Прошел, однако, недалеко. Остановился, совсем как взрослый, сплюнул и проворчал:

– Надоели мне эти боги!

Прицепил мешок к прибрежному тальнику, похлопал по нему ладошкой.

– Тальник не хуже березы. Тоже дерево...

Теперь можно было возвращаться домой.

Чтобы избежать расспросов бабушки, он даже не стал ужинать. Прикинулся, будто очень устал, прошел в избу и улегся на вылезшей шкуре курана.

Бабка Келемчи пыталась было узнать, как пристроены ее боги, но Арина не разрешила ей трогать Кара. И без того мальчишке за последние дни столько досталось. Не уследила мать – и вот что получилось. А когда ей побыть с детьми? Бедный Кара, целыми днями пастушит, даже поиграть с другими ребятишками некогда. Была бы Арина дома, разве позволила бы так расправиться с ребенком? Плохо, конечно, он сделал, что сжег иконы. Но бабка тоже хороша... И сегодня – послала его в горы. Целый день один в лесу пробыл. Смелый какой! Не побоялся... Пусть отдохнет.

Утром она осторожно разбудила его, чтобы послать, как обычно, на скотный двор, и опять пожалела.

– Ладно, – сказала, – спи! Я сама...

А Кара уже и спать не хочет. Но раз никуда не посылают, почему не поваляться.

Не суждено было ему, однако, воспользоваться предоставленным отдыхом.

Накопав картошки, Келемчи отправилась к речке мыть ее. Но только успела она, гремя ведрами, пройти к берегу, как оттуда послышался вопль.

– Что случилось?! – в тон ей закричала Солунчи, доившая корову.

– Боги мои! – вопила бабушка. – Не будет теперь конца бедам!

Кара как ветром сдуло. Он приоткрыл двери и выглянул. Бабушка поднималась к дому, держа в одной руке ведро с картошкой, а в другой – белый разбухший мешок, с которого сбегала вода.

Ну кто мог подумать, что эти окаянные боги сорвутся с тальника! Ну почему так не везет? И надо же было мешку приплыть обязательно сюда. Другого места на всей реке не нашлось!

Кара шмыгнул на улицу.

– Стой, шайтан! Стой! – закричала Келемчи.

Солунчи от своего пригона тоже подала голос:

– Держи его, Дьемжай!

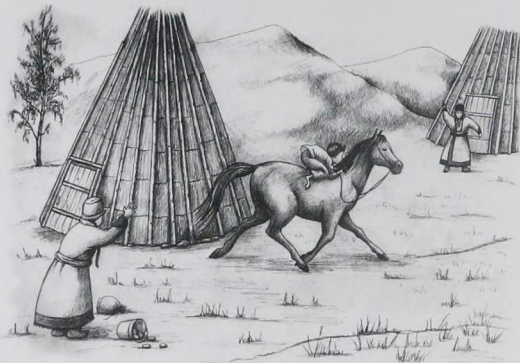
Бабка бросила и мешок и ведро, погналась за удиравшим во всю прыть Кара.

– Остановишься ты или нет? Где мой прут! Помогите поймать этого мальчишку, люди-и!

Кара метнулся к привязанной к пряслу лошади, отвязал ее и, навалившись животом, взобрался на седло. Еще не успел он подобрать веревку, как совсем рядом раздалось:

– Стой, шайтан!

Лошадь уросила, поднималась на дыбы, но Кара ухватился за холку, и она понесла. Прильнув к спине лошади, он мчался по дороге, а вслед ему неслись крики бабки Келемчи.

– Тише надо ездить! Тише! Не гоните лошадей в такую жару! Они ведь тоже живые! – шпынял Каракай мальчишек-копновозов.

Грабли, сломанные Каракаем, еще не вернулись от кузнеца Боргоя, и пришлось машинисту Каракаю стать стогометчиком. А желания целый день ворочать вилами у него не было. Как же тут не сердиться на мальчишек? Куда торопятся? Зачем лошадей мучают – чуть не вскачь в оба конца? С ними и не отдохнешь...

Так хорошо было лежать на свежескошенной траве!

Каракай зевнул раз, другой!.. Заставил себя еще раз зевнуть, нехотя поднялся, постоял и направился искать вилы – всегда они куда-то пропадали! К сожалению, нашел их очень быстро, почти рядом с тем местом, где лежал. Вилы были те же самые, которыми он работал с утра, но не лишне проверить, крепкие ли у них зубья... Вилы оказались вполне надежными. Каракай вздохнул и собрался было поддеть ими сено, но тут подъехал полуголый мальчишка с еще одной волокушей.

– Совсем работать не хочется, – сказал Каракай. – Про тебя в стенгазете пишут, и ты же работай!..

Мальчишка гикнул и поскакал за новой копешкой.

Лениво бросив несколько навильников, Каракай посмотрел на синее безоблачное небо и улегся в тени. Повернулся на бок и сказал старику Саламчи, стоявшему на стогу:

– Когда же у нас будет электричество? Когда оно само будет метать стога?

– Ай-яй! – удивился Саламчи. – Неужели элестричество может ставить сено?

– А что особенного? Техника! – Каракай подгрел под бок охапку сена. – Ты, старик, не кури на стогу – сожжешь!

Сколько труда, а сгорит от одной искры... Электричество – оно везде. Посмотри на небо. Там тоже электричество...

– Где элестричество? – Саламчи сплюнул и задрал к небу бороденку.

– Ты меня послушай, старик, – Каракай ткнул себе пальцем в грудь и улегся поудобнее, – когда я дрался с самураями...

– Трррр! – мальчишка испуганно остановил лошадь в двух шагах от лежащего Каракай. Тот даже головы не повернул.

– А что это за люди? – заинтересовался Саламчи.

– Оо, страшные люди, старик. Скажут «карыл-марыл» – и штык в животе!

Каракай принимается вдохновенно врать. Даже вилы в руки взял, чтобы показать, как самураи «карыл-марыл» делают. Вокруг собрались копновозы, слушают, удивляются.

– Скорее-еей! – кричат женщины с другого конца луга. Мальчишки вскакивают на лошадей, понуждают их прутьями.

Каракай нехотя поднимается и передразнивает:

– Скорее-еей!.. Старик, – спрашивает он у Саламчи, – правда, к нашему стаду черная овца приبلудилась? Правда?

– Правда, наверно. Ее обдирают уже. Свою-то не стали бы резать. – Старик неожиданно фыркает. – Каракай, мне что-то в глаз попало.

Саламчи съезжает со стога и натывается на прислоненные Каракаем вилы. К счастью, не сильно.

– Калак-кокый! – орет он. – Зачем ты меня ткнул?

– Ты сам напоролся. Давай глаз тебе посмотрию.

Подвернув покрасневшее веко, Каракай разглядывает глаз.

– Соринка! Вот она... Вниз смотри, старик, вниз! Вверх! Еще вниз!.. Не моргай. Смотри туда, где овцу обдирают. Стой, стой... Сейчас я ее поймаю... А-а! Не ловится никак. Ну, ничего, потерпишь. Скоро уже обед.

– Что же это у вас работа не движется? – к стогу подъехал Марал. – Люди уже по два стога отгрохали, а вы до сих пор с копешками возитесь. Как вас после этого называть?

– Говорить легко! – огрызнулся Каракай.

Всегда спокойный и невозмутимый, Марал вспылil:

– Давай сюда вилы!

Он спрыгнул с коня, сорвал с себя рубаху, схватил вилы и, словно играя, начал швырять сено на стог чуть не целыми копнами.

Каракай стал на место Саламчи: старик охал, держась за глаз. Тут уж – некуда деваться! – пришлось принимать взятый Маралом темп. Каракай то зарывался сеном, то, ожесточась, сам начинал перебрасывать так, что Марал не поспевал за ним. Оба покраснелись.

В Марала точно бес вселился. Рыча от натуги, он втыкал вилы в сухое сено, поддевал целые вороха и швырял в Каракаю.

– Говорить легко? Говорить легко?!

Копновозы едва успевали за ними. Но мальчишкам это нравилось, и они не жалели лошадей.

– Вилы! – закричал Марал, – Черт! Дайте другие вилы! Не видите – сломались.

Ему протянули другие вилы, и в Каракаю, так и не получившего передышки, снова полетели копны сена.

Быстро довершив зарод, Марал распорядился:

– Начинаем второй!

Но... подошло время обеда.

Мальчишки распрягли лошадей и умчались на стан, откуда слышался крик поварихи, сзывающей народ.

Утирая пот, Каракай тоже поплелся на стан. Хотя он и устал, но ленивую одурь с него будто ветром сдуло. И Каракай шел, довольный собой. Как-никак все видели, что он, когда захочет, может работать не хуже Марала.

– Не отставай, старик! – с прежней самоуверенностью, покровительственно крикнул он тянущемуся сзади Саламчи.

На стане весело бренчали чашками и ложками. Под ногами в надежде на подачки путались собаки.

Повариха подзывала к котлу:

– У кого чашка пустая – еще добавлю!

Кёчё с мясом (черную овцу, оказалось, прислал председатель, чтобы получше накормить колхозников) быстро убывало.

Сакар Угарыч любил произносить речи во время обеда. Удобно! И собирать людей не надо, и никто не разойдется.

– Друзья! – поднялся председатель, облизав ложку. – Давайте проведем маленькое собрание. Дыртай! Подожди разговаривать!.. Если сравнить нашу работу по вчерашней сводке, товарищи, то работа у нас, прямо скажем, незавидная. По плану нам надо заготовить семнадцать тысяч центнеров сена. Семнадцать тысяч, товарищи! А сколько мы поставили, а? Знаете, сколько мы поставили? – Сакар Угарыч принялся рыться в бумагах. – Мы поставили сена, товарищи... Вот, всего шесть тысяч мы поставили на вчерашний день. Сегодня, конечно, прибавилось. Но вот вы мне скажите, пойдем ли мы вперед, если не заготовим сено? Вот ты мне скажи, Дыртай. Тебе очень хочется говорить. Ты и скажи.

Дыртай тянулся, чтобы ударить палкой собаку, стащившую у него кость с добрым куском мяса, и ругал ее на чем свет стоит.

– Я тебя спрашиваю, Дыртай! – повысил голос председатель.

Так и не достав палкой собаку, Дыртай вскочил.

– Я тоже думаю, что без сена нам будет плохо.

– Ну, вот видите! – Сакар Угарыч с удовлетворением принялся хлебать остывший суп. – Кто еще скажет?

Почти все уже покончили с кёчё и пили чай. Кое-кто успел запалить трубочку.

Теперь можно было и поговорить, уважить председателя.

– Дай-ка я скажу, – прокашливаясь, начал машинист Кабар из первого звена и обвел колхозников хитрым взглядом. – Жил в старое время один человек. Была у него одна-единственная кобыла, да и та уросливая. Когда она пятилась, он кричал: «Я виноват или кобыла?» Вот я и думаю, что дело не в кобыле, а в нас самих. Хорошо в тени лежать, хорошо языки чесать, а чем скот будем кормить? А? Всего у нас хватает, а работы настоящей не получается. Возьмем Каракая. То грабли ломает, то рыбу ловит, то пузо греет на солнце...

Сзади весело крикнули:

– Ты к Каракаю не прискребайся, Кабар. Он сегодня за один час стог поставил!

Все захохотали. Каракай вскочил, замахал руками.

– Каракай говорить хочет! Дадим ему слово?

– Пусть врет! После обеда можно немножко вранья послушать.

Каракай нахмурился, посмотрел на ребяташек, перебрасывающихся шишками.

– Тихо, ребята. Тихо. Я сейчас речь скажу. В чем причина наших недостатков? – почти шепотом спросил Каракай, – В чем причина, люди? Ну вот ты, Саламчи, как считаешь? В чем?

Саламчи пожал плечами, растерянно оглянулся по сторонам.

Голос Каракай неожиданно загремел:

– Никто из выступавших не обратил внимания на культурный вопрос. Вам, конечно, известно, что раньше у алтайского народа была низкая культура. Баи, купцы, зайсаны эксплуатировали наш народ, не давали ему света. А теперь? – Каракай вытянул руку и торжественно произнес: – А теперь культура сделала большой шаг. Но до нашей бригады не дошла. А кто виноват? Почему до сих пор в бригаде нет хорошей гармонии? Саламчи, что ты сможешь сказать на этот счет, старина?

Саламчи сплюнул сквозь зубы и охотно отозвался:

– Для работы гармонь, конечно, нужна, – Он протянул поварихе чашку: – Налей-ка немножко чаю, да покрепче.

Напрасно Сакар Угарыч призывал всех к порядку. Напрасно предлагал обсудить положение с заготовкой сена. Каракай сделал свое дело – развеселил народ и сорвал собрание.

Гармонь ему, видите ли, нужна! Болтун несчастный!

Долго бы, наверное, веселились колхозники, если бы не раздался, перекрывая людской шум и гвалт, сильный удар грома. С запада наплывали черные тучи.

Тут уж никого не надо было звать – все бросились в поле, чтобы успеть до дождя застоговать оставшееся сено. Мальчишки с гиканьем понужали лошадей.

Зашумели ели. Березы склонились чуть не до самой земли. Порывы ветра гнали пучки сухого сена.

Рассыпавшиеся по широкому лугу люди напоминали встревоженных пчел, вылетевших из ульев. Было ясно, что дождь опередит. Тучи, все более сгущаясь, сплошь затянули небо. Вдали они, казалось, опустились на землю – это сплошной стеной надвигался ливень.

Люди бросились прятаться под стогами. Кое-кто побежал в кусты. Марал и еще трое или четверо мужчин топорливо завершали стог.

С треском и грохотом молния ударила в огромную лиственницу. Пламя охватило дерево от вершины до корня. Пылавшее ярким факелом, оно бы сгорело дотла, но струи дождя, хлынувшие на луг, быстро сбили огонь.

Поле опустело. Только лошади, словно воткнутые в землю, темнели поодаль от стогов. Дождь полосовал их, но они не двигались с места. А мальчишки, забравшиеся им под брюхо, радостно перекликались, мокрые с головы до ног.

И хотя ливень безжалостно портил с таким трудом заготовленное сено, люди не унывали. Так давно не было дождя, что ему даже обрадовались.

Опять начались шутки. Кто-то вспоминал, как перед обедом отличился Каракай:

– За час дневную норму выполнил! Вот это работник.

Только озабоченный Марал, выжимая рубаху, смотрел, как набухают от воды валки сена, прикидывал, сколько придется потратить времени, чтобы переворошить, высушить его...

– Зарядит на целую неделю – совсем будет плохо...

Сакар Угарыч успокоил его:

– Если не перестанет, будем косить под дождем. Силос закладывать можно. Домой никто не пойдет.

– Смотрите, смотрите! – закричали мальчишки, – Кто-то сюда скачет.

По краю поля, будто распутив крылья, мчался всадник. Он хлестал коня, перепрыгивая через ямы и канавы, не обращая внимания на проливной дождь.

– Чего это он?

– Наверно, табун потерял...

Всадник приближался. Уже можно было различить, что это молодой парень, что он без шапки, что насквозь промок... Вот он совсем близко, мчится, не разбирая дороги, прямо по лужам, к стогам, под которыми спрятались люди.

Парень подлетел к стогу, осадил коня.

– Товарищи! Война!.. Война с Германией! Вчера по радио объявили... – Парню не хватало воздуха: – К таратынским пастухам от вас проеду?

Не дослушав ответа, парень хлестнул коня и через минуту скрылся в густой пелене дождя.

Никто уже не прятался от ливня. Все сгрудились посреди луга.

Кто-то переспросил:

– Значит, война началась?

– Война... – чужим голосом ответил Сакар Угарыч.

16

...Приехал уполномоченный военкомата. Целый день он оформлял документы о призыве в армию, вручал повестки, напоминал о сроке явки. К вечеру отправился обратно.

В числе первых покидали Дьяйлу Кабар, Сакар Угарыч, Марал.

Провожали их всей деревней. Собрались у председателя. Выпили, конечно. Женщины принялись плакать.

– Плачь не плачь, ничего не переменится, – успокаивал Сакар Угарыч. – На войну идем... Неизвестно, вер-

---

немся или нет. Пусть оставшиеся помнят, что они тоже на войне. Не жалейте сил.

Речь председателя никого не утешила. Плач и крики провожающих стали еще сильнее.

Подвыпивший Кабар пристал к кузнецу Боргою:

– Боргой Оргоевич! Дорогой Боргой Оргоевич! Ты самый знаменитый мастер! Сделай мне богатырский кылыш, я им отсеку Гитлеру голову! Сделай – что тебе стоит?..

Все уж давно вышли на улицу, толпились возле подвод, но никак не могли распрощаться с отъезжающими.

Наконец тронулись. Не проехали и ста метров, как Марал закричал:

– Стойте! Тр-р-рр!.. Стойте!

Лошади остановились.

– Подождите, люди! – кричал Марал, – Я с дядей не попрощался... Подождите! Где мой дядя? Позовите его. Почему его нет? Где ты?

Из толпы, нахмурившись, вышел Курачи, шагнул к подводе. Марал, перевесившись из брички, стонал:

– Дядя... Где ты, дядя?

– Вот он, вот, – трясли его парни, – Прощайся скорей. Вот он перед тобой стоит.

– Это ты, дядя? – Марал поднял голову, но взгляд его блуждал по толпе. – А-а, дядя! Я иду воевать... А ты почему остаешься? А? Не хочешь? Да?

– Трогайте! – махнул рукой Курачи. – Не видите, пьяный он... Как бы из телеги не выпал... Придерживайте...

– Кто? Я? – возмутился Марал. – Я выпаду? Я с вершины Менкулека не упал, жив остался. Меня даже кержаки...

– Трогайте, трогайте! – заторопил Курачи.

– Ты слышишь, дядя? Я теперь ничего не боюсь! И на войне меня не убьют. Я все равно не умру!

– Не умирай, не умирай, – успокаивал его Курачи. – Возвращайся живой.

Марал оттолкнул его руку.

– Нет, дядя!.. Если я вернусь назад... Я другой дорогой вернусь! Слышишь? Другой дорогой...

Курачи побагровел. Надо было как-то унять Марала. Еще чего доброго сболтнет лишнее. И так уже сказал... Хорошо, другие не понимают!

– Только возвращайся, – замурлыкал Курачи. – Все равно, какой дорогой. Трогайте, ребята! Поддержите его, а то верно выпадет...

– До свиданья!

– Счастливо оставаться!

– Дьяйлу! Дорогой Алтай! Земляки! Прощайте!..

– Живы будем – вернемся!

– Дядя, ты меня слышишь? Только другой...

Плакали женщины, дети.

Арина стояла позади всех. Тоже плакала. Тоже кричала:

– До свидания! Возвращайтесь домой!

...Через неделю провожали дьяйлинских пастухов.

На этот раз все было спокойнее. Сами пастухи, люди сдержанные, молчаливые, с лицами, коричневыми от загара, держались степенно, с достоинством. Они, как ягнят, отнимали от себя виснувших на их шеи жен и ребятишек, успокаивали их:

– Не всех на войне убивают!

– Зачем раньше времени нас хоронить?

– Поехали.

Звенели удила, фыркали лошади.

Удаляясь из Дьяйлу, звучала песня:

Уходим на войну с немцами...
Кто-то из нас сложит голову.
На ковер Алтая, на его горы
Кто из нас живым вернется?
На войне, где льется кровь,
Сколько из нас сложат головы?
На Алтай родной
Кто из нас вернется?..

Долгие зимние ночи...

Темнеют заваленные снегом дома. Горят в окнах тусклым светом огни. И тишина вокруг. Еле-еле различишь деревню, проглядывающую сквозь метель и мрак.

Вьюга протяжно гудит по логам, с плачем бросается к дверям домов, стонет на стылой зимней дороге. Среди ночи в холодных сенях деревенской избы вдруг жалобно заскулит, завоет собака, тоскующая по своему хозяину. И, словно не выдержав этого воя, с оледеневшего неба срывается звезда и, рассыпаясь голубыми льдинками, скрывается за темными горами.

Гонит ветер снежную пыль, рвет с петель калитки, гремит по крышам, стонет в печных трубах, нагоняя на людей тоску, пугая их тревожными предчувствиями...

Сколько на свете таких деревень, занесенных снегом домов, завьюженных окон! И за каждым окном кого-то ждут. Вернется ли?..

17

Возле конторы колхоза в Каменке остановилась полуторка. Из кабины выскочил смуглый мужчина в хромовых сапогах и черном кителе. Недолго помедлив, как бы раздумывая о чем-то, он бросил шоферу: «Я сейчас!» – и взбежал на крыльцо конторы. Перед дверью опять остановился и негромко постучал.

– Войдите! – отозвались на его стук.

В конторе были только кассирша и колхозная сторожиха». Они молча оглядели вошедшего.

– Здравствуйте! – негромко произнес он.

Сторожихе мужчина показался знакомым. Где-то видела она эти грустноватые черные глаза... И голос – чуть приглушенный, густой, мягкий – тоже как будто знаком...

– Из Дьяйлу, случайно, никого у вас нет? – спросил приезжий.

– Никого... – Кассирша почему-то стала торопливо прибирать бумаги со стола. – Вам кого надо?

– Карышеву. Арину Карышеву.

– Арину? – сторожиха теперь узнала его. Хотела что-то сказать, но приезжий протянул небольшой сверточек.

– Кто будет из Дьяйлу, передайте. Это ей, Арине.

Уже от двери вернулся:

– Пусть скажут, что я еду на фронт. Отправлять будут завтра. Из Бийска...

И вышел.

Слышно было, как заурчала машина. Сторожиха выбежала на крыльцо. Оставляя за собой полоску синего дымка, машина съезжала к мосту через речку.

Конечно, это был он! Сторожиха вспомнила даже, как его зовут: Одой. Какой стал... Постарел. Не забыл все-таки Арину... Надо сказать Евдокии – она все с Ариной дружила...

Кассирша пересчитала оставленные деньги.

– Тысяча...

– Ты их дьяйлинским не отдавай. – Сторожиха придумала, как лучше сделать. – Я к Евдокии сбегая.

Евдокия Ивановна обрадовалась случаю повидаться со старой подругой. А чтоб не зря такой конец делать, договорилась с председателем, что в Дьяйлу сена приторгует.

Наверное, помогут алтайцы. У них сенокосы богатые. Хотя сколько-нибудь продадут.

Свежевыпавший снег вспыхивал искорками на ярком солнце, слепил глаза. Лошадь бежала резво.

В конце деревни, прямо у дороги, сидела на чемодане девушка.

– Дьяйлу в этой стороне? – спросила она, поправляя платок, когда Евдокия Ивановна поравнялась с ней.

– Сюда, сюда.

– А далеко?

– Через один перевал.

– Ба-таа... Значит, сегодня не добраться...

– Почему не добраться? Ну-ка, давай сюда свой чемодан. И сама забирайся, – Евдокия Ивановна подвинулась к краю кошечки, – Я как раз туда еду.

Девушка не заставила себя уговаривать.

– Зачем в Дьяйлу-то?

– Учительницей буду там. Вместо Калтара Караевича. Знаете его?

– Как не знать! Давно тут живу – всех знаю. Калтар-то в армию ушел... А как звать тебя?

– Татьяна Товаровна. Алтайское имя – Тана.

– Ну вот и познакомились. А меня – тетя Дуся. Училась, поди?

– В городе. Там оставляли работать... А война началась, и вот сюда послали...

За разговором и дорога показалась недолгой. Перед закатом добрались до перевала. Тана с любопытством разглядывала незнакомые места. С вершины перевала распахнулись дали – уходящие в бесконечность гряды гор, просторные долины, подернутые голубой дымкой... Казалось, можно взмахнуть руками, как крыльями, и полететь.

Щеки у Таны покраснелись от морозца, глаза блестя.

– Если бы я была художником...

Евдокия Ивановна не слышала. Она думала о своем.

Где-то ее муж... Третий месяц ничего от него нет. Вот и у Арины Одоя на фронт берут. И чего люди воюют! Вон какая земля большая! Всем на ней места хватит.

Снег порозовел от закатного солнца. Тени стали длинными, резкими. Зимняя дорога с перевала спускалась некруто, и лошади легко было бежать под уклон. А рядом по нетоптаному снегу бежала еще одна лошадь – черная, с длинными-длинными ногами, которые то вытягивались, то становились совсем коротенькими. Тана смотрела на эту черную длинноногую лошадь, и ей было смешно.

Под вечер спустились в долину. Вьюга перемела здесь дорогу, и каурый то и дело врезался в сугробы, так что в Дьяйлу въехали, когда в домах уже зажглись огни. Ветер дул в лицо и наносил из деревни запах дыма. Евдокия Ивановна почувствовала, что сильно проголодалась.

Чтобы завезти Тану в сельсовет, пришлось сделать крюк. Пока достучались, пока нашли секретаря, пока разобрались, куда устроить молодую учительницу, прошло часа полтора. Евдокия Ивановна довезла девушку до избы, где ее определили ночевать, распрощалась с нею и только тогда направилась к Арине.

Конечно, Арина удивилась: сколько не виделись, и вдруг – на тебе! Обрадовалась тете Дусе, усадила ее греться, а сама побежала распрягать лошадь.

Ребятишки еще не спали. Сначала, увидев незнакомую русскую женщину, вошедшую в избу и долго снимавшую шубу, притихли и попрятались по углам. Когда мать радостно обнялась с нею, перебрались поодиночке на печь, но

все еще держались настороже. Чейнеш узнала тетю Дусю, однако постеснялась спуститься к ней.

Когда Арина, поставив лошадь в стойку и задав ей сена, вернулась в избу, тетя Дуся уже поладила с ребятишками. Сунула им на печь нехитрых гостинцев-постряпушек и ласково разговаривала с ними.

– Ба-таа, – совсем по-алтайски протянула Евдокия Ивановна. – Что ты с ними делать будешь, Арина? Сколько их у тебя!

– Отправлю на выставку! – пошутила Арина, – Сейчас я тебя угощать буду.

Евдокия Ивановна залюбовалась Ариной, как легко она сновала по избе, собирая на стол. «Совсем молодая! И не подумаешь, что у нее трудная жизнь... Одна четверых детей подняла!»

Поспела картошка, чай вскипел. Женщины уселись за стол. Арина уговорила тетю Дусю выпить чашку араки – с мороза. И сама опрокинула... А за чайком и разговор пошел – что да как.

Худенькая, с ладно прибранными косами, в чистеньком ситцевом платье, разрумянившаяся от выпитой араки, обрадованная встречей со старой подругой, Арина так и светилась. И жаль было расстраивать ее...

– Одея твоего видели у нас сегодня, – сказала все-таки тетя Дуся.

Лицо у Арины стало серьезным. Пальцы затеребили накинутый на плечи платок.

– Велел передать тебе: в армию берут. Завтра отправлять будут. Деньги оставил в конторе. Я привезла...

– На что мне деньги?

– Как на что? Детям пригодятся. Ты бери, бери... Конечно, страдала ты. Одна с детьми осталась, – вздохнула Евдокия Ивановна, – А сердца на него не держи. Война... То

ли вернется живой, то ли нет... Я его не видела, сторожика Матрена – помнишь, поди, – сказывала: грустный такой... И то – после войны люди по домам будут ворочаться, а он куда? Может, к тебе приедет. Как-никак двое-то его...

Арина вспыхнула, опустила глаза.

Нет, не могла она таиться перед подругой.

– Почему двое? Все Одоя...

– Ми-илая! – всплеснула руками тетя Дуся, – Да как же?

Уже давно спали на печи дети. В домах погасли огни. Утихли собаки во дворах. И ветер, уставший перегонять с места на место снежные сугробы, утихомирился.

Евдокия Ивановна, подперев голову руками, слушала, а Арина все рассказывала да рассказывала.

Впервые раскрывала она душу. И даже то, в чем себе не решалась порой признаться, поведала тете Дусе. Да, мало кто добрым словом отзовется о ней. Ну, работает лучше других. За это, верно, всегда хвалили и теперь хвалят. Да тут же и укорят. Как же – двух суразят нагуляла!.. Разве не больно, не обидно слышать это? Ведь у всех у них отец! Один отец – Одой... Но пусть и тетя Дуся поверит ей: хватит у нее сил все вынести. Пусть уж будет как будет. А Одоя она любит. Любит – и все!..

Выговорившись, Арина как-то сникла. Видно, нелегко так откровенно рассказывать о себе даже Евдокии Ивановне. И тетя Дуся, поняв ее, не стала докучать лишними расспросами.

– Ложись-ка отдыхать, гостья, – предложила Арина. – Устала с дороги. А я еще тут...

Постелив постель, Арина вышла на улицу, подбросила коню сена, вернулась в избу, тоже легла. Но сон не шел. Заглянула на печь. Дети спали, распинав ногами одеяло,

---

положив головенки один на другого. Осторожно, чтобы не разбудить, Арина взяла к себе маленького, разомлевшего на жаркой печи. Он прижался к ней, обхватил ручонкой шею.

И все равно не спалось.

Стараясь не думать об Одое, вспомнила, что в телятнике надо побелить клетки к приезду нового зоотехника... Старого-то на фронт отправили... На фронт... И Одой тоже на фронт. Как жить, если все в армию уйдут? И так в деревне одни старики остались.

В каждой семье пусто без мужчины, без хозяина... Значит, и Одой тоже... Вспомнил... Не мог просто так уехать. О чем он думает сейчас?

Нет, не уснуть. И не думать об Одое – не может.

Арина накинула шубейку, вышла в пригон. Корова, шумно вздохнув, будто сочувствуя Арине, посмотрела на нее и тихонько замычала, потом тряхнула головой с короткими кривыми рогами и потянулась к сену.

– Ба-таа, – прошептала Арина, погладив корову по большому животу. – Скоро, буренка, с теленочком будешь...

Корова повернула голову и лизнула ей руку шершавым языком.

– Ешь, ешь, буренка... Я тебе еще сенца добавлю. Нам с тобой надо ребятишек кормить...

Она долго еще стояла у калитки и думала, думала...

В ясном небе мерцали замерзшие звезды. Горы притихли, будто тоже задумались.

Неподалеку, кажется, в избе Сакара Угарыча, завыла собака. Арина вздрогнула, захлопнула калитку и торопливо вошла в дом. За печкой уныло строчил сверчок. Спать совсем не хотелось.

Зажгла лампу и прикрутила фитиль, чтобы огонь не разбудил Евдокию Ивановну. Достала начатую рукавицу, села вязать. Спицы не слушались пальцев, нитка путалась...

Ветер подхватил собачий вой и занял в трубе: «И-й-и! И-й-и!» Обозленный, отодрал доску на крыше и принялся хлопотать ею, противно посвистывая и хохоча.

Арина отложила вязанье – все равно ничего не получалось. Прислушалась. Поднималась метель. Ветер совсем осатанел. Подхватил что-то большое и гнал по улице с тархтением и стуком. Вот он отыскал щелку в окне, прорвался воровски в нее, дунул и погасил в лампе тоненький язычок света. Арине стало страшно. Она вскочила из-за стола, прижалась к стене.

– Тетя Дуся! Тетя Дуся! – Арина затормошила Евдокию Ивановну. – Проснись!.. Когда поезд уходит?

– А?.. Что? Какой поезд? Ты чего не спишь?

– Ехать надо! – задыхаясь, трясла ее Арина. – Ехать! Догнать!

Евдокия Ивановна зевнула, посмотрела в темное окно, натянула шубу.

– Как же ты его догонишь, Арина? Сегодня они едут.. Не застанешь уже. Спи!

– Поеду! – забежала Арина по избе. – Они не уедут. Я знаю, что не уедут!

– Раз знаешь, – все еще сквозь сон лениво отозвалась Евдокия Ивановна, – значит, и ладно. Ложись-ка. Утром вместе поедем. От нас на машине до Бийска доберешься...

Не слушая ее, Арина суетливо металась, что-то разыскивая, повторяла бессвязно:

– Сейчас соберусь. Сейчас, сейчас... До утра на тракт поспеть...

Наконец-то под руки попался небольшой холщовый мешок. Схватив его, кинулась открывать замок аила и никак не могла вставить ключ. Кое-как отперла. Сунула в мешок две бутылки топленого масла, несколько плиток курута.

Задумалась: что бы взять еще? Вдруг вспомнила – Одой любил пить сырые яйца. А где их сейчас найдешь – куры не несутся... Что бы еще? Что бы еще?..

Увидев Арину, вбежавшую в избу с мешком, Евдокия Ивановна окончательно проснулась.

– Неужели правда хочешь ехать?

– А как я усiju дома! Муж он мне. Я должна его увидеть.

– Постой, постой...

– Ты куда положила деньги?

– В шкафу, на тарелке лежат.

– Тетя Дуся, запрягай!

– Не могу я, Арина. До утра надо ждать. Мне еще вашего председателя найти.

– Зачем?

– Сена купить.

– Председатель тебе ни охапки не даст. Вот увидишь. Ладно, оставайся тогда. Я пешком пойду. Да... Скажешь ему, что я два дня на работе не буду. Нет, погоди. Вместе пойдем. Я с ним поговорю. Может, лучше будет.

Она разбудила Чейнеш, наказала ей, чтоб следила за детьми, стала одеваться. Евдокия Ивановна запрягла коня.

На место Сакара Угарыча нового председателя так и не прислали. Месяца два его замещал член правления Салаты, но и он ушел в армию. Поставили председателем Курачи. Тот не отказался, да и толку от него не много вышло. С утра он торчал в конторе, ни с кем не разговаривая. После обеда иногда появлялся в коровнике или в кошарах. Обычно сидел дома. И прежде-то Курачи не отличался добрым отношением к людям. А теперь и совсем волком смотрит.

Председатель колхоза – хозяин. А в урочище одни бабы да старики. С ними только время терять! Что делать –

сами знают. Накормили, напоили скот – и ладно. А уж что было в мыслях чернобородого Курачи – так это дьяйлинцам знать не полагалось...

Евдокия Ивановна снова принялась уговаривать Арину дожидаться утра.

– И так утро, – ответила Арина, – Смотри: уже печи топят.

И верно, Дьяйлу начинало оживать.

В контору было ехать бесполезно. Направились к Курачи домой.

Он еще спал и был очень недоволен, что его подняли с постели. Однако впустил в избу, прошел, шлепая босыми ногами, к столу, сел, нахмурил брови.

Арина сбивчиво объяснила ему, почему рано побеспокоили его, зачем ей нужно уехать, с какой просьбой приехала Евдокия Ивановна из русского колхоза.

– Есть у нас сено, – буркнул Курачи. – Только мы его для себя ставили. Не для других. Самим нужно. Скажите там, у себя, чтобы зря к нам не ездили.

Больше и разговаривать не стал.

– Ну, подружка, поехали! – Евдокия Ивановна усадила Арину в кошевку, подтолкнула ей шубу, сама устроилась поудобнее и тронула коня.

Ночная метель перемела дорогу. Лошадь вязла в сугробах. Тянулись еле-еле. Только к вечеру выехали на Чуйский тракт.

– Возвращайся, Арина. Все одно поздно уже, – советовала тетя Дуся. – У меня переночуешь – и домой. Зря будешь расстраиваться...

Арина подхватила мешок, прямо на дороге стала прощаться.

– Пойду, тетя Дуся. Машина догонит – сяду.

– Хоть погрейся маленько. Горяченького поешь, – упрасивала ее Евдокия Ивановна.

Арина была словно не в себе. Обняла подругу и торопливо зашагала по тракту.

Ее обогнало несколько груженных машин. Ни одна не остановилась. Промчалась колонна грузовиков с мобилизованными. Тоже мимо... Она шла, думая об одном: застать, увидеть...

– Тетка, ты что, рекорд ставишь? – вывел ее из задумчивости веселый молодой голос.

Сзади за нею потихоньку ехала полуторка. Из кабины высунулся голубоглазый парень в шапке, лихо надвинутой на кудрявый чуб.

– Лезь в кабину! Быстрее добежим! И я возле тебя погреюсь...

Парень, не умолкая, балагурил всю дорогу, и Арина понемногу начала успокаиваться. Она, конечно, рассказала шоферу, куда спешит, и тот беспечно сказал:

– Считай, что ты уже в Бийске! Сейчас заскочим в облвоенкомат, возьмем людей и по тракту сто верст часа за три. Я, тетка, последний рейс делаю. Вместе со своей подружкой, – он похлопал рукавицей по баранке, – поеду фрицев бить. Ехать так ехать, сказал попугай... Вперед, на запад! Понятно?

Часа через два они были возле облвоенкомата. Стены домов, заборы, даже телеграфные столбы – все пестрело плакатами. Занесенный снегом город был суров и неприветлив.

– Магазины открыты? – спросила она у шофера, когда они остановились.

– Тю-у! – протянул шофер. – Какие же магазины к ночи? Если голодная, так мы мигом сообразим! – Парень полез под сиденье.

– Нет, нет! Мне бы мужу купить что-нибудь. На фронт отправляют...

– Понятно. Тогда вот что. Крой на базар. Теперь там в ночь-полночь толкучка действует. Может, что и найдешь. А потом двигай сюда. Мешок оставь, никуда не денется.

Арина побежала к базару. «Вдруг уедет, не дожидется», – подгоняла ее одна мысль, одна забота.

На рынке и в самом деле было полно народу, несмотря на поздний час. Торговали кто чем. Тут же толпились пьяные парни, играли на гармошке, орали песни. В двух или трех киосках горел свет. И там торговали. Арина подошла к одному киоску, заглянула – промтовары.

– Нижнее белье есть? – робко спросила она.

Тонкошей продавец подмигнул.

– Есть. Вам по карточке?

– По карточке? – растерялась Арина.

– Можно и без карточки, – осклабился продавец, – С вас триста рубликов, и будьте здоровы!

До Арины и не дошло, что продавец заломил с нее неслыханную цену. Триста так триста. Она быстро отсчитала деньги, схватила покупку.

– Могу предложить маечку, – вытянул шею продавец.
– Недорого... Бери, пока есть. Потом не найдешь.

– Ничего не надо! – Арина уже бежала обратно.

Возле военкомата собралось много народу. Во дворе строились призывники. Там же стояла колонна машин.

Арина поднималась на цыпочки, вытягивала голову, старалась разглядеть полуторку, на которой приехала, но ее оттирали. Кругом ни одного знакомого лица. И шофера не видать... Арина забеспокоилась. Вдруг за оградой грянул духовой оркестр.

Люди, толпившиеся у ворот, расступились. Со двора выехали одна за другой три грузовых машины с мобили-

---

зованными, и народ обступил их. Арина кидалась от машины к машине – не те... Она попыталась пройти в ворота. Часовой не пустил ее.

От бессонницы, усталости, грохота оркестра у нее закружилась голова. Она прислонилась к забору, закрыла глаза.

– Эй, попутчица! – закричал знакомый голос. – Боевая подруга! Отзовись!

Чубатый шофер стоял на подножке полуторки и вглядывался в толпу. В кузове было полно людей.

Арина подбежала к машине.

– Здесь я!

– Давай в кабину!

– Хоть бы тут бабы не путались, – проворчал из кузова парень в козлиной шапке. – Сидела бы дома!

Шофер захлопнул дверцу, нажал на стартер. Остывший на морозе мотор не заводился.

– А ну, братцы-новобранцы, кто раскопечегарит? – шофер протянул в кузов заводную ручку.

Ему охотно помогли.

Двигатель затарахтел.

– Порядок! Вернусь с победой! – шофер сдернул с головы шапку, помахал ею и снова нахлобучил на чуб. – Ехали мы, ехали...

Город остался позади.

– Через три часа будем на станции... – Парень сказал это совсем другим голосом. Он больше не шутил. – Вот и мне ехать. Да-а... Долго меня ждали? Вы поспите пока...

Арина откинулась на спинку сиденья, задремала.

– Кончится война – другая жизнь будет... – откуда-то издалека донеслись до нее слова шофера, разговаривавшего с самим собой.

В теплой кабине его немного разморило, потянуло ко сну. Какое-то время ему удавалось бороться с дремотой. Он говорил вслух, напевал вполголоса. Ненадолго его отвлек шум в кузове – там, чтобы согреться, стучали ногами в пол, а кто-то для забавы бил палкой по пустой жестянке. И все-таки сон одолел. Он сразу – будто нырнул в холодную воду – пришел в себя. По счастью, аварии не случилось...

От толчка проснулась и Арина. Горы уже кончились, машина шла по степи. Колеса шуршали по расчищенному от снега асфальту. Слева и справа от тракта тянулись поля – пустые, холодные...

В кабину доносился голос поющего:

Путь далек, спотыкается мой конь.

Значит, устал мой аргамак.

Голоса милой я не слышу,

Значит, расстались мы навсегда...

Негромко и грустно выводили парни хором:

Тоскливо ржет мой конь в пути.

Значит, устал мой аргамак.

Голоса брата я не слышу,

Значит, мы разлучены.

К дороге подступили сосны. Стали чаще попадаться навстречу лошади, запряженные в сани, – с сеном, дровами. Закутанные до самых глаз женщины тянули санки, кто с хворостом, кто с картошкой.

Бор кончился. На той стороне реки показались огни. Оттуда слышались протяжные гудки паровозов. Ветер уносил назад, в горы, печальную песню.

Машина круто развернулась и остановилась на вокзальной площади.

– Приехали! – чубатый шофер снова был весел. – Ну, тетка, не знаю, как звать-величать тебя – не познакомились, беги, ищи своего...

Арина вытащила из-за пазухи деньги, протянула голубоглазому парню. Тот запротестовал:

– Чего выдумала! На что они мне? Мать тоже навяливала – я не взял. Мне теперь о себе можно не беспокоиться – на полное наркомовское обеспечение перехожу. А вам тут нужнее будут. Давай, давай, торопись. Во-он туда иди, – показал он на деревянную пристройку у вокзала. – Там военный комендант. На, держи! – и протянул руку.

Арина схватила его руку.

– Ба-таа, дорогой! Вернешься – не знаю, чем только встречать тебя буду!

– Вот это по мне! Жди после войны в гости! Живой буду – приеду!

18

От вокзальной толчеи у Арины голова пошла кругом. Она стояла с мешком в руке и смотрела на снующих, кричащих людей. Невнятно что-то хрипело радио. У нее вылетело из памяти, что ей говорил шофер о военном коменданте, и она не знала, кого спросить, куда идти.

Дежурный никого не выпускал на перрон, но люди напирали, и кое-кому удавалось протиснуться. Чувствуя, что ему не справиться с толпой, дежурный захлопнул ворота и накинул замок. Теперь он переругивался, оставаясь недосягаемым, и прятал в поднятый воротник железнодорожной шинели посиневший нос.

Арину вынесло к самым воротам. За ними виднелись длинные составы теплушек.

По каменному перрону бегали военные со списками.

– Первая и вторая команда – в четвертый вагон!

– Старший? Где старший?

К военным бросались с расспросами такие же, должно быть, как Арина, – разыскивающие своих близких. Те размахивали руками, кричали:

– Дежурный! Уберите посторонних!

– Давай дорогу! – с вокзальной площади к воротам, ведущим на перрон, шли строем мобилизованные.

Из вокзала выбежали несколько железнодорожников наводить порядок. Но ничего им сделать не удавалось. Тогда один, горластый, вспрыгнул на ящик:

– Становитесь в очередь! Быстрее разберемся. Кому что надо, подходите по одному!

Его послушались. Арина тоже пристроилась к длинному хвосту.

– Тебе что? – спросил железнодорожник, когда она очутилась перед ним.

Арина вздрогнула, опустила на землю мешок.

– В каком вагоне... Черный костюм на нем... – бесвязно заговорила она.

– Милый, – лезла из-под руки старушка. – Уймись мне надо.

– Какой костюм? – рассердился железнодорожник. – Номер команды знаешь?

– Не знаю. Муж у меня уезжает... – Арина заплакала.

– Ну что мне с тобой делать! Не видишь – ищи людей. Откуда мне знать, кто во что одет?.. Да не рожай ты! Ищи сама. Ничем не могу помочь...

Все еще всхлипывая, Арина снова подошла к воротам, возле которых почти никого не оставалось.

Услышав рядом с собой женский плач, Арина, что это ни было странно, успокоилась. А тут еще кто-то сказал:

– Чего плакать! Слезами войну не остановишь...

У ворот опять становилосьлюдно. Арина заметила, что рядом с нею были одни женщины – с узлами, котомками, мешками. Они стояли молча, терпеливо чего-то ожидая, на что-то надеясь.

Холоднее, наверное, не стало, но мороз донимал все сильнее. Ноги давно уже перестали зябнуть и только ныли.

«Как только откроют ворота, обойду все вагоны... Найду его, обязательно найду... А что скажу, если увижу? И так ясно». Она навалилась на забор, но в спину дуло. Можно было сделать два-три шага, и тогда, зажатой сгрудившимися женщинами, стало бы теплее, но лучше уж мерзнуть, чем потерять место у самых ворот.

«А не увижу?.. Может, кто из улаганских будет... Попрошу передать».

Время тянулось. Казалось, ночи не будет конца. На перроне вагон за вагоном заполнялись мобилизованными. Люди забирались в теплушки к докрасна раскаленным печкам из железных бочек. Где-то среди них мог быть и Одой...

Арина удивилась, что до сих пор ни разу не вспомнила о детях. Как-то там они?.. Келемчи уехала в гости. Вернется дня через три. «Ничего, – успокоила она себя, – дров хватит, поесть тоже найдут чего...» И снова – мысли, глаза, сердце ее были за этими большими воротами, на бесконечно длинном перроне, в одинаковых вагонах, из раскрытых дверей которых падали отсветы огня, а в глубине вспыхивали искорки сигарок...

Толпа вдруг зашевелилась, загалдела. Загремел замок, железные ворота со скрипом распахнулись.словно река, стиснутая скалами, люди потекли на перрон, ударяясь о столбы, сшибая друг друга. Женщины метались вдоль вагонов, выкрикивая имена сыновей, мужей, братьев...

Арина пробежала до самого конца состава и пошла от теплушки к теплушке.

– Улаганские есть?

– Никого нет из Улагана?

Пятый, седьмой, двенадцатый вагон...

– Скажите, с вами едут улаганские?

– Есть, есть! – закричал алтаец из глубины вагона и протиснулся к двери. – Я из Улагана. Кого ищете?

– Карышева. Одоя...

– О, дьяйла. Нет у нас такого. Подождите, спрошу: один парень из самого Улагана, кажется. Не уходите!

Сердце готово было выскочить из груди.

– Кто Карышева ищет? – из-за спины сидящих у печки выглянул незнакомый человек.

– Э-э! Я спрашиваю... – в горле у Арины пересохло. – Говорите скорей. Здесь я!

– А кто вы такая?

– Я?... Жена...

– Жена? – спросил улаганский. – Жена Одоя Андреевича?

«Почему Андреевича? – удивилась Арина, – Ведь его отца звали Карамай...»

– Жена, жена, – повторяла она, не думая вовсе о том, что ее существование никому из знавших Одоя не известно. Человек в вагоне замялся.

– Говорите же! – в отчаянье крикнула Арина.

– Он выехал раньше меня. Вместе с райкомовцами...

На глаза Арины навернулись слезы. Волоча свой мешок, подталкиваемая людьми, она поплелась дальше.

Уже не веря, что найдет Одоя, спрашивала:

– Карышева нет?

– Не знаете, Карышев где?

Из одного вагона отвечали, в другом, должно быть, даже не слышали ее – столько народу осаждало состав, и каждый кого-то разыскивал, каждый кричал...

Приближалось время отправки эшелона. Солдаты с винтовками стали оттеснять от вагонов провожающих. Шум, плач, крики усилились.

До паровоза оставалось не более десяти теплушек. Арина чуть не падала. Она кидалась к вагонам, звала:

– Одой, Одой!..

Никто не откликался.

– Одой! Ты здесь?

Гудок паровоза заглушил ее голос.

Собрав все силы, она позвала его:

– Одой, где ты?..

Лязгнув буферами, дернулись вагоны. Набирая скорость, эшелон уходил на запад.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Далеко в горах затерялась небольшая алтайская деревенька, или как ее по-здешнему называют, – урочище Дьяйлу.

Не скоро доходят сюда вести с фронта. Нет здесь ни радио, ни телефона. И в добрую-то пору узнаешь о том, что происходит в мире, если кто случаем завернет, а когда бураны наглухо перекроют перевалы – ни пройти, ни проехать...

Всякими правдами и неправдами, хоть и позже других, но все же узнают дьяйлинцы новости. А вот в аймакисполкоме неделями не могут получить сведений из колхоза «Дьяны дьол». Ни сводок оттуда не шлют, ни указаний не спрашивают. Будто и не существует этот колхоз.

Он и до войны был не так-то велик, однако в аймаке считался не последним. И мяса, и овечьей шерсти, и молока из «Нового пути» поступало не меньше, чем из других артелей.

Этой зимой дела в колхозе становились все хуже да хуже. Трудная пошла жизнь. Соли нет. Спички – без коряков, в бумажных пакетиках – не успеют в лавке появиться, в драку разберут. Недели не пройдет, опять таскают огонь головешками из избы в избу... Соль, спички, керосин – самое первое, что надо людям. Если уж этого нет... И все-таки приспособились обходиться.

А вот когда ревмя ревут от голода коровы и овцы, когда ползет по Дьяйлу страшное слово «падеж»?..

Женщины разгребали снег на горных склонах, рвали руками пучки прошлогодней травы. Много ли так наберешь? И своей буренке хочется хоть клочок сунуть, и колхозное стадо гибнет...

Арина сутками не уходила с фермы, крутилась возле телят. Каким-то чудом ей удавалось сохранять их. Моло-

---

ко давала самым маленьким, да и то чуть-чуть. Остальных Арина поила зеленым санным настоем, подбеленным обратом.

– Пейте кок-чай с молоком, – горько шутила Арина, наливая телятам травяную бурду. – Пить не будете, откуда силы возьмете?

Видно, такое ей счастье выпало – тянуть и за себя, и за других. Видят, что телята у Арины здоровые, навалили ей еще добрый табунок ягнят. И отказаться не смогла. Совсем перестала дома бывать, детей забросила. А Келемчи сдала, за ней, как за маленькой, ходить надо – все лежит, и кашель ее донимает. Ну хоть разорвись!

Чейнеш – ребенок совсем – младших братишек нянчит, за бабкой присматривает да еще мать на ферме подменяет, когда придется.

Обидней всего, что ни от кого доброго слова не услышишь. Все знают, как Арина пластается, а ехидничают: наплодила, мол, полный дом, пусть и крутится... Ни стыда ни совести у людей! Это, конечно, больше Каргаа с Дыламаш стараются. Обезмужели обе и опять за старое принялись – сплетни разносить. Чего и не было – сочинят, глазом не моргнут. А бабам с тоски да горя и сплетня – развлечение: шушукаются, охают, ахают... Тьфу!

Вконец изболелось сердце. Как ни много забот со скотиной, а думать-то не перестаешь. Мысли все невеселые. Надо бы за дровами съездить... буренка молока сбавила... у Кара обутки порвались... что с Келемчи делать... от Одоя ни слова, ни строчки...

Так вот и кружатся, кружатся мысли. Убежать бы от них, да некуда.

Келемчи долго не протянула. К смерти ее Арина отнеслась равнодушно. Отупела, что ли, – все безразличным стало... Всплакнула разок.

И все-то надо успеть. Крутится, крутится на ферме – вдруг в голову стукнет: домой сбегать! Бежит, ног под собой не чувствует. Примчится – в избе сыро, стыло... Не снимая шубейки, насобирает щепок, палочек – лишь бы огонь вздуть. Возьмется картошку чистить. Тоже научилась – шкурку так тонко снимает, насквозь просвечивает. Накрошит картошку, плеснет в воду пару ложек молока, наварит целый чугунок, хоть пожиже, да побольше, – и обратно на ферму. Редко когда удавалось достать немного муки. Если выпадет такая удача, значит, ночь не спи, возись с квашней. А чуть свет – к телятам да овцам. Чейнеш там с ног валится. Уложит ее Арина в свободной клетке на сене, а сама хлопочет. Выдастся минута, сама подремлет рядом с дочкой. Да какой это сон! Закроет глаза, и чудится – какой-то телок в клетке завяз, или слышит – мычат телята: не заболели ли? Вскинется – тихо все. А сна уже нет...

Еще надо выбрать время постирать, лошадь попросить за дровами съездить. Ночью, конечно.

Дни, ночи, недели – все смешалось. Вторая зима войны!..

...Стали дохнуть овцы. И ничем не поможешь. Одно лекарство – корм. А где его взять? Даже лошадей держали впроголодь. Последнее дело! К весне, могло случиться, и пахать не на чем будет...

Урочище как-то одряхлело. Закуталось до макушки снежной шубой – кому охота разгребать снег. Кряхтит скрипучими калитками. Попыхивает жиденьким дымком. А больше – спит.

Курачи так и остался в председателях. Прямо-таки царьком заделался. Не подступись к нему. Не то что женщины, старики слова ему не скажут. Грубый, злой, в конторе и не появляется, а дома – на порог не пустит. И на улице не

остановится, если кто с просьбой подойдет. Буркнет под нос и идет себе.

Сунулась было к нему Арина, когда овцы дохнуть стали, да зареклась. Так накричал на нее Курачи! Мы, говорит, еще проверим. Может, говорит, ты их травишь! Подумать такое – и то страшно.

Слышала Арина, приезжал уполномоченный из аймака. Жаловались ему на Курачи. А уполномоченный сказал: «Не один ваш колхоз в таком состоянии. Надо терпеть. Война...» Курачи, конечно, узнал, что на него жаловались. Еще злее стал.

...Весна запаздывала. Редко выпадали погожие дни, и тогда, схваченный тонкой ледяной коркой, наст таял под лучами солнца, оседал. Но снова надвигались тучи, валил снег, буранило, снова росли сугробы. И горы и деревья, казалось, потеряли всякую надежду освободиться от снега. Тяжелые, набухшие водой белые шапки пригнули ветви деревьев. Высокий, стройный лес поник, будто горевал вместе с людьми.

Птицы появились – исчезли. Что им было делать в этом холодном, неприветливом, словно совсем незнакомом краю?

Завернувшись в доху и подперев щеку рукой, Каргаа сидела у окна. Печь давно остыла, но вставать и растапливать ее не хотелось.

Кошка крутилась на шестке, безуспешно пытаясь найти теплое местечко. Выгнув спину, прыгнула на пол, подошла к хозяйке, потерлась о полу дохи. Каргаа пнула ее. Кошка отлетела в угол, встряхнулась, снова забралась на шесток.

Каргаа пожалела, что лягнула кошку. Так же вот обошлась с Тайгылom, он и пропал.

Большая дворняга Тайгыл очень привязался к Сакару Угарычу. Когда тот ушел на фронт, Тайгыл трое суток не ел. Он не выходил из конуры, не лаял, когда во двор заходили чужие люди или мимо проходил скот, не перекликался ночами с другими деревенскими псами. На четвертые сутки Тайгыл провыл всю ночь и исчез. Вернулся через неделю, исхудавший, с облезшей шерстью, поджатым хвостом. Каргаа подставила ему чашку с похлебкой. Он не притронулся. Каждую ночь Тайгыл завывал, да так горестно, что щемило душу.

Только через год он успокоился.

Прошлой весной Каргаа ездила в аймачный центр, на базар. Пес увязался за ней. Было очень грязно – и дорогой и в аймаке. Целый день проторчали они на рынке. Каргаа разложила мужские вещи.

Люди подходили, спрашивали:

– Почем пальто?

– За сколько костюм продаешь?

Каргаа лениво отвечала. Должно быть, она запрашивала слишком дорого, потому что никто даже не притрагивался к вещам.

Тайгыл примостился у ее ног, положил морду на лапы и смотрел на снующих людей, на машины, что проезжали мимо, разбрызгивая грязь. Какой-то большеносый человек долго ругался с хозяйкой, примерил пальто, бросил обратно и ушел. Немного погодя он вернулся, достал из кармана красные продолговатые бумажки, долго передавал их по одной Каргаа, а затем набросил пальто себе на плечи. Пальто Сакара Угарыча.

Другой человек унес костюм. Еще кто-то взял старый пиджак.

К вечеру Каргаа распродала все, что привезла с собой.

– Теперь не пропадем, – говорила она собаке, возвращаясь домой. – Деньги есть, значит, все будет. А истратим, найдется еще что продать...

После этого она сильно переменялась. И о Тайгыле стала заботиться меньше. Часто забывала покормить его. Лишь вечерами, когда ей, наверное, становилось страшно одной в темноте избы, Каргаа зазывала Тайгыла, бросала ему какой-нибудь кусок. От нее теперь часто пахло аракой.

Как-то вечером Тайгыл услышал возле дома мужской голос. Пес забеспокоился. Хозяйка отогнала его и пропустила в избы какого-то человека. Дверь захлопнулась.

Теплый летний вечер... Тайгыл смутно помнил это время, когда коровы всю ночь напролет ели траву и не могли наесться – такая она была сочная, душистая. В эту пору возле конторы, у клуба, на лугу за мостиком через Дьяйлушку – везде собиралась молодежь, пели песни. И собаки со своего урочища ходили возле людей. И в поле было хорошо ночами. Хозяин брал с собой Тайгыла в поле. Ему всегда давали там теплое парное молоко...

Тайгыл потянулся и заворчал. Из раскрытого окна слышались звуки патефона. Этих звуков Тайгыл тоже давно не слышал: с тех пор, как ушел хозяин... Потянуло вкусным запахом жареного мяса.

Пес подошел к окну, возле которого спиной к нему сидел мужчина. Принюхался: чужой! Негромко тьявкнув – для порядка, Тайгыл вернулся к порогу и улегся у самой двери. На всякий случай.

Уже давно вызвездило небо. Давно погас свет в избе. Все стихло. Никто из дома не выходил. Лишь на рассвете заскрипела тяжелая лиственничная дверь. На пороге появился чернобородый человек. Тайгыл ощетинился, зарычал и бросился на незнакомца, но тот, должно быть, не очень

его испугался. Не успел Тайгыл опомниться, как сильные руки стиснули ему горло. Мужчина высоко поднял собаку и бросил на твердую землю. Тайгыл так ударился, что даже не завизжал. Не в силах подняться, он лежал, а незнакомец как ни в чем не бывало уселся на порожке и раскурил трубку.

На шум выбежала хозяйка.

– Что такое, Курачи?

Чернобородый молча кивнул в сторону собаки.

Каргаа подбежала к Тайгылу, испуганно всплеснула руками:

– Сдох?

– Ничего, оживет... – Курачи выколотил о сапог трубку, поднялся и ушел.

Весь день пролежал Тайгыл возле конуры. Хозяйка несколько раз подходила к нему, приносила вкусные кости – он не брал. Она гладила его – он не открывал глаз. Ночью он опять завыл. Выл громко, протяжно, заливисто. Каргаа не могла спать. Она вышла во двор и больно прибила пса. А утром Тайгыл исчез. Совсем. Последним, кто его видел, был старик Саламчи, ставший пастухом...

«Жалко собаку», – подумала Каргаа.

Делать ей было нечего. Вернее, ничего не хотелось делать. Она долго разглядывала облупившийся потолок, потом уставилась в окно. На улице было пусто, скучно.

Вспомнив о Курачи, Каргаа усмехнулась: сумела его обвести. Он вроде прижился у одной вдовы, да разве та смогла бы такого удержать? Трусиха она, эта вдова, хуже зайчихи. «Что люди скажут!..» Что скажут, то и скажут. Каргаа, когда надо, сама такое про кого хочешь наговорит... А время трудное. Надо его как-то пережить. Где нужна скупость – будь скупой. Если что в руки попадет – не отказывайся. Проглядишь – другой схватит.

...А Курачи ничего мужик. И не скажешь, что старик. С ним пока не надо ссориться. А после? После и наплевать на него... Еще не известно, что будет. Курачи говорит, немцы сильнее...

Запахнув поплотнее доху, Каргаа задумалась, что будет, если немцы придут на Алтай.

На улице послышались голоса. Каргаа прилипла к окну, но опоздала. Чьи-то шаги приближались к двери. В избу вошла учительница, Татьяна Товаровна. За ее спиной показалась Арина. Они поздоровались, остановились у порога, оглядывая неприбранную, холодную избу.

– Что у тебя есть в подарок для фронта? – спросила Арина, глядя в упор на бывшую родственницу.

– Зачем так, Арина! – остановила учительница. – Нельзя же сразу. Надо рассказать об успехах нашей армии... Вы слышали, что фашистов разбили под Сталинградом?

Каргаа ничего не ответила. Слышала она. Конечно, слышала. Только Курачи сказал, что это неправда.

– Чего ей разяснять? – Арина сверкнула глазами. – Вот что, Каргаа. Если есть лишняя теплая одежда, давай. Если мука есть и мука годится. Что дашь – твое дело. Все посылают подарки на фронт. И мы тоже. Ну, что молчишь?

Каргаа рассердилась.

– Нет у меня ничего. Сама голодная.

Учительница молчала.

– Стыдись! – укорила Арина. – Люди знают, что Курачи таскает тебе муку и мясо. У других сколько детей, а никто не жадничает. Что ты скажешь, когда твой муж вернется? Куда совесть свою спрячешь?..

Арина повернулась к двери, потянула учительницу за рукав:

– Пойдемте, Татьяна Товаровна. У нас, в Дьяйлу, не все такие...

До позднего вечера ходили Тана с Ариной из дома в дом. Всюду их внимательно слушали, охотно давали, кто что мог. Набралось двое саней стеганых фуфаяк, полушубков, вязаных носков, рукавиц... С продуктами, понятно, было похуже. Но если бы раньше кто сказал Арине, что в Дьяйлу отыщется в эту трудную пору столько масла, мяса, муки, она бы ни за что не поверила. А вот нашлось!

Курачи сидел у Каргаа и со злобой смотрел через окно, как суетятся люди возле саней, провожая Арину на пункт сбора подарков для фронтовиков. Многие совали записки, надеясь, что подарки попадут к своим.

Стараясь задобрить Курачи, Каргаа притащила на стол мясо, слазила в подполье за ташауром араки.

– Выпей! – поставила ему полную чашку.

Он рывком повернулся к столу, выругался. Одним глотком опрокинул араку, с хрустом разгрыз хрящик.

3

Керосин в лампе кончался, и огонек без конца мигал и коптил, грозя вот-вот потухнуть. Тана подержала в руке стопку непроверенных тетрадей и положила их на стол.

Хотелось спать, но при одном воспоминании о холодной постели пропадало всякое желание ложиться. Деревянная кровать, сделанная дедом Боргоем, будто примерзла к стене. В комнате было немногим теплее, чем в холодном чулане.

– Ба-таа! – Тана укутала ноги шерстяной шалью, – Сколько еще мучиться?.. Никак не допросишься у этого Курачи, чтобы дрова привезли. Хоть бы чаю согреть.

Фитиль в лампе подозрительно затрещал. Только этого не хватало! Остаться и в холоде, и впотьмах...

Пришлось одеваться, идти на улицу.

Сколько ни шарил Тана в снегу, в надежде найти хоть что-нибудь годное для растопки, ни одна щепка не попадалась.

«Был бы забор, одной доски вполне хватило, – подумала Тана и усмехнулась: – Разве существуют на свете такие заборы, которых хватило бы на два года, если они идут на дрова?!»

Поплелась обратно в избу. Лампа окончательно погасла. Запнувшись в темноте о скамейку, налетев на стол, на ощупь пробралась к шкафчику. Долго искала спички, но так и не нашла. Чуть не плача, нашарила кровать, не раздеваясь, залезла под одеяло.

Накануне была у нее в гостях подружка Шура, с которой они вместе учились в городе, вместе готовились к экзаменам, вместе получили направления в горы... Девчонки совсем были! Подумать только... А как много переменилось в их жизни. Учительницы! Шура – секретарь комсомольской организации в своем урочище. Вот у кого характер – что задумает, не успокоится, пока не сделает. Досталось от нее Тане. Ох и досталось!

– Чего нюнишь? – Шура не церемонилась. – Требуй от председателя, что положено. Ты не сирота несчастная, а пе-да-гог. Понимаешь? Не тебе это нужно, а детям, которых ты учишь. Чтобы на уроках ты всегда была веселая, чисто одетая. Чтобы было тебе, где отдохнуть, позаниматься. Война? Трудно? Все правильно. Только много у нас на войну валят. Будешь сидеть вот так – и тебя спишут. За ненадобностью. Будь зубастой. Ты же – интеллигенция. С тебя люди должны пример брать. А ты ноешь.

Ну, так распушила, так распушила, – а не обидно. И проводила ее довольная. И решила, что будет теперь совсем по-другому вести себя. Даже представила, как пойдет

к Курачи и потребует у него. Потребует! Вспомнила, как только что едва не разревелась, и улыбнулась. Не-ет, не Шуркин у нее характер...

Под одеялом в общем оказалось довольно тепло.

Встала с петухами, голосившими с великой неохотой. Снова принялась искать спички. Они оказались на самом видном месте. Где только с вечера были? Пересчитала – пять штук.

К удивлению, без труда насобирала на улице щепок – тоже откуда-то взялись. Развела на шестке небольшой костерик и поставила на огонь чугунок с водой, подернутой ледком. Взяла из ведра четыре картофелины. Хотела почистить, но тупой нож не брал замерзшую кожуру. Пришлось варить прямо так, в мундире. Щепки прогорели раньше, чем в чугунке растаяла вода.

Вчера, наверное, Тана с отчаянья так и ушла бы в школу голодной. Вспомнив, какую ей устроила выволочку Шура, она набросила на плечи шаль, взяла топор и отхватила от угла избы пару добрых щеп.

Пока закипала вода, прибрала в комнате. Пересчитала оставшуюся в ведре картошку. Совсем немного. И денег нет. Зарплату не выдали еще за прошлый месяц. А перед тем почти половину удержали на заем...

Совсем рассвело. Пора бежать на уроки. Потыкала вилкой картофелины – сыроватые... Делать нечего – сняла чугунок с огня, погрела руки над паром. Обжигаясь, съела недоваренную картошку без соли. Прихватила тетради, написанный с вечера доклад о положении на фронте, направилась в школу. Не прошла и сотни шагов – окликнули.

– Татьяна Товаровна! Нам письмо пришло! Прочитай, балам...

Видно, давно поджидала учительницу жена Солумая. В руке она держала мятый треугольничек, на котором

расплылись корявые строчки, написанные химическим карандашом.

– Еще вчера с почты привезли, а прочитать некому.

– Давайте, давайте. От мужа письмо...

– Знаю, дочка. От кого же еще? Читай скорей.

– Пока, пишет, все хорошо... Недолго лежал в госпитале. Сейчас поправился. Жалеет, что никого земляков с ним нет... Пишет, что скоро его отправят в свою часть.

– А пишет, дочка, когда наша армия победит, когда война кончится?

– Об этом не пишет. А вы приходите сегодня вечером в клуб, я как раз об этом рассказывать буду.

– Что же еще-то в письме?

– Все, булар. Приветывает.

– А куда ранен был? – женщина слушала бы да слушала.

– Об этом ничего нет. Раз недолго лечили, значит, легко был ранен.

– А-а, чалта! Чего только не случится с человеком на войне. Муж Толгойчы – знаешь? – вернулся без рук. Теперь она и ребятишек, и его вместе с ними кормит. О-о, калак! И видеть и слышать страшно!..

– Не беспокойтесь, булар. Ваш муж жив и здоров.

– Я и говорю!.. Спасибо тебе.

Тана пошла побыстрее, чтобы не опоздать, но в прогулке заметила Курачи и, настроенная воинственно, направилась к нему.

– Когда привезете дрова, товарищ председатель? Сколько раз...

– Эй! Не шуми, – остановила ее доярка Санкаш.

– Почему? – спросила Тана, но и сама заметила, что у Курачи какой-то необычайный вид, – Что случилось?

– Похоронную получил. Марала убили...

Курачи, осунувшийся, сгорбившийся, медленно шел по улице, ни на кого не глядя.

Тана повернула к школе.

Когда поздним вечером скрюченный от холода почтальон протянул конверт, Курачи никак не предполагал, что письмо так напугает его. За все время, что Марал уехал из Дьяйлу, от него не было ни строчки.

Развернув сложенный вчетверо листок бумаги, Курачи, не веря глазам, прочел: «Ваш сын погиб смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками...»

Больше всего его удивило не то, что Марал погиб, убит, а то, что назвали почему-то Марала его сыном. Неясный страх прошел не сразу.

Вспомнилось, как пьяный Марал грозил ему перед отправкой на фронт. Будь он тогда немного потрезвее, наболтал бы чего не надо. И кто знает, как бы все тогда обернулось... Ну, а теперь...

«Хорошо, что его больше нет... В Дьяйлу нам все равно было бы тесно», – подумал Курачи.

Несмотря на поздний час, он отправился к Каргаа. С порога грубо приказал:

– Запри дверь, завесь окна... Араки достань. Побольше.

Выпил подряд четыре чашки, проворчал:

– Плохая у тебя сегодня арака.

Каргаа стала оправдываться, он перебил:

– Не бурчи, уйду к другой – и все.

Ничего не понимая, Каргаа притихла. Никогда Курачи не был с нею так груб. Она только подливала да подливала араку.

Курачи, вытянув полташаура, изрядно опьянел, о чем-то думал. Вдруг он встал, смахнул со стола чашку и,

---

не взглянув на разобранную постель, нетвердыми ногами шагнул к брошенной на пол медвежьей шкуре. Лег на нее, набил трубку, затянулся.

...Марала больше не было.

А ведь он, Марал, совсем еще мальчишкой спас ему жизнь. Банда Курачи, вымотанная многодневным преследованием красных, ненадолго оторвалась от них, с ходу переправилась через Катунь и ворвалась в какое-то селение. Трое суток резали без разбору скот, пьянствовали, безобразничали. Не оставалось сомнений, что конец близок, и потому разгул был особенно неистов.

Красные все-таки настигли их.

Единственным спасением было снова перебраться через Катунь. Лошадь под Курачи ранили, когда он доплыл до середины реки. А на противоположном берегу ждали крестьяне – с вилами, кольями. Красноармейцы перестали стрелять, чтобы не попасть в крестьян. Бандиты воспользовались этим. Курачи, добравшись до берега, сам зарубил двух мужиков. Однако отряд красных тоже переправился через реку, и сопротивляться было бесполезно.

Курачи прыгнул в дырявую лодку и погнал ее вниз по Катунь. Вслед ему стреляли. Одна пуля обожгла плечо. С трудом он выгреб к берегу и скрылся в густых тальниках. Несколько человек из его банды пробились к нему, но, увидев, что он ранен, не стали задерживаться. Бросили Курачи в шалаше и удрали.

Вот тут-то и помог ему Марал. Если бы не этот парнишка, Курачи давно бы отправился на тот свет.

А после? Не наткнись несколько лет спустя на своего племянника в Дьяйлу, не просто было бы ему уцелеть. И вот почти до старости прожил... Председатель колхоза. Чтоб этот колхоз провалился!..

Погиб Марал... И хорошо, что погиб!

Неожиданно трезвея, Курачи припомнил: «Ваш сын погиб смертью храбрых...» Может быть, Марал не хотел ему зла? Может, он так и решил: если убьют, пусть он, Курачи, ни о чем не тревожится, тайна ушла в могилу...

Как бы то ни было, известие о гибели Марала пришло кстати. Курачи устал притворяться. Как он ждал, что немцы возьмут Москву! Не вышло... Наступление фашистов на Волге обрадовало его. Сорвалось! Война затягивалась, и не было больше никакой надежды, что вернется старый порядок, что вернутся к Курачи его табуны, его добро, что будет он снова настоящим хозяином. Что ж, теперь можно почти искренне изображать горе – как-никак единственный близкий человек погиб...

Курачи пососал погасшую трубку, сунул ее в карман, стащил сапоги. Хмель прошел. На полу было холодно. Он задул лампу и улегся под бок к Каргаа.

Спозаранку Каргаа разблагостила по всему Дьяйлу о постигшем председателя несчастье.

4

Сверкающей на солнце дороге, как зиме, не видно конца. Деревья, покрытые снежными шапками, задумались о чем-то своем. Должно быть, о весне. Не спеша бежит по нескончаемой дороге запряженная в сани пегая кобылка.

Кара завернулся в выделанные овчины, которые мать взяла для продажи, и с любопытством разглядывает незнакомые места. Оказывается, чуть отъедешь от Дьяйлу – и все вокруг совсем другое. И горы другие. Свои-то он еще как знает – каждую облазил! А эти – крутые, высокие. И не заберешься! И сколько же их!.. Вот, кажется, сейчас вылезет лошадка наверх, а там будет широкая-широкая долина.

Ничего подобного. Опять горы и горы. Одни сплошь заросли щетиной леса. С других даже снег сдуло: поднимаются до неба каменные громады... А вот следы зайца, перебежавшего дорогу. Вон тонконогие березки с распущенными жидкими волосами... За самой высокой дальней горой, мать говорила, живут кержаки. У них много картошки, лука...

– Мама, а кто такие кержаки?

Мать не отвечает.

«Что с ней? – думает Кара. – Как выехали, пела. А теперь молчит...»

Утром Арина сварила последнюю картошку, накормила ребят, оставила полчугуна, наказала Чейнеш:

– Ешьте понемногу. Чтобы хватило, пока мы вернемся!

А сама крошки в рот не взяла.

Кара давно уже проголодался, но сказать об этом стыдится, потому что знает: ничего у матери с собой нет. Он плотнее закутывается в овчины, закрывает глаза.

Годы, вы, как дороги, длинные.

Дни, вы, как горы, высокие... –

снова негромко напевает мать. От ее песни будто грустнеют одинокие лиственницы у дороги, притихают кедры на горном склоне.

«Как это можно петь, когда есть хочется?» – размышляет Кара. У него пропал всякий интерес к незнакомому дороге.

Изредка навстречу им попадают плохо одетые женщины, тянут санки с одним-двумя мешочками картошки. Арина уступает измученным женщинам дорогу, с тревогой спрашивает:

– Ну, как, продают?

– У которых и у самих есть нечего... А другие такую цену ломают, что волос на голове не хватит...

Чем дальше, тем тревожнее у Арины на сердце.

Миновали крутой перевал. Спустились в глубокую котловину. Арина оглянулась, подумала: «Как обратно подниматься? Не вытянет лошадь...» Кобылка, будто угадав ее мысли, остановилась. Долго стояла, потом нехотя потрусила вперед.

Потянуло дымком. Где-то близко залаяли собаки. Почуввав близость жилья, лошадь побежала резвее.

Въехали в большое село. Уже вечерело. Арина остановилась перед старым пятистенным домом с огромными сеньями. Передала вожжи Кара, прыгнула с саней.

– Посиди немного... Пойду поторгуюсь. Я скоро вернусь. Не бойся...

Она осторожно растворила ворота из крепких тесин и скрылась за ними. Кара съежился. Его била дрожь. Мимо прошли, громко разговаривая, русские парни.

Откуда-то выскочили мальчишки. Они держали на веревке большую собаку. Поравнявшись с санями, один из мальчишек высунул язык:

– Бе-бе-бе! Дурак!

В Дьяйлу Кара часто дразнили. Обидно – суразенком. Он лупил каждого, кто его дразнил. И его лупили. Все равно не терпел, когда дразнятся. И сейчас не выдержал. Тоже показал язык.

Мальчишки только того и ждали.

– А ну, Борзя, куси его! Зззю!

Борзя, огромная дворняга, ошетинившись, бросилась к саням. Кара испугался. Бежать некуда. Собака рычала и кидалась на него. Если бы не веревка, которую все еще держали в руках мальчишки, собака уже достала бы. Ка-

---

ра, путаясь в шубе, сполз с саней, спрятался за лошадью. Мальчишки обрадовались и окружили сани. Все ближе, ближе подпускали собаку, продолжая науськивать ее. Кара беспомощно озирался. Вдруг он бросился к передку саней, схватил топор и в отчаянии закричал по-алтайски:

– Не подходите, зарублю!

В этот момент из ворот вышла Арина. Мальчишки убежали.

– Поворачивай, сынок, – устало сказала мать. – Не нужны, говорят, овчины...

Ворота, ворота... Мать уходит, возвращается. Снова уходит. Кара насквозь продрог. И есть так хочется... А домов еще много.

Возле избы с высокой шатровой крышей из теса мать привязала к столбу кобылку, спустила с саней Кара.

– Зайдем вместе... Хоть обогреешься.

Поднялись на крыльцо. Арина отворила дверь, подтолкнула вперед себя Кара. В нос ударил запах жареной картошки, свежего хлеба. От большой русской печи пахнуло домашним теплом.

За столом сидел старик с длинной белой бородой и суровым застывшим взглядом. Кара почему-то вспомнил бога на сожженной им иконе. Старик долго разглядывал вошедших, потом произнес глухо:

– Из какого колхоза?

Нет, старик походил вовсе не на бога, а на мудрого богатыря из сказки. Келемчи рассказывала такую сказку... Только почему он говорит «колхоз»? Это же совсем не из сказки...

Мать долго объясняла ему что-то по-русски.

С полатей на Кара смотрели мальчишки – те самые, что травили его собакой. Они показывали языки и швырялись

брюквенной кожурой. Кара хмурился и отворачивался. Он их совсем, ни чуточки не боялся. Ведь рядом была мать... А отворачивался потому, что очень хотелось подобрать кожуру и сунуть в рот. Кара глотнул слюну, покосился на мать. Арина ткнула его к стенке, а сама вышла. Он растерялся и, наверное, заплакал бы, если бы мать почти сразу не вернулась, держа в руках овчины.

Старик долго мял шкуры, перебирал. Что-то прикинул в уме, пожевал бороду, сказал рыхлой, как тесто, жене:

– Аксинья, наложь десять ведер картошки.

Снял с пояса связку ключей, выбрал один.

– Луку дай.

Старуха позвала с собой Арину. С порога кивнула старику в сторону едва стоявшего на ногах Кара.

– Покормил бы, Порфиша, мальчишку...

Старик налил в алюминиевую миску суп, поставил ее на край стола. Рядом положил ломоть хлеба. Мотнул бородой – ешь, мол. Кара робко подошел к столу. Ложки не было. Он схватил миску и стал пить суп через край, обжигаясь, захлебываясь. Кусочком хлеба дочиста вытер миску. Горячая еда сморила его. Держа в руке недоеденный ломоть, он заснул прямо у стола.

– Вставай! – едва растолкала его хозяйка. – Мать ждет.

Кара подхватил мокрые рукавицы, натянул шапку и выскочил на улицу.

Обратная дорога еще длиннее, еще труднее.

– Э-э, чалта, – вздыхает Арина. – Совсем лошадь отошала. Что поделать... Если сегодня не вернемся, как там телята будут. Только бы на перевал залезть... Дальше легче будет. О-о, калак! Постарайся, потяни еще немного. Чу! Не только тебе трудно. Мне тоже не легче...

Кобылка, прядая ушами, будто слушая слова Арины, тянет изо всех сил, но чаще и чаще поворачивает голову, смотрит на Арину и Кара большими глазами и... останавливается.

Кара хватается за кнут, но мать удерживает его.

– Не бей лошадь, сынок. Она и так тянет сколько может. Не бей. Голодная она...

Ноги у Арины, обутые в старенькие кисы, одеревенели. Кажется, и ей больше не сделать ни шагу. Можно подумать, что только зажатые под мышкой вожжи еще держат ее на ногах: выпустит их – упадет тут же...

Кара становится стыдно – наелся и залез в сани. А лошадь голодная. Он выбирается на дорогу, к матери, кивает на заиндеветшую кобылку:

– Ей легче будет.

– Конечно, сынок, – соглашается Арина. – А мы уж рядом пойдем...

Лошадь, мотая головой, медленно ступает дрожащими ногами. Из-за туч высовывается полоска луны.

Кое-как одолели взвоз. У лошади раздуваются бока.

Арина укладывает Кара в сани, подтыкает шубу, чтоб меньше продувало, накрывает его пустыми мешками. Мальчик сразу же засыпает.

«Теперь и я сяду», – с облегчением думает Арина.

Долгий пологий спуск, оказывается, совсем быстро подходит к концу: ну вовсе не отдохнула. Впереди – совсем небольшой подъем. Его и не сравнишь с крутизной перевала. А у кобылки, видно, больше нет сил, окончательно выдохлась.

...Арина бегала вокруг саней, обнимала взмокшую голову лошади, тянула под уздцы, подталкивала сани сзади. Некованные копыта лошади разъезжались на обледенелой

дороге, скользили. Поднатужившись, кобылка дернула сани, они вильнули в сторону, съехали к кювету и опрокинулись, потянув за собой лошадь и тоже свалив ее. Арина испуганно закричала: Кара очутился под санями.

Поднять кобылу она не могла. Перевернуть сани не хватало сил. Стала руками разгребать снег в кювете – бесполезно. Выдернула оглоблю и ею приподняла сани, Кара был цел и невредим.

– Жив! – обрадовалась Арина, прижимая к себе Кара, и заплакала.

Мальчик тоже заревел – больше от испуга, чем от боли.

Арина сидела на снегу, не выпуская из рук сына. Ну что теперь делать?

Луна, так и не показавшись целиком, опять ушла за тучи. В темноте под чьими-то шагами негромко закрипел снег.

– Кто тут? – раздался женский голос. – Никак Арина?
Услышав свое имя, Арина вздрогнула, оглянулась. За спиной стояла укутанная шалью женщина.

– Что случилось? Сани перевернулись? Вставай!

– Сани? Да, сани, – равнодушно ответила Арина. – А вы откуда меня знаете?

– Да что с тобой? Не узнаешь, что ли?

Страхивая с себя отупение, Арина вгляделась.

– Тетя Дуся! Ба-таа!

И силы откуда-то взялись. Встала.

Евдокия Ивановна по-мужски ухватила мешок с картошкой, оттащила его в сторону. Подняла оглоблю – та переломилась. Ловко срубила березку, очистила от сучьев, приладила к саням.

Двоем с пришедшей в себя Ариной перевернули сани, вытащили их на дорогу. Основательно помучившись, поставили на ноги кобылку, запрягли ее.

Пока Арина усаживала да укутывала мальчика, Евдокия Ивановна положила в сани картошку.

– Ну вот, можно и трогать... А с баламом твоим что?

– Под санки попал. Думала, задавит. Чуть с ума не сошла...

– Зачем с собой брала? Думала, добрее будут, если с мальчишкой?.. Эх, ты... – Евдокия Ивановна незлобиво ворчала, и ее воркотня успокаивала Арину.

Дорога пошла под уклон. Женщины облегченно вздохнули.

– Давай, подружка, прокатимся, что ли? – Евдокия Ивановна подтолкнула Арину к саням. – Шевелись! – весело прикрикнула на кобылку.

Накрывшись одним мешком, поплотнее прижавшись друг к другу, женщины разговорились. Тетя Дуся принялась расспрашивать о том, о сем, вспоминать давно забытое...

Потом они шагали рядом с едва переступавшей кобылкой и молчали. Только теперь Арина заметила, что тетя Дуся тянет за собою пустые санки.

– А что же это у тебя санки пустые, Евдокия?

Тетя Дуся покачала головой и, не глядя на Арину, произнесла:

– Плевала я на их картошку... Плевала! – Тряхнула головой и, словно прислушиваясь к себе, запела мягким, глубоким голосом:

Вьется, вьется вдаль моя дороженька,

Стелется за дымный горизонт.

А по этой дальней по дороженьке

Вслед за милым еду я на фронт...

Арина заслушалась. Давно не слышала она песен подруги.

Я одна, одна стою у тополя,

И обидно сердцу – крыльев нет, –

летела песня над заснеженными горами.

Евдокия Ивановна вдруг оборвала песню, рассмеялась.

– Последнюю кофтенку хотела сменять... А мне, веришь, суют супцу в собачьей миске! Ну, я осердилась да как фурну эту мисочку...

– Ба-таа! – протянула Арина.

Снова замолчали.

Вот и развилка. Тетя Дуся слезла с саней.

– Ну-ка, держи, – потянула ее за рукав Арина.

– Нет, нет! – запротестовала Евдокия Ивановна. – У тебя, подружка, и так ртов хватает.

– Что же, ты меня и за человека не считаешь? – обиделась Арина.

Закоченевшие пальцы не слушались. Она зубами выпустила завязку на мешке.

– Подставляй!

Отсыпала полмешка.

– Горе-горюшко, – вздохнула Евдокия Ивановна. – Спасибо тебе, подруга...

Женщины обнялись.

5

Встреча взволновала Арину. Она шла за понуро ступавшей лошастью, и в памяти всплывали уже далекие теперь дни первой военной зимы. Как давно это было!.. Дуся, Евдокия, милый ты человек, – кто, кроме тебя, мог тогда оказаться рядом? От нее, тети Дуси, слышала тогда Арина последнее слово приветствия Одою. Как хотела увидеть его!.. Уехал – забыл. Наверное, он ждал. Не мог не ждать...

В том, что он жив, сомнений не было: каждый месяц Арина получала деньги по аттестату. И не деньги были дороги ей – что на них купишь?! С тревогой ждала каждое двадцатое число, когда приходил перевод. С облегчением убедившись: жив! – снова терзалась до следующего перевода. А что стоило пережить, если почта задерживалась, запаздывала?..

Лошадь остановилась. Арина машинально сделала еще шаг, другой – обернулась, потянула кобылку. Та не тронулась с места.

– Устала? – участливо спросила Арина, – Ну отдохни...

Бросила вожжи, подошла к саням, посмотрела на сына. Мальчик крепко спал.

– Не скажете, далеко отсюда деревня?

Арина вздрогнула. Перед нею на дороге стоял мужчина в военной шинели, с рюкзаком на плече.

– Ой, кто это?

– Не пугайтесь! – Мужчина говорил по-русски.

– Не так далеко, – еще не вполне оправившись от испуга, с опозданием ответила Арина. – А вы что за человек?

– Из госпиталя... – Незнакомец поднял воротник шинели. – Как ваша деревня называется?

– Дьяйлу. Колхоз «Дьяны дьол» – «Новый путь».

– Значит, к вам. Разрешите вместе? И вам веселее, и я не заблужусь. – У него блеснули очки. – Недалеко, значит?

– Совсем близко.

Кара вылез из-под мешков, протер глаза. Сквозь скрип полозьев слышался русский говор. Рядом с матерью шагал военный в мохнатой меховой шапке. Время от времени он помогал матери тянуть лошадь. И все говорил о чем-то быстро-быстро.

Одолели последний взвоз. Дальше – до самого Дьяйлу – дорога полого спускалась под гору.

Арина остановила кобылку.

– Садитесь, – предложила спутнику и села в сани сама.

Тот поколебался немного, но все же сел.

– Мама, – тихонько спросил Кара. – Кто это?

– Павлов, – так же тихо ответила Арина, и, повернувшись к мужчине, сказала, показывая на Кара: – Тоже солдат будет...

Военный положил руку на голову мальчика, пошутил:

– Не замерз, солдат?

Кара помотал головой.

– Да ты совсем молодец! – засмеялся Павлов и полез в карман за папиросами. Озябшие пальцы никак не могли ухватить пачку. Еле-еле ему удалось извлечь папироску. Не меньше пришлось повозиться, прежде чем сумел прикурить.

Лошаденка, раздувая тощие бока, бежала довольно резво – сани подталкивали ее.

– И с такими одрами колхоз готовится к севу?

– Что? – не поняла Арина.

– Кони, говорю, неважные.

– Все такие.

– Плохи дела...

Увидев у дороги початый стог, Павлов спросил:

– Сено-то еще водится?

Только для коней оставили. На весну.

– А зачем открыли? До весны еще... А кто это там?

Ну-ка, остановите.

Павлов слез с саней, подошел к стогу, возле которого копошились двое.

– Вы что тут делаете? – крикнул он.

– А тебе кого надо? – неприветливо отозвался человек в долгополой шубе, втыкая в стог вилы.

Арина шепнула сзади:

– Не наши...

Павлов поправил очки.

– Ну-ка, сбрасывайте обратно!

– Ты не указывай, – шагнул навстречу кряжистый старик, утаптывавший сено на саях. – Не ты клал, не тебе и скидывать... Отходи!

– Стой! – подскочил Павлов к лошади, – Стой, говорю!

Тот, что в шубе, помоложе, толкнул плечом Павлова.

– Ты... – он выругался. – Не лезь, куда не просят. Сено мы купили у председателя. Ясно? И проваливай!

– Так оно колхозное... – вмешалась было Арина.

– А ты, баба, не встрей! – прикрикнул старик. – Купили, и весь сказ. Сколько повторять: отходи с дороги!

– Поедете вместе с нами, – голос Павлова зазвенел. – В правлении разберемся.

Мужики хлестнули лошадь, и она пошла прямо на Павлова. Тот едва удержал ее.

– А ну, отец, клади вожжи. Я с им по-своему поговорю! – Парень в шубе снова выругался, подскочил к Павлову и ударил его. Арина повисла у парня на руке, закричала:

– Мое сено! Сама косила!

Парень безо всякого труда отбросил ее в сторону, опять замахнулся на Павлова.

– Убери руки! Убери, говорю, руки, собака! – Арина кричала уже по-алтайски и хватала парня то за полу шубы, то за рукава.

Старик между тем вывел лошадь на дорогу и поспешил на помощь. Он сшиб с ног Арину. Вдвоем с сыном они повалили Павлова.

Пока те, барахтаясь в снегу, поднимались, тяжело груженные сеном сани скрылись в темноте. Слышался только скрип полозьев.

Павлов ползал на четвереньках возле стога и что-то бормотал. Арина решила, что ему плохо, хотела поддержать его под руки. Павлов беспомощно поднял голову.

– Очки! Видно, растоптали... Без глаз остался!

– О, дьайла! Где же теперь взять их?

Стали искать вдвоем. Присоединился к поискам и Кара. Он оказался удачливее – нашел в снегу очки, совсем целые. Покормили кобылку.

До урочища ехали в полном молчании.

– Добрались, – бросила вожжи Арина и послала Кара: – Иди вперед, веди гостя.

Кара потянул дверь – она не открывалась.

– Мам, – позвал он. – Примерзло...

Арина раздраженно бросила:

– Что же, трактор будем вызывать?

Павлов не понимал, о чем они говорят. Он подхватил на плечо мешок с картошкой, поволок его в сени. В темноте наткнулся на мальчика.

– Что, солдат, с дверью не справишься? А дома-то есть кто?

Он потянул на себя дверь.

– Э-э, пристыла!

Кара молча стоял рядом.

Павлов дернул еще. Дверь не поддавалась.

Мальчик выбежал из сеней, тут же вернулся, протянул топор. Отдолбив лед, Павлов уступил дорогу Кара.

– Ну, входи, солдат!

Пока Арина распрягала лошадь, он занес картошку в избу, разделся, хотя было холодно, на ощупь добрался до печи, открыл заслонку, стал копаться в золе. С трудом нашел два тлеющих уголька. Нашарил кусочек бересты, положил его на угли.

Кара видел, как в темноте то появлялось, то исчезало лицо Павлова. Смешно: вдруг над шестком возникали красные вытянутые губы! А огонь не загорался.

Как ни старался Павлов, ничего у него не выходило. Он уже было хотел воспользоваться дефицитной спичкой, да с печки кто-то по-кошачьи мягко спрыгнул, пролез у него под рукой и тоже принялся дуть. Береста вспыхнула, осветив мальчугана поменьше, чем Кара, с любопытством уставившегося на странного взрослого человека, который не смог разжечь огонь. Впрочем, безмолвное созерцание длилось недолго. То ли очки Павлова, поблескивавшие в отсветах огня, смутили парнишку, то ли холодный пол припек босые ноги, но мальчик снова забрался на печь, сохранившую еще остатки тепла, и спрятался за трубой. Оттуда послышался громкий шепот. Нырнул на печь и Кара.

Несколько щепок, оказавшихся на шестке, запылали небольшим костерком, осветив избу. Павлов грел над огнем ладони, курил и посматривал на печь, улыбаясь уголками губ. Из-за трубы появлялись ребячьи глаза и тут же исчезали.

Арина внесла беремя дров, с грохотом бросила их на пол. На печи поднялась возня.

– Живы? – спросила по-алтайски Арина. – Не замерзли?

Ребятишки загалдели наперебой.

– Садитесь, – Арина указала гостю на скамью. – Отдыхайте.

Без суеты, быстро и ловко она подбросила дров, поставила на огонь чугуна с водой, вымыла картошку и высыпала ее в тот же чугуна, в мундире, конечно. При этом она не переставала говорить с ребятишками, повысовывавшими головенки. Кроме Кара, Павлов разглядел еще двоих – того мальчугана, что помог ему запалить бересту, и совсем маленького.

Скоро в избе стало тепло. Весело запел чугунок на огне. Оттаяло окошко, и Павлов увидел за стеклом занесенную снегом улицу. Озябший месяц висел на вершинах деревьев и дрожал вместе с ними. А вокруг – горы и лес... Спина согрелась и заныла. Чертов старик, должно быть, ударил вилами... Павлов задремал. Борясь со сном, он через силу раскрывал глаза и каждый раз вздрагивал: с улицы на него в упор пялилась луна, словно просилась в избу, к теплу. А потом луну заслонила ель, под которой играли лисята... Но почему они разговаривали? Разве они умеют говорить по-человечьи? Может, здесь, на Алтае, и такие чудеса бывают? Говорят-то не по-русски...

Откуда-то издалека послышалось:

– Картошка поспела!

Павлов разлепил глаза. Перед ним стояла Арина.

– Садитесь к столу.

В большой деревянной чашке дымится картошка.

Искорки из печи поблескивают в трех парах одинаково черных, чуточку раскосых глаз.

Кара храбро уселся рядом с Павловым и снисходительно поглядывает на братишек, прижавшихся один возле другого на краю скамьи.

Самый маленький уже набил за обе щеки горячую картошку.

– Ну что ж, – не стал чиниться Павлов. – Приступим, солдаты. Ты тоже солдат? – спросил он у малыша. – Как тебя зовут?

Мальчик не понял. Кара что-то сказал ему, и он невнятно пробормотал:

– А – ан...

– Прожуй сначала, – улыбнулась Арина. – После скажешь.

– Аржан! – выпалил малыш, не без труда проглотив сухую картофелину.

– Молодец! – похвалил Павлов. – Постой-ка, я тебя угощу.

Он дотянулся до рюкзака, достал кусок сахара, расколот черенком ножа, выбрал осколок покрупнее, протянул меньшому. Тот поглядел на мать.

– Бери, бери, – подбодрила Арина. – А то Койлонко отдаст.

Аржан долго разглядывал кусочек сахара, но есть не стал, а зажал в кулачке. Старшие, получив каждый свою долю, тоже не соблазнились сладким.

Арина вздохнула:

– Я и то забыла, какой он – сахар. А младший вовсе его не видел...

– Д-да, – крикнул Павлов и коснулся пальцем дужки очков. – Я об этом и не подумал...

Он потянул из жестяной кружки кипяток, настоящий на какой-то запашистой травке.

– Такой у нас чай, – словно извиняясь, сказала Арина, – Плохо вас угощаем...

Кара подал младшим пример, и у всех троих захрустел на зубах сахар.

– Отец на фронте?

Арина замялась. За те считанные часы, что она знала этого человека, он расположил ее к себе. Похоже, с ним можно говорить откровенно. Но к чему? И ей легче не станет, да и ему безразлично, что ни скажи... А все-таки вырвалось:

– Давно с нами не живет. Деньги получаем...

Чувствуя неловкость, Павлов попытался поправиться.

– Государство помогает?

– Ну да...

Павлов понимающе кивнул головой.

И опять, не зная почему, заливаясь румянцем, сказала:

– Всем не объяснишь... А их, – кивнула на детей, – дразнят: суразята...

– Я не сураз! – подал голос Аржан. Его головенка с жесткими черными волосами едва виднелась над столом. Он походил на петушка-драчуна.

– Ничего, сынок, – по-алтайски сказала ему мать. – Лучшая из земель – болото, лучший из мужчин – сураз...

«Лучший из мужчин» выбрался из-за стола и забрался на широкую деревянную лежанку.

– Трудно, конечно, вам... – Павлов уже и не рад был, что затеял этот разговор. – Теперь всем трудно. Считай, все

дети без отцов... У меня – двое... – Он привлек к себе Кара, положил ему на голову ладонь.

Чтоб не досаждать хозяйке разговором на неприятную для нее тему, Павлов стал расспрашивать ее о колхозе. Но, видно, разговору не суждено было состояться. Арина отвечала неохотно, односложно. Этот русский, сидевший с нею и ее детьми за столом, чем-то напоминал ей тетю Дусю. С ним, наверное, можно откровенно обо всем говорить. И о колхозе. О Курачи. Ох, как наболело!.. Да не ко времени сейчас: начнешь и не кончишь... Думая о своем, Арина оставила без ответа один вопрос Павлова, другой...

– Давно здесь живете? – Павлов попытался как-то поддержать беседу.

– Здесь родилась, здесь, может, и помирать буду...

Павлов закашлялся.

– Ну-ка спать! – Арина подтолкнула мальчишек к кровати, – Ложитесь и вы...

6

Сунув под голову рюкзак, Павлов вытянулся на скамье. Спать бы да спать теперь, а сон не шел.

И дорожное происшествие, и неудавшийся разговор с этой одинокой многодетной женщиной, бедственное ее положение – все это перемешалось, не давало покоя.

Больше всего тревожило то, что удалось узнать о колхозе. В памяти всплывали отдельные фразы. Павлов как бы заново слышал их и оценивающе отбирал.

– Раньше, до войны, колхоз богатый был. Теперь рук не хватает. Летом сено ставить некому было – всю зиму скот голодает...

«Сейчас почти везде так», – успокаивал внутренний голос.

– Второй год подряд большой падеж. И нынче какая-то болезнь навязалась и к коровам, и к овцам. Свины все как есть подошли...

«С голоду болеют», – убеждал себя Павлов.

– Кто весной сеять, пахать будет? – сквозь скрип сани слышался полный горечи голос Арины.

«Да-а, трудно придется!» – соглашался Павлов.

Меньше всего он думал, что в этом отдаленном горном колхозе текут молочные реки с кисельными берегами. Где найдешь теперь крепкое хозяйство? Где вдоволь кормов? Всюду старики да бабы. А что ни день – новые похоронные с фронта, новые сироты да вдовы... Но чтобы так плохо...

Может, нельзя судить по первому впечатлению? Что он, в сущности, знает? Встретился в пути с незнакомой алтайкой, поговорил и – пожалуйста: готов вывод. А какие, собственно, еще нужны доказательства? Женщина ничего не скрывает, ничего не выдумывает. Как она бросилась на тех, что увозили сено!

– Сама косила!

И еще.

– Вот скажите, – спрашивала у него Арина дорогой. – Почему так: людей не хватает, а сколько у нас совсем не работают. Воруют...

– Куда же ваш председатель смотрит? – спросил Павлов.

Арина будто не слышала его вопроса.

– Прошлую зиму так же вот, остались без сена. Велели перегнать скот в другой колхоз. Часть по дороге, говорили, пропала... А от стада меньше половины осталось.

– Вы знаете, кто перегонял скот?

– Почему не знаю? Председатель. С ним еще двое.

– Так надо было жаловаться! В райком сообщить.

– Зачем?

– Надо же судить жуликов! Если колхозники будут молчать, порядка не навести. Понимаете?

– Тем и попадет, кто скажет...

– Разве честных людей меньше? – не сдавался Павлов. – На стороне колхозников власть, закон...

Арина нехотя поддакнула, но ничего больше не ответила.

...Угли в печи остывали, и слабый свет от них отступал перед заполнявшей избу темнотой. И луна уже спряталась за горой.

Не спалось.

Павлов закрыл глаза. Где-то сейчас свои. Сын. Дочь. Жена.

Трудно им там, в блокадном городе, под бомбежками, обстрелом.

Когда он теперь попадет в Ленинград?.. Почти год провалялся в госпиталях. Из армии уволили – списали по чистой. Даже в тыловых частях не разрешили служить... И делай что хочешь. Домой дороги нет. Работать? Надо, конечно, работать. Врачи и тут намудрили: «Необходим длительный отдых». Курам на смех! Какой же может быть отдых? Съездил в Барнаул, в крайком партии. Там сначала обрадовались – коммунист, ленинградец! Мы тебя туда, мы тебя сюда... Документы из госпиталя посмотрели – ни туда, ни сюда! Ворожили-ворожили, пока не надумали:

– Езжай в Горный Алтай. Тебе сейчас все одно, где жить. На свежем воздухе в горах скорее на ноги станешь. Без дела не будешь. А оклемаешься – скучать не дадим.

Вот и забрался на свежий воздух...

Здесь и впрямь не заскучаешь.

Кто-то приподнял его голову, подложил подушку.

Он открыл глаза. На столе горела керосиновая лампа без стекла. Фитиль, чтоб не коптил, повернут. В тусклом мерцании огонька увидел Арину, успевшую усесться на табурет у печи.

– Спасибо, – сказал Павлов. – Вы что не спите?

– Скоро на ферму. Лягу – просплю. Уж дотерплю...

– Неужели никто подменить не мог?

– Дочка осталась. Если мне не идти, ей опять оставаться. Лучше уж сама...

– Да что у вас за председатель такой? – возмутился Павлов. – Как его фамилия?

– Курсунов. Курачи Курсунов.

– Так нельзя! Это на сколько же вас хватит? Ну, если много работать приходится, понятно. Да ведь когда-то и передохнуть надо. Из такой поездки...

Арина вздохнула.

Подушка оказалась мягче рюкзака, и Павлов почти тут же заснул.

С каким удовольствием легла бы в постель Арина. Но вот-вот забрезжит рассвет. Боязно было поддаться искушению. Глаза слипались, голова клонилась на грудь. Страхнув дремоту, осторожно сняв штанишки с Кула, придвинула лампу на край стола, взялась штопать. Подумала в сердцах: «Какие ему штаны шить? Кожаные? Позавчера только залатала – опять прошоркал!» Никак не могла вдеть нитку в иглу. Попала наконец. Крупными стежками зашила дыру. От усталости дрожали руки, рябило в глазах.

Еще пуще захотелось спать. Разыскала спицы, начатую кофту. Когда еще обещала связать Чейнеш, да все недосуг... Прикинула, сколько осталось шерсти. Мало. Если с рукавами делать, на чулки младшему не останется...

Значит, без рукавов. Пальцы механически набрасывают на спицы петлю за петлей. Как не вспомнить добрым словом тетю Дусю, дорогую подругу, – ее наука...

Катается, подпрыгивает клубок шерсти. Тянется нитка. Теплая, плотная будет кофточка у Чейнеш... Надо бы ей новую шубейку пошить. Мальчишки в чем попало зиму пробегают, а девочка большая уже, неудобно в старом да рваном... Работает, как взрослая. Замучилась, наверно, на ферме... Пойти, что ли? Поесть для нее прихватить...

...Голова тяжелеет, все расплывается перед глазами. Арина откладывает вязанье, трет лоб. Взгляд ее падает на спящего гостя. Надо было ему все рассказать про Курачи. Может, посоветует что. Во многом виноват Курачи. И как еще виноват. Все запутано. Все запуганы. И никто ничего. Молчат, будто так и надо. И Арина боится Курачи. Конечно, боится. Если даже нужда какая, лучше перетерпеть, чем идти к нему.

Арина знает, что Курачи и его дружки меняли коров на одежду, на водку. Неделями напролет пирует с «сестрицей». Та совсем стыд потеряла... Да разве об этом скажешь?!

Послышался стон. Арине показалось, что кто-то зовет ее на помощь. Она рванулась с табуретки, но руки и ноги будто связали. С трудом поднялась, прислушалась: стонал Павлов. Она подошла к нему, наклонилась. Гимнастерка у него была расстегнута. Он хрипло дышал. Грудь пересекал широкий рваный шрам. Похоже было, что свистящее хриплое дыхание вырывается из этого шрама.

– Ба-таа! – вздохнула Арина.

На носках вернулась к печке, села на табурет, вытянула ноги. И снова будто опутал кто ее веревками, не освободиться!

«Идти надо!»

А печь греет. Так хорошо в тепле.

...Широкая-широкая дорога. Арина бежит по ней, выходя из сил. Надо быстрее – она точно знает, что надо быстрее, а ноги не слушаются. И вот уже не бежит, а еле бредет она, в отчаянии от собственной беспомощности. Впереди, на обочине – стадо коров.

Наконец-то она настигла их!

Вдруг видит, что никакие это не коровы. Солдаты это в железных касках. Попадали прямо у дороги и спят...

«Как же их много!» – думает Арина.

Наверное, и Одой тоже где-то среди них. Увязая в грязи, она ходит между спящими, наклоняется над ними. Все одеты одинаково, и трудно отличить их. Нет Одои!.. Лица у солдат грязные, заросшие. Многие окровавлены...

Арина все идет и идет. Совсем уже немного осталось солдат, которых она еще не разглядела. Нет Одои!..

Вот уже последний. Как раз возле него Арина спотыкается и падает. Собрав остатки сил, поворачивает спящего лицом к себе... Он не спит. Он мертв. У него растегнута гимнастерка и через всю грудь – багровый рваный шрам.

Арина в ужасе вскрикивает и закрывает лицо руками: мертвый солдат, как две капли, похож на Одою...

7

Павлова разбудил плач. Открыв глаза, увидел над собой закопченный потолок незнакомой избы. Было совсем светло. Сбросил ноги со скамьи, оглядел. Возле печки, уткнувшись лицом в руки, навзрыд плакала девочка. Большая уже. Лет, должно быть, четырнадцати-пятнадцати. На ней – старенькое застиранное платье и растоптанные валенки. Узенькие плечи вздрагивали. Сверху, с печи, свешивались три черноволосые головенки. Один из мальчишек гладил

грязной ладошкой девочку по голове. Никто из них не заметил, что Павлов проснулся.

Сквозь всхлипывания девочка о чем-то пыталась рассказать, но не могла. Павлов прислушался, чтобы разобрать хоть слово. Все равно не понять: девочка говорила по-алтайски.

Потихоньку, чтобы не испугать ребят, обратился к старому знакомцу – Кара:

– Что случилось, солдат?

Три пары глаз уставились на него. Девочка не обернулась, но притихла.

Кара сбивчиво принялся объяснять.

С немалым трудом удалось разобраться.

...Оставшись на ферме вместо матери, Чейнеш, как всегда, делала, что надо. И все было хорошо. Напоила телят «кок-чаем», вычистила клетки, стала снова готовить пойло... Почти весь день крутилась-крутилась. А перед вечером уже вдруг заметила, что один теленок – белоногий, со звездочкой – тяжело дышит. Бока у него прямо ходуном ходили. Чейнеш перепугалась, бросилась к теленку. Видит – совсем плохо ему. Что делать? Побежала к Курачи. Того дома нет. Нашла его у тетки Каргаа. Он с Самтаром араку пил. Уже сильно пьяный... Заругался, но пошел вместе с Чейнеш на ферму. Пришли, а теленок неживой...

Как стал кричать Курачи!

– Сама, – говорит, – последнее молоко выпила. Телят с голоду уморила... Понятно, – говорит, – чего она тут, на ферме, крутится. Сама как телка. Пусть только мать вернется!..

Грозился Курачи:

– Ваша корова отелится – сдадите теленка на ферму.

И ушел.

Только что Курачи опять на ферме был. Еще пьянее. Мать ругал, Чейнеш ругал...

...Девочка повернула мокрое от слез лицо. Концом длинной черной косы вытерла уголки глаз. Что-то сказала.

– О чем она, солдат? – спросил Павлов.

– Уедет, – говорит. Все равно уедет. Не будет работать, если не верят... Говорит, никогда у телят молоко не брала. Правда, не брала! – с жаром добавил Кара. – Я знаю. Чейнеш никогда ничего не возьмет.

– Постой, – остановил его Павлов. – Куда уедет?

Чейнеш быстро-быстро заговорила. Малыши на печке дружно заревели.

– Эдье-ее! – тянул Аржан.

Кара ответил сестре по-алтайски, прикрикнул на мальчишек и, как заправский переводчик, стал пересказывать Павлову:

– На фронт Чейнеш уйдет. Будет санитаркой. За ранеными будет ходить. Чейнеш говорит, на фронте, может, отца встретит и все ему расскажет... А я говорю, что ее немцы там убьют.

Мальчишка и сам того гляди расплачется, но всеми силами старается сдержаться.

От печи снова несутся всхлипывания Чейнеш. Кула и Аржан потихоньку подвывают.

– Хочешь, эдье, – вдруг обращается Кара к Чейнеш, – я на Курачи собак натравлю?

Девочка, не отвечая брату, говорит по-русски, чтобы и Павлов понял:

– Вот приеду с фронта, пусть только Курачи попробует на меня или на маму ругаться! Знает, что за нас некому заступиться...

– Ситуация! – подводит итог Павлов.

...В областном центре обрадовались, когда Павлов явился с направлением крайкома: «Коммунист, фронтовик!» Забросали предложениями. Выбирай! А что выбирать, когда, прежде всего, надо покрепче на ноги стать... Конечно, ни у кого на шее сидеть не собирается. Рад будет оказаться полезным. Хотя работник из него пока...

Судили-рядили, остановились на Дьяйлу. Дали задание – проверить зимовку скота. Ну, а там, сказали, смотри сам.

Сутки не прошли еще, как приехал, а в голове уже черт-те что.

«Хватишь ты тут, Евгений Данилыч, горного воздуха!» – усмехнулся про себя Павлов.

Решил никуда не ходить, дожждаться хозяйки. К председателю показываться сейчас все одно без толку, раз он с утра пьяный. Остался с ребяташками.

Чейнеш понемногу успокоилась, стала прибирать в избе, захлопотала у печки. Павлов смотрел на девочку и поражался, как она совсем по-взрослому, привычно распоряжалась по дому. Умыла младшего братишку, подсадила на печь. Отправила Кула за дровами. Сунула старшему брату ведро, чтоб воды принес. Вычистила золой чугунки.

Павлов достал из рюкзака полбуханки городского пайкового хлеба, вскрыл банку тушенки.

– Ну-ка, хозяйка, распорядись.

Чейнеш отрезала по тоненькому ломтику хлеба. Зачерпнула неполную ложку консервов, подумала и отбавила немного. Положила «для духа» в картошку, долила водой, растолкла.

Когда согрелся чай, позвала всех к столу. Себе оставила самый маленький кусочек хлеба. И картошки взяла чуть-чуть.

У Павлова подступил комок к горлу.

Накормив ребятишек, Чейнеш закутала чашку с горячей едой, сказала: «Маме отнесу!» – и убежала.

Мальчишки совсем освоились. Лезли к Павлову на руки, в драку тянули его офицерский ремень с медной звездой на пряжке, хитровато поглядывали на рюкзак в надежде получить что-нибудь еще оттуда.

К вечеру, когда Арина вернулась с фермы, Павлову казалось, что он живет в этой избе, с этими людьми давным-давно.

– Вот, понимаете, – не без смущения обратился он к хозяйке, – все еще у вас в гостях...

– Какой разговор! – успокоила его Арина. – Плохо у нас... Вы уж извините.

Теперь Павлов стал доказывать, что лучшего ему и желать нечего. Но вот стеснил он их. Влез в чужой дом незванным... В правление так и не сходил за целый день. Так что, если не помешает, может, Арина Саналовна позволит еще одну ночь остаться.

– Живите сколько хотите, – тут же заявила Арина и выговорила ему за то, что свои припасы расходует.

Видно было, что Арина едва на ногах держится – устала. Дочка ни к чему ей притронуться не дала. Да и делать-то Арине по дому ничего не оставалось – обо всем Чейнеш позаботилась.

О случившемся на ферме Павлов не расспрашивал. Покончив с чаем, Арина сама рассказала. Так и было. Ни за что ни про что налетел на девочку, отругал... Председатель называется. А дела на ферме – хуже некуда. И не только на ферме. Пусть не подумает гость, говорила Арина, что она со зла. Плохо в колхозе. И не потому, что война. Все понимают, что время тяжелое...

– Вы поговорите с доярками. Про себя забывают – только бы скот сберечь. А что его беречь? – махнула рукой, – Все равно Курачи продаст, перепродает, сменяет, пропьет... Терпения больше нет!..

Арина накинула платок, засобиравалась.

– Вы ночуйте. Сбегаю еще на ферму. Растел идет. Как бы опять беды не случилось.

С председателем Павлов увиделся только на третьи сутки. Курачи был хмур. Ему уже было известно, что приехал уполномоченный, поселился у Арины Карышевой, ходил по Дьяйлу, расспрашивал колхозников. Ничего хорошего от этого уполномоченного ждать не приходилось. К тому же с тяжелого похмелья на белый свет глядеть не хотелось.

Соображая, что к чему, Курачи, не ожидая расспросов, начал жаловаться: кормов нет, людей нет, коровники и кошары разваливаются...

– Кормов, говорите, нет, – перебил Павлов, – а сено продаете. Как же это?

Курачи развел руками.

– Какое сено?

И тут же упрекнул:

– Зачем, товарищ уполномоченный, сразу не сказали? Мы бы догнали, отобрали. Воры это! Разве можно продать сено?

А слова все фальшивые.

Павлов решил про себя так: поручение насчет зимовки выполнить и уезжать отсюда. О том, что из госпиталя, что собирался пожить в Дьяйлу, и говорить не стал. Какое тут житье!

– Разрешите познакомиться с вашей отчетностью? – спросил его как можно официальнее.

Курачи – сама простота.

– Какая у нас отчетность? Счетовода – и того нет. Сам бумажки пишу – отсылаю... Мне сказали: будешь председатель. Ну, я работаю. Мое дело конюхом быть...

Павлов настаивал.

Председатель вытащил из стола две рваные папки с какими-то клочками, замусоленными обрывками бумаг.

– Сводки шлем. Сколько скота подохло. Сколько телят-ягнят родилось... Все бумаги!

Разобраться в этой канцелярии было невозможно, до того все запущено и запутано.

Еще два дня ходил он по скотным дворам, беседовал с колхозниками. Люди говорили неохотно, сдержанно. Чувствовалось, что боятся. Но даже то небольшое, что удалось вывести у них, сводилось к одному – хозяйство губит председатель со своими дружками. Более определенно сказал кузнец Боргой:

– Давно Курачи судить надо.

И учительница, Татьяна Товаровна, поделилась:

– Плохой человек председатель. Очень плохой. От меня колхозники не скрывают...

Павлов отправил докладную в райком. Просил срочно направить председателя, чтобы решить вопрос о замене председателя колхоза.

...Загудело Дьяйлу. Больше года не было никаких собраний. Такая суeta поднялась, столько разговоров. Сошлись, однако, поздно, часов в десять. В тесном помещении конторы быстро потемнело от горького табачного дыма. Люди сидели на принесенных с собою табуретках, на полу, на подоконнике, даже на железной печке, топить которую было вовсе ни к чему, – и так не продохнуть! В дымном чаду мигал огонек единственной лампы с обломком закопченного стекла.

Павлов, устроившись в углу напротив входа, вглядывался в лица колхозников. Мужчины – наперечет. Несколько стариков. Десятка полтора подростков. А больше – женщины.

Из-за стола поднялся Курачи. Поглядел снисходительно на сидевшую рядом с ним маленькую, сухонькую женщину – инструктора райкома, заговорил по-алтайски:

– Сидящие здесь люди приехали проверить наши дела и воскресить подошедший скот.

В дальнем углу кто-то хихикнул. Возле двери недовольно загудели. Кто-то дурашливо чихнул. Кто-то с силой пнул железную печь.

Женщина-инструктор подняла глаза на Курачи, но ничего не сказала.

Перехватив ее взгляд, Курачи сунул в зубы трубку, постучал кулаком по столу.

Шум утих.

Павлов поманил пальцем Татьяну Товаровну, чтобы она села рядом с ним. Учительница протиснулась к нему.

– Переводите, пожалуйста, что будет говорить. Хорошо?

Тана согласно кивнула.

– Ваш председатель, – неожиданно громко прозвучал голос женщины-инструктора, – выбрал плохое время для шуток... Райком послал к вам в колхоз товарища Павлова, чтобы он помог разобраться в делах. Просим, чтобы он рассказал...

Курачи затянулся и положил трубку на стол:

– Он по-русски будет говорить. Кто поймет?

– Если захотят, поймут. А понадобится, можно и по-алтайски повторить. Прошу, товарищ Павлов.

Темные лица людей застыли в напряженном ожидании. Что скажет этот русский? Наверное, как было

так и останется. Курачи нисколько их не боятся, при них над ними же смеется!..

– Товарищи! – Павлов облизнул пересохшие губы. – Плохо у вас в колхозе... Очень плохо. Меня просили узнать, как в «Дьяны дьол», то есть в «Новом пути», у вас здесь, проходит зимовка... Ну, я попытался разобраться. Честно скажу: ничего не понять! Все запутано. Похоже, что нарочно запутано, чтобы никаких концов не найти... Но как ни старались, а кое-что скрыть не удалось...

Зашелестел шепот. Русский, однако, не зря по Дьяйлу ходил!

– Время военное, – продолжал Павлов. – Вся страна напрягает силы, помогая фронту. А тут, у вас, такое творится, будто передний край через ваши горы прошел. Так будете жить, сами себя скоро не прокормите, не то, что стране помочь... На фронте ваши мужья, братья жизни свои не жалеют. Чем вы их встретите, когда с победой вернутся?.. Не подумайте, что я про всех плохо говорю. Видел, знаю, как стараются, сколько работают женщины в колхозе. Только работа их вся впустую... А виноват в таком положении, по моему мнению, председатель Курсунов.

Стало тихо. Курачи сдвинул широкие густые брови так, что глаза совсем спрятались за ними, стиснул зубами трубку.

– Курсунов разбазаривал колхозный скот, продавал сено, оставленное на весну для коней... Вы больше меня знаете, чем занимался Курсунов.

Колхозники заговорили между собой, что-то выкрикивали. Видно, главное поняли все: Курачи не может больше оставаться на своем месте. А дальше что?

– Надо переводить? – спросила женщина-инструктор. В конторе галдели.

Тана шепотом повторяла Павлову, о чем говорят:

– Разное говорят... Кто председатель, говорят. А еще: из-за стога сена голову снимут... Самтар говорит: «Может, Курачи и не виноват совсем». Самтар и Курачи – все одно, вы знаете.

– Товарищи! – призвала к порядку собрание инструктор райкома. – Давайте обсудим. Кто скажет?

– Я скажу! – прихрамывая, к столу протискивался Самтар.

– Говори, – поспешно разрешил ему Курачи.

– Нашел защитника! – раздался звонкий женский голос. – Самтар скажет! Вместе воровали!.. Нечего его слушать!

– Кто здесь председатель? – закричал Курачи. – Меня пока не сняли. Говори, Самтар. Даю тебе слово.

Женщина-инструктор подняла руку.

– Председатель – вот, – и показала на колхозников. – Кто просит слово?

– Я! – опять просунулся вперед Самтар.

И вдруг он исчез. Кто-то из мальчишек-подростков дернул его сзади, и Самтар сел прямо на пол. Все рассмеялись.

– Пустите! – завизжал Самтар. – Думаете, стеклоглазый поможет вам? Дождетесь! Пустите меня!..

Хохот заглушил вопли Самтара. Улыбнулся и Павлов. Нарочно на виду у всех он протер стекла очков и снова надев их. Похоже, настроение у людей переменилось.

От дверей негромко и неуверенно послышалось:

– Можно мне?

Позади всех стояла Арина и робко теребила конец нестрой нарядной шали. Старики смерили ее неодобрительными взглядами: «Где это слыхано, чтобы вперед старш...

вперед мужчин вылезла баба? Да еще безмужняя... Непорядок...»

Женщины сразу заметили, что Арина одета по-праздничному, зашушукались: «К чему бы это? Что-то тут есть!.. Хочет перед начальством себя показать!»

Арина растерялась под взорами собравшихся, покраснелась и, похоже, раскаивалась уже, что вылезла перед народом, но заметила, что Павлов ободряюще кивнул ей, и шагнула вперед. Уверенности, однако, хватило ей ненадолго.

– Все знают, – начала она, запинаясь, и осеклась.

Арина чувствовала, как за ее спиной беспокойно ерзает на стуле Курачи. Видела хмурые, недобрые глаза Самтара.

– Все знают... – повторила Арина и закрыла лицо руками, готовая разрыдаться.

– Что может знать баба! – презрительно произнес Курачи. – Что она скажет?

Эхом откликнулся кто-то из его подпевал:

– Эта скажет! Как суразят в подоле приносить!

Арина вспыхнула и вызывающе посмотрела в ту сторону, откуда выкрикнули.

– Говори, Арина! – поддержали ее доярки.

– Говори! – подбодрила Тана.

Арина медленно, с трудом подбирая слова, то по-русски, то по-алтайски, начала говорить.

– Пусть мне худо будет. Совсем худо. А молчать больше нельзя... Вот мы с вами день-ночь не разгибаем спины. Хотим, чтобы скорей проклятая война кончилась. О себе забываем. Дети без присмотра остаются...

– Столько наплодила – кто виноват! – съехидничали в темноте.

– Сколько есть, все мои! – как отрубилА Арина. – Я знаю. Ты, Самтар, всю жизнь объедаки с чужих столов подбирал и теперь кормишься подачками Курачи. Ему что? Проел-пропил половину колхоза, и тебя проглотит со всеми потрохами!»

– Расскажи, почему у тебя теленок на ферме подох!

– Есть пословица, – пропустила Арина мимо ушей этот выкрик, – в плохое время худые мужики верховодят. Так и у нас. Посадили себе на шею дармоедов. Я не боюсь за себя. Пусть что хотят со мной делают. Теленок пропал – за теленка спросите. Полстада продали – тоже спросить надо. Сено разворовали – за сено пусть отвечают. Не так я говорю?

– Верно, Арина! – поддержали доярки.

– Ты про своего отца расскажи! – снова подал голос Самтар.

– Плохой ли, хороший мой отец – не мне судить. Он свой след в Дьяйлу оставил. И ты, Самтар, и Курачи живете в домах, которые мой отец строил. А когда ты умрешь, после тебя только гнилые мешки останутся, в которых ногами колхозное зерно таскал...

– Хватит! – перебил ее Курачи. – Разговорилась!

– Не мешай!

– Пусть говорит!

Арина вытерла концом шали губы. То, что она никогда не решилась бы сказать в глаза одному Курачи, теперь было сказано перед всеми. Почти каждый мог повторить ее слова о бессонных ночах на ферме, об отчаянии, с которым женщины выхаживали вечно голодных, больных животных, о бесстыдстве, с каким Курачи и его подручные сбывали на сторону и пропивали колхозное добро...

– Я все сказала... Пусть другие.

– Давайте я буду! – забасил кузнец Боргой.

– Пожалуйста! – женщина-инструктор выковырнула обгоревший фитиль, соскребла с него нагар. Стало светлее.

Старик грузно оперся руками на край шербатого стола.

– «Не ругайся на берегу – бродя не найдешь». Такая есть пословица, все знают. А мы вот и не ругались, и брод потеряли... Осенью собрали урожай. Хоть и небогатый, а хлеб все же был. И ячмень был. Где он? Кто его видел, урожай? Нам Курачи как говорил? Надо все, что не сдали, на семена оставить. На трудодни совсем не давать. Хорошо. Оставили. Где семена?

– Твоя сноха кладовщиком! – подал голос Самтар.

– Верно, – согласился Боргой, – кладовщик. Только через мою глотку ни одно зернышко не проскочило. Все знают, кто семена таскал. Самтар мешками возил. Каргаа не только хлеб пекла – самогонку гнала для Курачи... Разве не так?

Собрание загудело.

Один за другим выходили к столу колхозники, сбрасывали шубы и, горячась, выкладывали все, что наболело у них: сколько погублено овец, продано лошадей, растащено зерна...

Жена Солумая размахивала кулаками перед лицом Курачи:

– Муж с фронта пишет – учительница читала, – «Как работаете в колхозе?» Что ему отвечать?

Это было уже не собрание, а суд. Суд над Курачи.

– Тихо! Спокойно, товарищи! – стучала карандашом по столу инструктор райкома. – Все ясно. Объяснений председателя слушать не будем? Есть такое предложение: послать нарочного в аймачную милицию. Пусть там разбе-

---

рутся с Курсуновым. То, что вскрылось на вашем собрании, – преступление. Иначе не назовешь. Все согласны? Тогда надо нам сейчас же решить вопрос о председателе. Райком, к сожалению, не мог направить к вам никого. Да мы, признаться, и не думали, что такое положение в Дьяйлу. Это наше упущение, товарищи...

– Можно мне спросить?

Старик Саламчи, сунув трубку за голенище новых кисов, хитро шурил глаза.

– А баба можна делать председатель?

Инструктор переглянулась с Павловым, ответила:

– Почему же не может быть председателем колхоза женщина? Может, конечно. Сейчас много женщин выполняют мужскую работу.

Саламчи гордо поглядывал на окружающих, всем своим видом показывая превосходство над дьяйлинцами: вот, мол, поговорил с начальником безо всякого переводчика.

– А можна... – Саламчи опять заговорил по-русски, – Можна Арину? Шибко хороший баба! Волос длинный, ум тоже шибко длинный. Работает – маладец! – прищелкнул он языком.

– Арину, Арину! – со всех сторон закричали женщины. – Пусть будет Арина председателем!

Старики забрюзжали:

– Правду говорили: будут бумага – деньги, баба – начальник!

– Саламчи у нас крещеный. Вот у него и ум стал крест-накрест.

Успокоив собрание, инструктор сказала:

– Мы тут посоветовались с товарищем Павловым и решили временно возложить обязанности председателя на Карышеву Арину Саналовну. С райкомом этот вопрос со-

---

гласуем. Как видно, мы не ошиблись – ее имя раньше нас называли...

Курачи молча выложил на стол печать, поднялся, процедил сквозь зубы:

– Живы будем, не помрем!.. Все равно у вас ничего не выйдет! От вашего «Нового пути» пустое место останется. Передохнете все вместе со скотом!.. – и стал проталкиваться к выходу.

8

Вот уж чего не ждала, не гадала Арина – самой на месте Курачи оказаться! Да она и представить этого не могла: какой из нее председатель? Что делать? За что браться? Кто ее слушает?

Женщина из райкома уговаривала-уговаривала ее – и голос, и терпение потеряла. Павлов стал говорить, что напрасно Арина боится, все у нее получится. Слышала ведь, как на собрании люди выступали: всем хочется, чтобы колхоз хоть маленько на ноги поднялся, всем перед собой, перед фронтовиками стыдно. Работы никто не боится. Одна у Арины как у председателя задача – вернуть колхозникам веру. Если все делать по закону, без обмана, считай, что успех обеспечен. А помочь есть кому. Разве кузнец Боргой плохой помощник? А этот старик, как его, Саламчи? А жена Солумая? А доярки? А учительница Татьяна Товаровна? Да пальцев на руках не хватит, если всех настоящих помощников перечислять!

– А как вы смотрите, товарищ Павлов, – вмешалась инструктор, – если райком вас закрепит за этим колхозом? Оставим вас здесь заместителем председателя. С делами, с обстановкой вы уже знакомы. А?

Павлов смешался.

– Если Евгений Данилыч согласится, тогда и я... – повеселела Арина.

– По рукам?

«Вот тебе и горный воздух!» – подумал Павлов и пошутил:

– Вяжите!

Из аймака приехали участковый Ханжин и милиционер Дьалбаев. В заиндевелых шинелях, промерзшие, явились прямо к председателю – Арине Карышевой.

Полдня расспрашивали, допрашивали. Кого звали, не звали – все приходили, давали показания. Ханжин три тетрадки исписал!

Попросил участковый еще одну лошадь. Припрягли ее к милицейским розвальням. Усадили в сани Курачи, успевшего хватить араки. Завернувшись в собачью доху, Курачи, не глядя на обступивших сани дьяйлинцев, бросил злой взгляд на освещенное окно колхозной конторы.

– Не помрем, так свидимся!..

Рядом с ним примостилась Каргаа. С другого бока уселся Самтар. Лицо у него было, как у ребенка, готового вот-вот расплакаться.

Лошади приплясывали, не выдерживая ледящего ветра. Дьалбаев сбил у них с копыт намерзший снег, взял в руки вожжи. Ханжин поднял воротник шинели, подгреб солому в задок саней, расположился на ней поудобнее за спинами арестованных, скомандовал:

– Поехали!

...Вместе с инструктором выехала в аймачный центр Арина.

Добирались с приключениями. На перевале их вместе с конем чуть не накрыла снежная лавина. Часов восемь

пришлось ждать, пока откопали дорогу. Хорошо еще, что с обеих сторон завала собралось порядком людей. А вот в райкоме, кроме сторожа, никого уже не застали.

Голодная, иззябшая, Арина направилась в заезжий дом. Дверь отворила сонная и злая старуха. Нацепив на нос допотопные, перевязанные веревочками и проволочками очки, она, не поднимая головы, приступила к «оформлению». Едва корябая, записала в замусоленную разбухшую книгу фамилию, имя и отчество Арины, внесла в полтора десятка граф чуть не всю ее биографию. После этого сверила с записью справку, которую взяла у Арины. Долго гремела ключами, отпирая тяжелый висячий замок на железном ящике. Сунула в этот ящик справку и опять, выматывая душу, звякала ключами, пока не убедилась, что замок закрыт...

Арина разомлела от тепла и дремала, навалившись на обшарпанный прилавок, за которым восседала старуха.

Пришлось, однако, еще порядком помучиться, пока дежурная, зевая и почесываясь, выписывала квитанцию, пересчитывала деньги.

В конце концов все формальности были соблюдены.

– Подожди, – буркнула старуха и зашаркала по коридору.

Арина услышала, что она кого-то будит.

– ...на лавке постелю, – уговаривала дежурная. – Думала, никого не будет, дак поспал бы...

Из женской комнаты вышел взлохмаченный заспанный шофер. Пошатываясь, волоча по полу тулуп, прошел мимо Арины.

– На полу лягу. Не барин...

Едва добравшись до койки, Арина мгновенно уснула, позабыв о голоде.

Не пришлось поесть и утром – проспала. Прибежала в райком, когда часы в приемной били десять.

Секретарь, пожилой, в наглухо застегнутом кителе, встретил не приветливо.

– Что ж это вы опаздываете? Или для вас райком не авторитет? Самый отсталый колхоз... Распушенность!.. Вчера должны были прибыть.

Арина сбивчиво объяснила причину опоздания. Гнев секретаря поутих, но менять взятый тон ему, видимо, не хотелось.

– Что же теперь – прикажете отдельно для вас читать постановление? Всех председателей вызвали – все явились, как положено. Один «Дьяны дьол», как всегда, отличился!

Уже спокойнее пересказал, какие задачи поставил районный комитет перед колхозами на эту весну. От волнения, страха перед строгим секретарем, а может, и от голодного шума в голове Арина не поняла и половины из того, что слышала. Дошло до нее лишь то, что райком требует увеличить в «Новом пути» посевную площадь в два раза.

– Да нам и не справиться, – робко возразила Арина.

Прозвучало это удивительно наивно и оттого еще непривычнее для секретаря, давным-давно позабывшего о каких бы то ни было возражениях и несогласиях. Раздражение снова охватило его.

– Нам лучше знать – справитесь или не справитесь! Что такое война? Знаете? Ну и все!

Он начал считать, сколько у них в колхозе лошадей, сколько плугов, борон, сколько рабочих рук...

Арина ушам своим не верила! Откуда это он взял? Лошадей и одной трети нет. А те, что остались, – живые скелеты... Плуги – тоже название одно. Да тут хоть дед Боргой поможет. А вот лошади... Не выдержав, перебила

секретаря, принялась рассказывать ему о Курачи, о собрании...

– Знаю, знаю! – нетерпеливо отмахнулся секретарь. – Думаю, что преувеличиваете трудности. И не надейтесь, что за срыв задания будем по головке гладить! – в голосе его зазвенел металл. – Фронт с вас спросит. И мы спросим. Со всей строгостью.

Это обидело Арину. Чего грозит? Взял бы да объяснил по-хорошему.

– А зерно где брать?

Секретарь открыл было рот, чтобы осадить ее, но в это время зазвонил телефон.

– Да... Так... Так... Понятно... – односложно отвечал секретарь и поглядывал на Арину.

Ему еще что-то долго рассказывали, и он так же коротко отвечал, крепко прижимая трубку к уху.

Не успел он закончить разговор, Арина снова спросила:

– Семена-то где возьмем?

– Это не ваша забота. Семена будут. А за сев с вас спросим. Чтобы точно, сколько положено. И за урожай. И за сдачу хлеба в государственные сроки. Под личную ответственность. Понятно.

– Ага – выдохнула Арина, хотя, признаться, не шибко представляла, что же ей теперь делать.

– Вот так-то лучше, – смилостивился секретарь. – Можете быть свободны.

Недоумевая, она вышла из кабинета: стоило ехать в такую даль? Не спросил даже, что в колхозе делается, как ей достается – без году неделя председателю...

Немного подкрепившись, направилась в земельный отдел. Павлов велел обязательно туда зайти, посоветоваться.

Там сначала все шло хорошо. Главный агроном, седой чудаковатый старик, по-простому рассказал, чем и как заниматься, что вперед, что после. Но когда он заговорил о сроках сева, ввязались еще два агронома. Между ними начался такой спор, что они и думать забыли об Арине. Она слушала, слушала, пока не надоело, потихоньку поднялась и, незамеченная, ушла – домой было не далеко...

Вернулась в Дьяйлу, и – пошло, поехало. Хлопоты на ферме теперь бездельем показались. Ни днем, ни ночью покоя!

– Председатель! У овечек копытница.

– Председатель! Сена давай!

Председатель – то, председатель – это. Да откуда им всего набрать? Сами, что ли, не знают: ничего нет! Учить, что ли? Ветки рубите. Хворост запаривайте. На болоте кочки режьте. Сена захотели! Не будет вам сена. Есть чуток – только для молодняка, еще для коней – сами решили. Так командовать научилась – самой удивительно. И ведь слушают.

За день набегается – только бы к подушке приткнуться. Жизнь не жизнь, сон не сон. На все рук не хватает. Что со стариков да детей спросишь? Кто работать может, того и погонять не надо. Так разве много их, кто может?..

Одна забота свалится, десять других подпирают. Жмых привезли. Надо бы радоваться – спасение для скота. Ребятишки жмых тащат, наедаются, и у всех животы болят. А врача нет. И углядеть за ребятишками нет никакой возможности. Голодные...

Ночью будят:

– Арина, корова помирает. Прирезать бы... Дед Саламчи уже ножик наточил.

– Нельзя резать! Как потом акт составишь?

– Помрет корова, лучше будет? Одна бумажка останется. Хоть мяса люди поедят..

Вот и думай. Вроде бы надо прирезать. А отвечать?..

В скотные дворы заходить боязно. Ревмя ревет скот. Ну, это все ладно. Привыкла. Как-никак третья военная зима к концу подходит... Сыплет в Дьяйлу лихой фронтовик Каракай письмо за письмом. И все в стихах! Думает, есть им тут время развлекаться. Стихи стихами, а в каждом письме допытывается: как, дескать, земляки – не подведут? Читают письма Каракая всем урочищем. И смеются, и плачут. Кто-то Каракаю в стихах ответил:

Снегом акацию придавило.

Все равно весна придет.

Сердце горем придавило.

Все равно когда-то запоет...

Нет, не под силу ей эта работа! Скорей бы прислали кого-нибудь. Ее место там, где привыкла, – на ферме. Там и пользы от нее больше, чем в председательском седле...

...Павлов вышел из прокуренной конторы на улицу глотнуть свежего воздуха. Постоял, потянулся... Подумал: еще не поздно заглянуть к Боргою.

Не спеша шагая по хрусткому снегу, дыша полной грудью, любуясь горами, поражавшими его своей спокойной величавостью и мудростью, Павлов размышлял о днях, проведенных им в алтайской деревне. Прижился тут. В должность вступил. Кто бы поверил? Евгений Данилыч Павлов – потомственный металлист, боевой офицер – поднимает сельское хозяйство в Горном Алтае!..

Отдых, конечно, вышел боком. Может, и к лучшему. На сколько бы его хватило бездельничать? Все равно при-

---

шлось бы какую ни есть работу изобретать – ради хлеба насущного. Судьба сама распорядилась, наделила высокими полномочиями.

А что он успел сделать в Дьяйлу? Ничего в общем-то. Мелочи. А надо ох, как много... Взялся за гуж.

С жильем что-то придумать надо. После собрания сразу перебрался в контору. В боковушке устроился. Так-то оно ничего. Сторожиха убирает, печь топит.

Сегодня с утра занимался инвентарем. Все плуги оказались брошенными на полях. Пришлось рассылать парней искать их, выкапывать из-под снега. К вечеру нашли пару плугов, вернее – то, что от них осталось. Много не напашешь...

Вспомнив о плугах, о предстоящем разговоре с кузнецом, Павлов помрачнел. И горы стали ему безразличными. Подумаешь – величавые, мудрые... Черта ли в их красоте, когда все как есть развалено! Скот кормить нечем. Семян нет. А люди так ждут весну...

– Что сердитый такой? – встретил его Боргой, поднимаясь навстречу из-за стола. – Садись с нами ужинать.

Павлов не заставил упрашивать.

Старый кузнец с первого знакомства вызвал у него симпатию. Был бы он грамотным да лет бы поменьше – лучшего хозяина колхозу не надо!

Общий язык нашли в кузне. Павлов заглянул туда на минуту да и застрял. Думал просто проверить себя – как после госпиталя, не совсем ли порастерял силенку. Нерешительно поднял молот, неуверенно стукнул... Вроде бы получилось. Боргой подбодрил. Павлов взялся за молот поухватистее.

– Ты, начальник, однако, не только языком умеешь работать! – удивился кузнец.

Павлов усмехнулся.

– Питерский я... Знаешь, дед, что значит – питерский? Боргой покачал головой.

Пришлось рассказать. И о Ленинграде, и об отце-металлисте, и о самом себе. Начинал-то на том же заводе, что и отец. К железу привычен. Сколько лет уже у наковальни не стоял. Вот, ранение было... А, выходит, еще годится!

Как было не понять друг друга мастерам?

...Ужин у Боргой не ахти какой, но Павлов вместе со всеми аппетитно жевал пресные лепешки, в которых мука была только скромной приправой к отрубям, пил горячий чай – чашку за чашкой. О делах Боргой и слушать не захотел. А выходить из-за стола старик не спешил. Он подманил к себе сноху и что-то шепнул ей. Та понимающе кивнула, улыбнулась и вышла в сени. Через минуту вернулась, держа в руках берестяной туесок и небольшой кожаный мешочек.

– Сейчас я тебя другим чаем угошу, – подмигнул Боргой. – Нашим, алтайским. Талкан называется. Пробовал?

– Не приходилось,

– Сами по праздникам только... Время такое, – кузнец вздохнул. – А раньше без талкана еды не было.

Ополоснув чашку, он насыпал из мешочка какой-то не то муки, не то крупы, ковырнул ножом в туесе и поддел кусок сливочного масла – тоже отправил его в чашку. Затем сыпанул щепотку соли...

«Какой же это чай?» – подумал Павлов. Он хотел было отказать: масло переводят, а оно – редкость... Боргой, видно, угадав его мысли, сказал:

– Один раз надо попробовать. А то на Алтае живешь, а чай с талканом не знаешь!

Он плеснул в чашку немного чая и долил доверху горячим молоком.

– На. Размешай и пей.

Павлов тщательно перемешал содержимое чашки. На поверхности зажелтели кружки растаявшего масла. Пахло до того вкусно, что он сглотнул слюну. Первый глоток сделал все же не без опаски.

– Хорошо? – спросил Боргой. – Ну и на здоровье. Талкан – самая первая еда у алтайцев. Ячмень знаешь? – он выговорил «чечмень», и Павлов не сразу понял. – Из него талкан делают. Поджарят зерно, истолкут – вот тебе и талкан. Война кончится – все люди будут каждый день чай с талканом пить. Досыта. И масло у всех будет, и молоко...

Когда с ужином было покончено, хозяин и гость закурили: Боргой трубку, Павлов – сигарку. Помолчали.

– Теперь о деле можно, – разрешил кузнец.

Разговор со стариком успокоил Павлова. О плугах можно было не тревожиться.

– Может, сам когда подсобишь. Вдвоем-то мы быстро починим. Верно говорю?

Павлов согласился.

– Я все тебя начальником зову... – кузнец положил Павлову на плечо тяжелую руку.

– Евгений Данилович я, Боргой Оргоевич.

– Значит, Данилыч? И ладно. Так что пахать будем чем.

И снова хрустел под ногами снег. Снова любовался Павлов залитыми лунным светом горами, таинственными и мудрыми. До чего ж они были красивы, горы, черт бы их побрал!

В конторе – жароша. В печке-железке потрескивали лиственничные поленья. Павлов сдвинул приготовленный сторожихой ужин – те же лепешки-теертпеки, положил перед собой истрепанный русско-алтайский словарь.

– Пастбище – одор... Пасти – кабырар. Пасти коров – уйларды кабырар... Пастух – малчы... Пахать – тартар... Пахарь – кырачы... Кырачы... Кырачы...

Что-то знакомое слышалось в звучании этого слова. А что – Павлов никак не мог припомнить.

– Тьфу, – рассердился он на себя. – Да Курачи, будь он неладен!

Почему-то сразу расхотелось твердить алтайские слова.

Он захлопнул словарь. Прикрутил фитиль у лампы. Разделся. Лег на жесткую постель, устроенную из двух сдвинутых скамеек. Спать не хотелось.

Сквозь круглые дырки в печной дверце на полуобгорелых поленьях виднелись пляшущие язычки пламени. Павлов засмотрелся на них.

...Как же далеко занесло его. Честно признаться, до войны он и не знал, где это – Горный Алтай, что за край, что за люди там живут. Далеко, в общем, от Большой Земли. Газеты приходят с опозданием на неделю, а то и две, пачками. Радио нет. Даже не верится, что сравнительно близко – Чуйский тракт, первоклассная автомобильная дорога, что в нескольких сотнях километров – большие города. Другой мир!.. Правда, каждая весть с фронта какими-то неисповедимыми путями мгновенно достигала Дьяйлу. И не только радостная... А вот писем пока нечего и ждать. Сколько жене писал – и все без ответа: кочевал из госпиталя в госпиталь. Отсюда отправил тоже без всякой уверенности, что надолго задержится. Теперь, видно, дождется здесь. Но когда?.. Ближний свет от Дьяйлу до Ленинграда и обратно...

– Плохо, Данилыч... – вздохнул Павлов и закрыл глаза.

Присмирившие, но, видимо, довольные, что легко отделались, вернулись Каргаа и Самтар. Почему их отпустили, они и сами плохо поняли.

Самтар сразу попросился на любую работу, стал собирать по дворам золу, птичий помет, навоз. Развозил удобрения на двух саях по полям – куда скажут. Тише воды, ниже травы! Не спорит ни с кем, не жалуется ни на кого. Подменили Самтара!

Каргаа никому на глаза не стала показываться. Заперлась дома, отсиживается. Только надолго ее не хватило. Но тут уж была особая причина – похоронная пришла: погиб на фронте Сакар Угарыч... Крепко подкосило это сварливую и заносчивую Каргаа. Привыкла она ни о чем не заботиться, пока рядом был Курачи. О муже и не вспоминала. Он сам о себе напомнил... своей смертью...

Вот когда переполошилась. Хлеб, что наворовала вместе с Курачи, забрали. Вещей Сакара Угарыча и в помине не осталось – все промотала. А жить надо. Сунулась Каргаа к матери – там тоже не отломилось.

Каргаа растерялась, но пуще того озлобилась. И больше всего возненавидела Павлова. Бегала по деревне и ругательски его ругала. Это он беспутную Арину начальницей сделал. Видано ли?

Разыскала Каргаа в соседнем урочище старуху знахарку, попросила ее, чтобы Павлова прокляла. Потому хоть бы что – ходит по Дьяйлу, работает, с людьми разговаривает, Арине и Боргою-кузнецу первый помощник.

Он и думать не думал, что Каргаа что-то против него имеет. Встретил как-то ее, поздоровался, спросил:

– Ну, Катя, – он ее по-русски назвал, – какую же работу дать?

Каргаа плюнула в его сторону:

– Собака ты. Зачем приехал сюда? Кто тебя звал? Это ты моего мужа сгубил!

Павлов, признаться, и не знал о Сакаре Угарыче. Иначе бы как-то по-другому сказал. А он:

– Ваш муж сам виноват. Не надо было ему колхозное добро растаскивать.

Каргаа в голос:

– Мой муж на фронте погиб! Это ты, стеклоглазая собака, виноват!

Ничего не поняв, Павлов, однако, рассердился.

– При чем тут фронт? И я тоже ни при чем. Насколько мне известно, вашего мужа будут судить. Может, и на фронт пошлют. Так это только справедливо будет. Он, по-моему, еще не погиб. А мог погибнуть. И не на фронте, а здесь, на Алтае. Его, честно-то говоря, спасли. И колхоз, надеюсь, спасли. От него спасли. Так что зря вы шумите.

Каргаа совсем осатанела:

– Можешь и меня в тюрьму посадить. Я тебя не боюсь. Выбью тебе, собака, стеклянные твои глаза! Я здесь родилась и выросла. А ты откуда взялся? Зачем в нашу жизнь лезешь?

И ведь чуть в самом деле с кулаками на Павлова не бросилась. Люди рядом оказались – оттащили. Каргаа вырывалась, плевалась, кричала:

– Дорогой муж!.. Стеклоглазая собака!..

В полном недоумении Павлов поспешил к амбарам, где сортировали семена. В айзо не обманули – следом за Ариной послали семенную ссуду.

Из-за этих семян Арина с Павловым крепко поспорила. Как только привезли – пшеницу, ячмень, овес, – Арина распорядилась все упрятать под замок и охрану поставила. Павлов говорит – очищать семена надо, протравливать.

Она и слушать не хочет: растащут половину. Понимает сама, что несортированными семенами сеять нельзя, а боится. Едва убедил Павлов. Надо, сказал, доверять людям. И вот очистка к концу подходит, и хоть бы зернышко пропало! Арина – довольнехонька.

...Ни на следствии, ни во время суда никто не дознался о бандитском прошлом Курачи. А он на допросах прикидывался ничего не понимающим, ссылаясь на малограмотность, признавал только то, в чем его уличали и припирали фактами. Да, продавал колхозный скот на сторону. И сено колхозное продавал. Хлеб? Крал? Ну... и это было. Случалось, брал зерно.

Все, в чем его обвиняли, было в тысячу раз безобиднее того, о чем не догадывались следователи, а потом и суд.

Приговорили к десяти годам. Курачи боялся – на фронт отправят. Нет, тюрьмой обошлось.

После суда пробыл еще несколько дней в КПЗ – бывшем купеческом амбаре. Держался в особицу, с соседями по камере ни в какие отношения не вступал.

И вот – мчит закрытая машина с окнами-решетками по Чуйскому тракту. До станции почти двести километров. Выехали в полдень. Пospеть надо дотемна назад вернуться – какая охота конвойным в городе ночевать?

Курачи пристроился возле окошка и сквозь решетку разглядывал знакомые каждым распадком горы, каждой тропой леса. С любопытством поглядывал на коричневых от весеннего солнца и долгой дороги монголов-караванщиков, на высокомерно шагающих длинноногих мордатых верблюдов. Ему, Курачи, было безразлично, когда его доставят на станцию. Ему спешить некуда. Десять лет впереди...

Машина остановилась, пропуская встречный поток машин и верблюдов. Снова тронулась. На этом участке ремонтировали дорогу – сильно трясло. Глядеть в окно стало неинтересно. Но вдруг Курачи вплотную приник к стеклу. От тракта отходил знакомый рукав – на Дьяйлу...

Такая злоба охватила Курачи, что он даже зубами заскрипел.

Еще остановка. На этот раз у шлагбаума. Сержант на контрольно-пропускном пункте проверил у сопровождавшего заключенных милиционера Дьялбаева документы и лениво махнул рукой, разрешая ехать дальше.

Машина потихоньку проехала через мост, свернула на обочину. Шофер поднял капот, стал копаться в моторе.

– Придется, однако, ночевать на станции, – посетовал начальник конвоя, вислоухий старшина.

Дьялбаев согласно поцокал языком.

– Пить охота! – запросили заключенные.

– Выпусти одного, – распорядился старшина, – пусть принесет. Все одно мотор перегрелся, остужать надо. И проследи.

– Кто пойдет за водой? – спросил Дьялбаев.

– Сам принесешь! – огрызнулись в машине.

Дьялбаев взял из рук старшины кисет, достал из него щепоть махорки.

– Не хотите, не надо.

Из глубины машины послышалось:

– Ладно. Я схожу. Открой.

Милиционер не спеша свернул сигарку, прикурил от огнива, отомкнул дверь. Навстречу ему, щурясь от яркого света, вылез Курачи. Дьялбаев посмотрел на него пристально. Сказал по-алтайски:

– Возьми у шофера ведро.

Видя, что заключенный осторожно, неторопливо спускается по обледеневшему крутому берегу к реке, Дьялбаев так же опасливо, боясь поскользнуться, пошел за ним. На ходу крикнул старшине:

– Что у тебя за махорка? Не горит!

Неширокая в летнюю пору река набрала воды из бесчисленных ручьев и ручейков и, белая от пены, бешено билась о камни.

Курачи был уже почти у берега. Милиционеру показалось что-то неладное в его поведении – Курачи зашагал быстрее, в сторону от моста.

– Куда! – закричал Дьялбаев.

Курачи прибавил шаг.

Швырнув в сторону сигарку, милиционер заскользил по крутому спуску.

Мешая русские и алтайские слова, он закричал:

– Стой, тебе говорят, ийтинг кёчёги! Черпай на этом месте!

Курачи протянул руку с ведром к воде, но не дотянулся или только сделал вид, что не смог дотянуться. Оглянувшись на милиционера, махнул головой – дескать, сам видел! – и быстро пошел вдоль берега, удаляясь от конвойного.

– Ложись! – Дьялбаев торопливо выхватил наган и побежал.

В том месте, до которого дошел Курачи, камни, мокрые от пены и брызг, почти перегораживали русло реки. Между камнями было довольно большое расстояние, но все же, с известным риском, по ним можно было бы перебраться на другой берег.

Только теперь Дьялбаев сообразил, что замыслил заключенный. Еще раз окликнув его, он выстрелил в воздух.

Курачи прыгнул на камень.

Милиционер выстрелил вторично.

От КПП к нему на помощь бежали два солдата.

Курачи, не оглядываясь, прыгнул на следующий камень.

Дьалбаев выругался, скинул шинель и бросился вдогонку.

Ведро все еще было в руках у Курачи.

Один из солдат припал на колено, приложился к винтовке. Пуля цокнула по ведру, пробила его. Курачи зашатался, но тут же выпрямился, и поскакал с камня на камень.

Дьалбаев, стреляя из нагана, побежал следом за ним. Ему не повезло: поскользнувшись, он упал в воду. Пока с помощью подоспевших солдат милиционер выбрался на берег, Курачи был уже на той стороне реки. Он швырнул ведро, погрозил кулаком и скрылся в густом сосняке.

10

Арина спешила в Дьяйлу. Накануне закончилось двухдневное совещание в райкоме и аймакисполкоме, на котором, как ни странно, расхвалили колхоз «Дьяны дьол». Своих заслуг Арина в этом не видела: Павлов все организовал. Но факт оставался фактом – дьяйлинцы одними из первых в аймаке подготовили к весне плуги и мелкий инвентарь, закончили сортировку семян. А раз колхоз впереди, значит председатель хорошо поработал. Ему и почет.

Смущаясь от похвал, Арина слушала, как секретарь райкома – все в том же полувоенном кителе – ставил в пример всему активу «самого молодого руководителя».

– Мы не ошиблись, выдвинув товарища Карышеву на ответственный пост, – говорил секретарь. – Вы все знаете, что колхоз «Дьяны дьол» долгое время был отстающим из отстающих. За короткий срок в этой артели достигнуты

замечательные результаты. Мы выражаем уверенность, что «Новый путь» успешно проведет весенний сев и тем самым внесет свой достойный вклад в дело общей борьбы с ненавистным врагом!

Конечно, все аплодировали, а Арина, еще больше смущаясь, готова была тут же вслух заявить, что ее хвалить не за что, а как все это у них получилось, она и знать не знает, что плуги Павлов сам вместе с дедом Боргоем чинил... И совсем было непонятно, что нахваливал ее тот самый секретарь, у которого она была на приеме и который так сурово разговаривал с нею.

А ее уже вызывали на сцену, и секретарь крепко жал ей руку. И опять раздались аплодисменты. Премию ей вручили. Лучшему председателю! Руки у Арины тряслись, когда она принимала аккуратно перевязанный ленточкой сверток и деньги в конверте. Все же было приятно, что хвалили, поздравляли, дали премию.

В заезжем доме, как только вернулась, скорее смотреть – чем же наградили. В свертке оказался синий свиотовый костюм. Никогда такого не носила! Конечно, захотелось немедленно примерить. Костюм пришелся как раз впору. Жаль, показаться в нем было некому...

На ночь глядя возвращаться домой не решилась, осталась до утра. Попутчики отправились чуть свет. Она задержалась, чтобы на полученные деньги купить для гостей гостинцев – в исполкоме талоны дали в распределитель. И себя не забыла. Очень уж подошла к костюму голубая с большими алыми цветами косынка. Даже тот шелковый платок, что когда-то дарил Одой, не так был к лицу, как эта косынка.

А вот домой пришлось отправляться пешком. Арина ничуть не жалела, что прошагает целый день. Погода

стояла теплая, солнечная. Нарядная, с покупками, вышла из заезжего дома. Легко было идти. Не заметила, как остался далеко позади аймачный центр.

Дорога вилась между невысокими в этих местах холмами. С одной стороны почти вплотную к ней подходили распаханые поля, над которыми поднимался легкий парок. По пашне важно расхаживали грачи. Время от времени небольшими стайками они взмывали в воздух и галдели – должно быть, спорили между собой. Жаворонок заливался высоко в небе.

По другую сторону дороги бежал ручей, вобравший в себя вешние воды и превратившийся в довольно широкую речку. К нему склонились ветки ив, на которых раскудрявились сережки. Ивы были такие же нарядные, как Арина.

Не удержавшись, подошла к ручью, сломила веточку ивы. Хорошо!..

Положила под куст свертки с покупками и окунула ладони в воду. Брызнула себе в лицо и оглянулась – не видит ли кто. Вот, подумают, шальная! Никого, конечно, не было. С наслаждением умыла лицо холодной водой и долго-долго сидела, запрокинув голову.

И опять вилась дорога. Арина размахивала веточкой и легко шагала, радуясь весне, солнцу, молодой зелени, поющим птицам. Она ощущала в себе какую-то новую силу. Она чувствовала, что теперь не одна, что нужна не только детям. Пусть даже зря ее похвалили на совещании. Она сама будет работать так, чтобы в другой раз не краснеть и не смущаться. А если что и не сумеет – помогут, как помогали все это время, что она председатель...

Впереди, за холмом, куда сворачивала дорога, зазвякали колокольчики. Вскоре оттуда показалась голова каравана.

на. Один за другим шли верблюды, нагруженные тюками с шерстью. Арина отошла в сторонку и остановилась на краю дороги. Как ей хотелось, чтобы хоть кто-нибудь обратил на нее внимание, заметил, что она хорошо одета, что у нее радостное настроение... И ведь заметили! Караван-баши, пожилой монгол с дочерна обветренным лицом и узкой бородкой, улыбнулся ей и крикнул что-то по-своему другим погонщикам. Те тоже разулыбались. Караван-баши приподнялся и, сверкнув белыми зубами, похлопал ладонью по тюкам, будто хотел сказать: «Садись! Поедем с нами!» А может, и другое: «Для тебя ничего не пожалею! Хочешь? Этого верблюда со всем грузом отдам!»

Монголы дружелюбно кричали ей, махали руками. И Арина тоже улыбалась и размахивала зеленой веточкой, зажатой в руке.

Солнце уже добиралось до своего потолка. Надо было спешить, чтобы засветло прийти к перевалу. Арина, как девчонка, перепрыгивала через ручейки, скользила по крутосклонам, цепляясь за ветки кустарников, источавших нежный аромат весны.

Как же ей было хорошо!

Даже когда начался постепенный подъем на перевал, она не сбавила шага. Просто удивительно, до чего легка и неустойчива была сегодня дорога!

И все-таки пройденные километры давали себя знать. Арина почувствовала это, взойдя наверх, и пошла чуть медленнее. Видно, оттого, что близился закат, что гуще и темнее стал лес, что подступила усталость, что нельзя же было без конца все радоваться да радоваться, мысли переменились.

Вспомнилось, как представитель из области рассказывал на совещании о войне.

– Наша победа близка, товарищи, – говорил он.

Когда же будет она, победа? Сколько еще ждать ее? Конечно, всем сейчас трудно. И тем, кто на фронте, и здесь, на Алтае. А жизнь, как ни тяжела она, все равно хороша!..

В лучах заходящего солнца заалели вершины дальних гор. Глядя на них, Арина вспомнила, как когда-то, уходя с Одоем из Дьяйлу, прощалась с этими горами. Глупая была! Разве уйдешь от них? И Одой смотрел на них как замороженный... Если бы он увидел ее сейчас, сегодня... Может, его и в живых нет?

Шорох сзади спугнул ее мысли. Почему-то сильно забилося сердце. Послышались осторожные, но торопливые шаги. Арина оглянулась. В нескольких шагах от нее, криво усмехаясь в грязную спутанную бороду, широко расставив ноги, стоял Курачи.

«Как он похудел!» – только это и пришло ей в голову.

Инстинктивно Арина отшатнулась, но оказалась не в силах сделать хотя бы шаг. Ноги будто приросли к земле.

Оборванный, грязный, худой, Курачи, по-прежнему усмехаясь, спросил:

– Ну, как, активистка, орден еще не получила?

Арина не ответила.

– Что молчишь? – Курачи переступил с ноги на ногу.

«Должен же кто-то ехать по этой дороге! Неужели его не ищут?»

Угадав ее мысли, Курачи насупил брови. Сильнее заходили желваки под скулами.

– Волк ты. Волк двуногий, – внезапно с поразительным спокойствием сказала Арина.

– Замолчи! – хрипло, не повышая голоса, произнес Курачи. – Убью! Весь твой род прикончу. И стеклоглазый тот от меня не уйдет!

– Ну и убивай. Будет в Дьяйлу одной бабой меньше. Беда какая... Меня люди похоронят, а твои кости звери растащат...

– Замолчи, говорю! – Курачи поднял руку.

– Не будет по-твоему!

В руке у Курачи блеснул нож.

«Костюм кровью испачкает!» – только и успела подумать Арина.

Бок обожгла острая боль.

Ветка, усыпанная пушистыми сережками, упала на землю.

Верхушки деревьев поплыли куда-то, закружились...

На мгновение промелькнуло уже начавшее темнеть небо, но его тут же закрыла опрокинувшаяся вниз вершиной гора...

11

Наконец-то пришло письмо! Где только не странствовал истрепанный конверт. Жена отправила его в адрес эвакогоспиталя. Оттуда по всем этапам долгого его лазаретного пути добралось оно до Бийска. Побывало в Барнауле – в крайкоме. Пока конверт добрался до Дьяйлу, состарился на целую зиму!

Все равно это была настоящая радость. Конечно, жена меньше всего писала о себе и ребятах. Исписанные размашистым торопливым почерком страницы были полны советов и предостережений: не думать, что из госпиталя выходят совершенно здоровые люди – не то время, чтобы долечивать, соблюдать режим, категорически бросить курить, питаться – как можно лучше питаться... Господи! До чего же здорово! Доктор Павлова в своем репертуаре. Можно подумать, что сама она живет вовсе не в блокадном Ленинграде. «Режим!»! «Питаться!»! Милый ты мой доктор!..

Впервые за долгие-долгие месяцы Павлов чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Дед Боргой сразу заметил, что у Павлова, ставшего теперь его квартирантом, а вернее – членом семьи, на редкость чудесное настроение.

В этот день они вволю намахались в кузнице и по дороге домой завернули в контору: Павлов припомнил, что у него где-то там припрятана осьмушка махорки, настоящей, бийской.

– Не то, что твой табак – из крапивы, – соблазнил он Боргой.

В конторе было холодно, хотя сторожиха незадолго перед их приходом затопила железную печку. Боргой и Павлов уселись прямо на полу, поближе к печке. Старик стащил с ног отсыревшие кисы и подвинул их к огню. Запалили махорки – крепкой, вкусной. Поставили чайник.

Лампу зажигать не стали. Сосредоточенно глядя на отблески пламени в печи, с наслаждением попыхивали сигарками. Приятная истома разливалась по телу.

– Милиционера Дьалбаева в Каменке видели, – нарушил молчание Боргой. – Курачи, говорят, за тобой охотится. Поберегись, Данилыч.

Павлов усмехнулся.

– Берюдэнг коркуза агааш аразына дьурбес! Так, кажется, по-вашему будет? А по-русски: волков бояться, в лес не ходить.

– Смотри-ка! – прищелкнул языком Боргой. – Совсем алтаец стал! А все одно – беда будет, если Курачи в Дьяйлу придет.

Павлов определенно не был настроен на серьезный разговор.

– Пусть приходит, Боргой Оргоевич. Мы его в плуг запряжем. Пахать на нем будем. Плуг по-алтайски будет салда. Пахать – тартар. Верно?

– Верно, верно, – подтвердил старый кузнец, – Только ты, Данилыч, не смейся. Злой стал Курачи. Совсем злой. Из тюрьмы убежал, Арину чуть не убил...

– А я и не смеюсь. Позавчера из НКВД запрос пришел. Еще не ответил. Про Курачи спрашивают. Он что – всегда тут жил?

– Не дьяйлинский. Это точно. А вот когда он у нас появился – забыл. Память стала, как хвост верблюда, короткая...

– Может, вспомнишь?

– У других спроси, Данилыч.

– И откуда взялся, не знаешь?

– Говорили, с Урсула.

– Как же вы такого в председатели выбрали?

– Э-э! Кто его выбирал! Поставили. Как-никак мужской пуп.

Чайник вскипел. Павлов оросил в него щепоть искрошенного плиточного чая – из неприкосновенного запаса, чуть выждал, чтоб настоялся, поднялся за кружками.

В дверь конторы постучали.

– Заходите, не заперто! – крикнул Павлов.

Вошел низенький, плотно сбитый алтаец. Даже в полутьме нельзя было не заметить его бойкие, шустрые глаза. Прямо с порога он одним взглядом обежал всю контору – и тех, кто в ней находился, и печку, и чайник... Шмыгнув маленьким курносым носом, он обратился к Павлову, плохо выговаривая по-русски:

– Ты памошник? Да? – и протянул руку, – Дьатпанаков. Нахай Ногоевич меня звать. Райком прислал председатель на вас.

– Ну, ну, ну-уу, – протянул Павлов. – Понятно. Жаль... Это, извиняюсь, не вам... Присаживайтесь, Нахай Ногоевич... Фамилию, виноват, сразу мне не выговорить... Может, чайку с нами выпьете?

– Нет, – коротко бросил от порога Нахай Ногоевич и быстро подался из конторы. – Говорить будем послае. Жена улица ждет... – Он громко засмеялся и хлопнул дверью.

– Откомандовала Арина! – Павлов швырнул на пол окурок и сердито растер его сапогом.

– Дьо-ох! Спина! – застонал Боргой Оргоевич, с трудом поднимаясь с пола, – Пошли, Данилыч, ночевать.

– Ты иди. Я нового председателя пока в конторе расположу. Догоню.

Старик, кряхтя, натянул кисы.

– На полу постелю. Задержишься, дак знай...

С улицы слышались громкие выкрики:

– Близо не подъезжай!

– Об угол сани зацепятся – посуду побьем!

– Тпр-ррр!

Боргой покачал головой.

Веселый мужик новый председатель!

А Нахай Ногоевич уже таскал в контору узлы, мешки. У крыльца стояли двое саней – как он только добрался на них: с дороги весь снег сошел. Ловко закинув увесистый тючок на спину, и без того маленький, Дьятпанаксов шариком катился от саней, успевая на ходу браниться с женой, покрикивать на ораву ребятишек, жавшихся к матери.

– Ты иди, иди, – бросил он, пробегая мимо Павлова. – Завтра поговорим.

Павлов и Боргой вместе пошагали притихшей улицей.

– Мало Арина в начальниках походила, – с сожалением произнес кузнец. – Хорошая баба...

– Да-а. Хотел бы я повстречаться с этим Курачи. Ох, руки чешутся!..

– Зверь он, не человек! Как раньше не разглядел. Остановились возле избы Боргой.

– Я немножко посижу, – Павлов сел на припасенные для дров березовые сунки.

Боргой недолго повозился в сених, хлопнул дверью. Стало совсем тихо.

Павлов свернул самокрутку, закурил, облокотился на толстое бревнышко. Легкий ветерок охлаждал лицо, перебирал волосы. Пахло весной. На темно-синем небе висела одна-единственная звезда – прямо над головой, будто кто нарочно прицепил ее туда.

Павлов, не отрываясь, смотрел на звезду.

«Какой он теперь, Ленинград?.. Когда удастся вернуться? Увидеть своих... Что делают они сейчас? Жена, наверное, дежурит. А Вовка, Ленка...»

Рядом истошно заголосил петух. От неожиданности Павлов вздрогнул, мысли смешались. Пососал давно погасшую сигарку, зажигать ее снова не стал. Рывком поднялся, потянулся так, что хрустнули суставы, потихоньку прошел в избу, улегся на разостланной Боргоем медвежьей шкуре.

Было душно. Едва Павлов закрыл глаза, как тут же увидел сон: ослепительно пылавший кузнечный горн, от которого несло жаром. Возле горна, заслоняясь рукой от жаркого пламени, стоял дед Боргой. Могучий, кряжистый старик задыхался от зноя и... таял. Он становился все меньше и меньше. Уже обеими руками закрывал глаза.

Медлительный и неповоротливый, Боргой делался более подвижным, юрким. Вот он ловко отпрыгнул от горна, взмахнул руками и обернулся...

– Обманул? – заливисто рассмеялся он. – Я не Боргой. Я председатель на вас. Дьатпанакров моя фамилия. После будем говорить. После!

Павлов до того удивился нелепому сну, что, как ни ворочался, уснуть больше не смог.

«Дьатпанакров... Дьатпанакров...» Фамилия нового председателя оказалась вовсе не такой трудной. Обыкновенная фамилия. Алтайская. Павлов поймал себя на мысли, что ему доставляет удовольствие вставлять в свою речь алтайские слова, алтайские пословицы, заучить которые было, в общем-то, не так легко.

«Какой ты будешь, Нахай Ногоевич Дьатпанакров?..»

С печи и деревянной кровати несся залиvistый храп. Чуть он стихал, слышалось неумолчное стрекотание сверчка.

подавив зеvоту, Павлов глубоко вздохнул и закрыл глаза.

...Нет, это не приснилось: над ним склонился Нахай Ногоевич и тряс за плечо.

– Пошли хозяйство глядеть!

– Утро уже? – Павлов вскочил, поправил волосы.

– Какой утро – день целый!

Наскоро ополоснув лицо, Павлов вышел за Дьатпанакровым из дома. Только-только рассветало.

– Куда пойдем? В контору?

– Зачем контора? Контора – моя семья спит. Ферма пойдем.

Нахай Ногоевич мелко перебирал короткими ногами, но Павлов едва поспевал за ним, поеживаясь от утренней прохлады.

Не останавливаясь, обошли скотные дворы. Дьатпанакров ворчал:

– Колхоз называется! Зачем согласился сюда ехать?!

– Было еще хуже, – холодно заметил Павлов.

За изгородью, в загоне, похрустывали сеном кони, набравшие силу перед севом. Все, что можно было выкроить из скудных запасов кормов, берегли для них.

– Этим клячам землю пахать? – недоумевал Нахай Ногоевич. – Они хомут не поднимут!

Павлов промолчал.

– Это что?

– Кошары.

– Нет. Таких кошаров не бывает! Ясна: баба преседатель.

Павлов и тут сдержался:

– До бабы мужик был. Он и довел хозяйство. Карышева много успела поправить.

В кузнице Дятпанаков обрадовался.

– Тут порядок. А кого в твои плуги запрягать будем, старик?

Боргой глянул на хмурое лицо Павлова.

– Кого скажут, того и впряжем. Мое дело чинить.

А Нахай Ногоевич уже семенил к конторе и брюзжал:

– Разве контора? Курятник!..

12

Высокая и такая худая, что узкий халат был ей просторен, медицинская сестра неслышно пересекла палату, останавливаясь по пути возле каждой постели и всматриваясь в лица больных – не нужно ли что кому. Дойдя до койки Арины, произнесла:

– К вам приехали. Спуститесь в приемную.

«Кто бы это? – разволновалась Арина. – Может, дочка?..»

Слегка пошатываясь от непривычной легкости и головокружения, не без труда спустилась по лестнице и тут же увидела Павлова. Он обеими руками взял сухую и жаркую руку Арины, осторожно пожал ее.

– Здравствуйте! – голос его прозвучал глухо и чуть хрипловато. – Как чувствуете себя?

– Спасибо, – Арина немного растерялась. Уж никак не могла представить, что Павлов ее навестит! – Обещают скоро выписать.

Чисто по-женски оглядела Павлова и не могла не заметить, что гимнастерка у него давно не стирана и сапоги вот-вот развалятся. А лицо, небритое, обветренное, веселое. И глаза из-под очков смотрят по-доброму.

Все еще испытывая неловкость, спросила:

– Как там у нас?

– Семян добавили. Вот приехал...

Павлов усадил Арину на скамью и, сделав знак, – подождите, мол, – принялся развязывать рюкзак. Пока возился с затянувшимся в тугой узел шнурком, искоса поглядывал на Арину, похудевшую, бледную. Павлов выудил из рюкзака бутылку молока, затем полбуханки черного хлеба и два больших куска сахара.

– Вот – сказал он, протягивая Арине гостинцы, – Как говорится, чем богаты...

Арина спрятала руки за спину.

– Зачем мне...

– Вот это зря, – укоризненно покачал головой Павлов – Как это по-алтайски будет. Бастыра дью-ре-ги-ненг – с трудом одолел слово. – Верно? От всего сердца!.. Хоть и не густо, а все к больничному пайку добавка. Вам сейчас лучше надо питаться – организм требует. Мне из Ленинграда жена пишет: ешь больше! А я когда с госпиталем расстался?

– Письмо получили? – порадовалась за Павлова Арина.

– Получил! До того рад – даже тут не утерпел, похвастался... Берите, берите.

– Я уже поправляюсь... Домой хочется. Ребятишки сколько одни...

– Ох, я, дурак! – всполошился Павлов. – Говорю черт-те что!.. О детях не беспокойтесь. Они Чейнеш слушаются. Я к ним захожу. Женщины каждый день бывают. Продукты им выписали. Дрова есть...

– Домой хочу, – вздохнула Арина.

– Я с врачом говорил: рано пока.

– Врач мне сам сказал, – не сдавалась Арина, – не сдавалась Арина, – не шибко опасно... Когда привезли, маленько еще – и умерла бы... А маленько не хватило! – Она улыбнулась, но улыбка вышла жалкая, умоляющая, – Может, попросить? Отпустят?

– И думать нечего! Разрешат – сам приеду. А пока... придется потерпеть.

Арина мизинцем смахнула слезинку.

– Это на меня не действует, – шутливо, с напускной строгостью добавил Павлов. – Ребятам передам: видел своими глазами. Обрадую, что скоро будете дома. Скоро!.. Так что не надо волноваться. – Голос его потеплел, он легонько коснулся ее плеча.

Вздохнув, Арина поднялась.

– Спасибо, Евгений Данилыч... Уж дотерплю.

– Вот и хорошо. Не хотел я... Да ладно. Надо все равно сказать. Прислали к нам из райкома нового председателя. Фронтовика. Бойкий мужик!.. Думаю, работать сможет... Только я уж всю правду. Ладно? Хочу с секретарем райкома поговорить, чтобы вас, когда вернетесь, вместо меня – заместителем. Я человек временный... Согласны?

Опять подозрительно заблестели у Арины глаза, но чувствовалось, что это совсем другое волнение.

– Не знаю даже... Может, не надо? Я свою ферму ни на что не променяю. Походила в начальниках... – широко улыбнулась она.

И Павлов улыбнулся.

Взяв с тумбочки, что стояла рядом со скамьей, принесенные Павловым подарки, Арина попрощалась и пошла к лестнице.

Обернулась – Павлов глядел ей вслед.

– Как у нас говорят, до скорого! – помахал он рукой.

Добравшись до палаты, Арина остановилась возле окна. На весеннем ветру шумели высокие тополя. Небо было такое яркое, что она зажмурила глаза. Даже сквозь стекло проникал стоголосый шум горных ручьев. Вдали меж деревьев мелькнула чья-то фигура. Показалось, что это Павлов.

А может, это был и не он...

13

...Возле колхозного амбара фыркали лошади, не умолкал оживленный говор.

Сев! Впервые за годы войны дьяйлинцы так дружно начинали весну. Всех захватила деловая суeta. Многим забываться стала эта трудная, но радостная пора, когда отлетают все заботы, кроме одной, общей, когда после утомительно долгой, монотонной зимы вырываешься на простор полей, когда вдруг оказывается, что рядом с тобой – все урочище.

Торбоки, лениво пережевывая жвачку, дремали, навьюченные мешками с зерном, в ожидании, когда их поведут на пашню. Это Павлов предложил использовать торбоков, раз

коней не хватает. Сначала его подняли на смех: видно ли – бычков седлать! Но Евгений Данилыч, хоть и не силен был в сельском хозяйстве, убедил, что другого выхода нет. Сам видел в прифронтовых деревнях, как на коровах пашут.

Нахай Ногоевич суетился больше всех. Его крик раздавался то тут, то там. Куцая шинель со споротыми погонями и алтайская шапка с кисточкой придавали ему довольно забавный вид, но председателя это мало смущало.

– Поехали! – скомандовал он, и все пришло в движение.

Растянулись по дороге женщины-пахари, ведя в поводу коней. Отстали мальчишки, погонявшие медлительных торбоков.

– Эй, балам, куда смотришь! – кричал Нахай Ногоевич. – Догоняй!

Только что слышался его голос где-то далеко позади, и вот уже в самой середине колонны суетится возле Павлова. Шинель развевается на ветру, глаза сияют, на курносом носу крупные капли пота. На ходу перебросился словом и уже умчался вперед, и опять кричит:

– Что за колхоз! Порядочных хомутов нет...

Нахай Ногоевич предпочитал изъясняться на русском языке, но получалось у него так, что ни Павлов, ни алтайцы не разбирали и половины. Чтобы быть понятным, Дьатпанаков повторял отдельные слова по-алтайски, и тогда совсем уже получалась неразбериха.

– Семен, чечмень совсем мало. Однако ехать аймак – овса просить? – озабоченно спрашивал он у Павлова, и как ни смешно было слышать его тарабарщину, Евгений Данилыч проникался той же заботой: в самом деле семян ячменя могло не хватить, и кому-то, может и Дьатпанакову, надо было отправляться в аймак просить хотя бы овса.

Не шибко грамотный, Нахай Ногоевич изумлял Павлова своей хозяйственностью, расторопностью, энергией. Почему его демобилизовали, Павлов пока не удосужился узнать. И вообще не было случая потолковать с ним обстоятельно. Никакая сила не могла удержать Дьатпанакова хотя бы несколько минут за серьезной беседой. Он постоянно вспоминал о неотложных делах и, обрывая разговор на полуслове, исчезал, чтобы, появившись за день еще десяток раз, столько же раз убегать с новыми заботами. Павлов удивился бы, увидев его неторопливо шагающим по улице. Нахай Ногоевич признавал только рысь. Маленький, коротконогий, он трусил по Дьяйлу, и полы его кургузой шинели разлетались в стороны, на груди звякали медали. При всей своей заполошности и крикливости он оказался очень хорошим человеком, незлобивым, внимательным.

В поле у него еще прибавилось прыти.

– Двигайте, ребята, двигайте! – покрикивал он на бороноволоков. – Больше хлеб вырастим, скоро победа будет. Хлеб – наши снаряды. Кто норму перевыполнит – премия дадим.

Дьатпанаков, что называется с ходу, забросал Павлова множеством поручений, будто само собой разумелось, что заместитель должен работать за десятерых.

С покрасневшими от постоянного недосыпания глазами, небритый, всегда взбудораженный, Нахай Ногоевич врывался на стан и накидывался на Евгения Данилыча:

– Пачему баба Бабанай выполнил норму, а баба Чоргош нет? Чом дела? Пачему не знаешь?

– Ну откуда мне знать? – спокойно отвечал Павлов. – Вы голова хозяйства. Я только ваш помощник...

– Помощник?! – вскипел председатель. – Помощник баба Чоргош тоже может быть! Все равно норма не выполнил. Чем не помощник?

– Ну, скажем, я политрук, – понимая, куда клонит Нахай Ногоевич, сдавался Павлов, едва сдерживая улыбку. – А вы – командир. Только лошадей-то у Чоргош надо менять.

– Лошадей нет, – успокаивался Дьатпанак.

– И я знаю, что нет. Будут подменные кони – норма будет. Не только у Чоргош.

Нахай Ногоевич снова вспыхивал, но это уже в нем бродил новый заряд инициативы.

– Найдем!

Очередную атаку Павлов отбивал другим советом:

– Вот что, товарищ командир. О питании бы подумал. Люди целыми днями в поле голодные. Хорошо бы чаю достать, муки немного...

– Найдем!

Если дела шли хоть немного получше, Нахай Ногоевич относил успех исключительно на свой счет. Не прочь в таких случаях был и прихвастнуть.

И вот еще что заметил в нем Павлов. Даже в крайней запальчивости, готовый, кажется, ввязаться в драку, Дьатпанак никогда не позволял себе при людях указать Евгению Даниловичу на какую-нибудь ошибку или допустить грубость. Лишь наедине порой давал волю словам и чувствам. И мгновенно остывал, так что на вспышку его и обидеться было невозможно: не со зла же, в азарте!

С таким председателем можно было работать.

Павлов осторожно заметил Нахаю Ногоевичу, что он не совсем добросовестно отчитывался перед айзо. Тот вспылил.

– Это тебе не портфель, а борозда!

– Взрослый ты человек, – принялся стыдить его Павлов, – а рассуждаешь, как ребенок. К тому же коммунист, фронтовик. Почему все-таки вчера послал неверную сводку? Объясни.

Нахай Ногоевич растерянно мигал.

– Разве на фронте медали ты обманом получил? – Павлов сделал вид, что не заметил перемены в нем. – Придется сообщить правильные сведения.

Дьятпанакров молчал.

Преувеличивал свои достижения, конечно, не один Нахай Ногоевич. Это была довольно распространенная болезнь. Но Дьятпанакров вступил в такое соревнование с другими председателями колхозов не из корыстных побуждений. Он наивно старался не уронить свое солдатское достоинство и, чего греха таить, любил, когда хвалили...

Сводку Нахай Ногоевич исправил. Но подошла к концу декада, и он опять согрешил. Крупно. Да так, что аймакисполком поздравление прислал.

– Придется обратно отправить, – огорчился Евгений Данилыч. – Не заслужил ведь. А?

Председатель только крикнул. Тут же исчез и не появлялся весь день. Переживал.

Бригадный стан находился километрах в десяти от Дьяйлу. Здесь поставили два вместительных аила. Один для женщин, другой – для стариков и мальчишек, с которыми поселился и Павлов.

Небольшие участки пашни были разбросаны по гривам и ложбинам на порядочном расстоянии от стана, и многие колхозники оставались ночевать в поле: уставали так, что тащиться в темноте к аилам, а чуть свет снова добираться до своего поля желающих находилось все меньше и меньше. Не отдохнув как следует, перехватив что придется, всухомятку, люди и работали хуже.

Нахай Ногоевич встревожился.

– Что делать будем, политрук?

Придумали вместе: кто перевыполняет норму, получает однодневный отпуск.

Женщины обрадовались. Теперь отбоя не стало от тех, кому полагался выходной. Хоть всем разрешай уезжать в урочище! Пришлось устанавливать очередь.

Над свежевспаханной бороздой кружился пар. Жаворонки просто с ума посходили – так стремительно взмывали ввысь и, цепляясь крылышками за густую синеву неба, без усталости пели, вдруг падали чуть не до самой земли и снова уносились в поднебесье.

Павлов вдыхал аромат земли, слушал ликующие напевы жаворонков, пытался сам высвистывать птичьи песенки, но выходило мало похоже.

– О-о-ей!.. – донеслось с края пашни.

Щурясь от яркого солнца, Павлов поглядел в ту сторону.

Мальчишка, сидевший верхом на лошади, махал руками и орал изо всех сил, пытаясь заставить тощую клячу шевелиться. Ничего у него, однако, не выходило. Женщина-пахарь бросила плуг, прошла в голову упряжки и хлестнула несколько раз кнутом переднюю лошадь. Гнедая кляча неохотно переступила и снова остановилась. Ни крики мальчишки, ни удары кнута на нее не действовали. И другие две лошаденки, припряженные плугом, будто вросли в землю.

Мальчишка громко заплакал. Должно быть, удар кнутом пришелся по нему. Почти одновременно лошадь завалилась на бок, едва не придавив маленького погонщика. Он заплакал еще сильнее. Павлов побежал туда.

– Что случилось? – крикнул он издали.

– Нога, нога... – размазывая грязь по лицу, повторял мальчуган.

Павлов склонился над ним.

– Э-э, ты что же, солдат, ревешь? – узнал он Кара.

Глотая слезы, мальчик перестал кричать и только всхлипывал потихоньку.

Павлов гладил его жесткие волосы, успокаивал, а самому было больно за мальчишку. Ноги в цыпках, лицо перемазано, ручки дрожат... Такому бы играть да играть, а он, как взрослый, работает в поле.

Худые бока у лошади тяжело вздымались. Большие глаза были устремлены в небо. Казалось, они говорили: «Что хотите, делайте со мной – не встану». Женщина через силу пыталась поднять клячу. Павлов поспешил к ней. Вдвоем не без труда поставили лошадь на ноги.

По-настоящему гнедуху надо было пустить на все четыре стороны, чтоб попаслась вволю. Но работа ждать не могла.

– Давай, солдат, подсажу... Ты уже большой. Чего же слезы лить...

Кара улыбнулся и, как ни в чем не бывало, замахал руками.

– О о-ей!

У других пахарей лошади были немногим свежее и тоже кое-как тянули плуги. А чья-то пара со спутанными ногами преспокойно паслась на молодой граве.

Павлов огляделся, соображая, кого же недостает.

– Где Самтар?

«Наверно, на охоту ушел», – подумал он и принялся запрягать лошадей.

– Самтара не видел? – спросил у старика Саламчи.

Саламчи плюнул и покосился на солнце, прикидывая, скоро ли обед.

– Глаз затылка нету, – схитрил он.

– Ох, старик, знаешь! – раскусил его лукавство Павлов, – Думаешь, если курана подстрелит, с тобой мясом поделится? Заставим отдать. Пусть вся бригада ест. Так-то, дед Саламчи...

– Если пустой придет, что скажешь, а?

– С пустыми руками вернется, другой разговор будет... Стыд какой! Женщины, ребяташки сил не жалеют, а мужик, видишь ли, забаву нашел – охотиться ему захотелось! Н-но! – понужал он лошадей.

«Хоть бы пару тракторишек!» – с грустью подумал Павлов.

...Солнце садилось, окрашивая поля и горы в красный цвет. Тучи, сгустившиеся на юге, пылали пожаром. В горах начинали вечернюю переключку кураны.

Вот и долгожданный сигнал кончать работу. Женщины мигом распрягли коней и побрели на стан. Над притихшими полями зазвучала песня:

На дорогу дальнюю, грустную

Глядеть с тоской не устаю.

Ушедшего на войну милого
С надеждой ждать не устаю...

Павлов замешкался и отстал. Незнакомые слова и мотив не могли скрыть чувств, и Евгению Данилычу передавалось настроение поющих женщин. Он шагал по вспаханному полю, опустив голову.

Горизонт темнел. Он уже стал фиолетовым. Там, где небо сходилась с землей, тускло поблескивала тоненькая нитка Катуня.

14

Из больницы Арину выписали с условием: по крайней мере месяц – никакой физической работы! Врач и Павлову, приехавшему, как обещал, за Ариной, наказала:

– Пусть побережется. Ранение нешуточное.

Странные люди, врачи. Ну как это – не работать?

А что же тогда делать? Дома сидеть? Так дома хлопот ничуть не меньше с детьми да со своим хозяйством. И вообще, как бы, интересно, смогла Арина хоть день ни к чему не приложиться? Врачу она, конечно, кивала – соглашалась, поблагодарила. Обнялись даже на прощанье. И на Павлова смотрела – такая послушная! А на уме одно: домой бы скорее!

Только порог переступила – будто и в больнице не была. В избе чисто, прибрано, ребятишки умыты. А кажется – все не так, все не по ней. Взялась по-своему – тут помыть, там поскрести, убрать, постирать, приготовить... Дня не хватает. А все вроде бы без дела. И совестно: Чейнеш на ферме, Кара – в поле. Что же ей – со старыми да малыми себя равнять?

Не утерпела – пошла на ферму. Подходить стала – слышит, дочь с кем-то говорит.

– Кто тебя научил так за телятами ходить? – спрашивает мужчина.

Чейнеш отвечает:

– Мать.

– Маладец!..

Арина входит в телятник и видит незнакомого человека в короткой шинели. На ногах у него какие-то чудные ботинки на толстой подошве. Короткие толстые икры туго перетянуты обмотками.

– Ва! – восклицает мужчина и протягивает ей обе руки, – Старый хозяйка приехала! Зарезалась, бросила колхоз... Ц-ц-ц! Не сердись. Шутка это...

– Что поделаешь, не вышло из меня начальства, – вздыхает Арина. – Отказывалась я. Да кому-то надо было...

Дьятпанакров, видимо, польщенный, многозначительно произнес:

– Думаю, твой место тут, – и покосился на клетки с телятами. – Дочка хорошо научила. Такой чай телятам варит, людям давать можно. Харашо! – Добавил по-алтайски: – Поправишься, бери опять ферму.

Громко стуча подкованными американскими ботинками Нахай Ногоевич заспешил с фермы.

Арина было обрадовалась и назавтра отправилась в контору. Но видно, Павлов поговорил с председателем. Встретил ее Дьятпанакров хорошо. Говорил, правда, как-то странно. Вроде с Ариной беседует, а сам еще с пятью или шестью, и все о разном. Кто ни покажется, кто ни зайдет – тут же о чем-то спросит. Скажет два-три слова Арине и снова к кому-то обращается.

– Работать? – удивился он, – Какой работа? Доктор велел отдыхать. Успеет работа.

Так ни до чего и не договорились.

Взяла да и отправилась Арина в бригаду. Там еще хуже вышло. Павлов увидел – рассердился. Накричал даже. И не похоже на него. А после отошел.

– Ну что с вами делать?

– Поварихой останусь.

Кара обрадовался, что мать с ним будет. Арина и не думала, что он такой ласковый. Уж так соскучился! Но при людях держится независимо – взрослый. Не сразу решился, а перебрался все-таки к матери в женский аил.

Отмывая чумазого мальчишку от вьевшейся в него грязи, Арина заметила, что за кустами тальника, стараясь не привлекать к себе чьего-нибудь внимания, расположился с постирушкой Павлов. Кое-как пошоркав рубаху, он неловко отжимал ее, встряхивал, разглядывал, недовольно качал головой и принимался шоркать снова.

Арина усмехнулась про себя, приложила палец к губам, чтобы Кара не выдал ее. Тот понял. Потихоньку подошла к Павлову, и не успел он опомниться, как его рубашка была уже в руках у Арины.

Не сдерживаясь более, она громко рассмеялась. Кара тоже. Павлов смутился.

– Э-э, – протянула Арина, – Тут одной стиркой не обойтись. Чинить надо. Сейчас уж так оставим. Завтра зашью. И гимнастерку зашью.

– Что вы, Арина Саналовна! – всполошился Павлов.

Помощь эта пришла как нельзя более кстати, но Евгений Данилыч чувствовал себя неловко.

Арина поняла его смущение.

– Никто не увидит...

Когда латала его гимнастерку, пропахшую табаком и крепким мужским потом, думала не о нем – об Одое. Где-то он... Как хотелось верить, что вернется. Он ведь умный и добрый, Одой. Ему бы еще характер такой, как у Павлова...

Ей по-бабьи было жаль Евгения Данилыча, очутившегося в далеком краю, оторванного от семьи. Хоть чем-нибудь хотелось приветить этого человека.

Кара тоже к нему привязался. С поля только с ним возвращается. Разговаривает! Ни с одним взрослым так себя не ведет. Не будь матери, не отходил бы от Евгения Даниловича...

Вот вернулась она из больницы. Ни на кого обижаться не может – встретили ее тепло, с сочувствием. Чейнеш рассказывала, что без матери у них чуть не пол-урочища перебивало. То принесут что-нибудь, то просто прибегут попроведать. Даже бабушка Чоргош была. Она уже совсем старая, Чоргош. И заговариваться стала. Пришла с гостинцами, поплакала...

В бригаде тоже все по-хорошему.

Боялась нового председателя. Зря боялась. А что он вместо нее приехал, так это даже лучше.

Оставаясь на целые дни одна-одинешенька возле котлов, о чем только не передумает Арина. Редко кто заедет в неурочный час на стан. Разве что Нахай Ногоевич заскочит впопыхах, зачастит скороговоркой – и будто его и не было. То продукты привезет, обязательно сам, то спросит, не заболел ли кто, а то специально завернет проверить, как себя Арина чувствует.

Свои обязанности стряпухи она исполняла исправно, и все были довольны ею. Только не прошло и недели, как стала Арина тяготиться этой работой. На свежем воздухе она быстро окрепла. Воспользовалась очередным приездом Нахая Ногоевича и заявила, что не останется больше кашеварить, что пора ей возвращаться на ферму. Председатель умчался, не сказав ни да, ни нет. А вечером Павлов передал, что Дьатпанакоев согласен.

Пусть говорят что хотят: случай, судьба... А вот так и было. Только домой вернулась – письмо. От Одоя. Даже глазам не поверила. Но это было действительно его письмо! Большой лист бумаги, с обеих сторон исписанный химическим карандашом.

«Лежу в госпитале. Думал, отвоевался, но теперь уже можно сказать, что жив. Скоро вернусь на фронт...»

О себе мало. Больше о детях. Как они, помнят ли... Просил, если можно, ответить. На госпиталь.

Буквы прыгали перед глазами. Арина читала и перечитывала письмо. Плакала. Заставляла себя успокоиться. Снова принималась читать, старалась отыскать что-то еще, что быть может, проглядела, пропустила...

Чейнеш прибежала с фермы, увидела заплаканную мать и перепугалась – решила, с малышами что случилось. Арина усадила ее рядом с собой, вслух, срывающимся голосом прочла письмо.

– Ты у меня большая уже, – гладила она косы Чейнеш. – Может, все хорошо будет, вернется отец – не узнает. Скажет, невеста выросла!

Опустив в смущении голову, Чейнеш обняла мать.

Посидели, погрустили, будто две подружки.

Арина попросила:

– Сходи-ка, дочка, к бабушке Чоргош, обрадуй ее.

Каргаа продала колхозу дом, в котором жила, и переселилась к матери. Чоргош приняла ее не очень ласково, но без скандала. Стали жить каждая сама по себе.

Все свое добро, то, что осталось от Одоя, Чоргош давно припрятала в старинный деревянный сундук, окованный жестяными полосками. Года два назад, наверное. Когда же явилась в чем была Каргаа, старуха позвала Боргоя и попросила сделать к сундуку второй замок. С ключами не расставалась ни на минуту, не очень-то полагаясь на дочь. И еду готовила только для себя.

Вырученных от продажи дома денег Каргаа хватило ненадолго. Она по-прежнему редко бывала не под хмельком, ходила простоволосая, в грязном платье. По-прежнему отказывалась работать. На все у нее был один ответ:

– Моего брата Одоя знают и в Улагане, и в Кош-Агаче. Мой муж председателем колхоза был.

За этим обычно следовала отборная брань.

Павлов, помня первое знакомство с Каргаа, предпочитал с нею не связываться. А Нахай Ногоевич (как только не надоедало) каждое утро подъезжал к крыльцу дома Чоргош и кричал:

– Каргаа-а-ау!.. Выходи быстрее! На работу пора.

– Не ори! – слышалось из-за двери. – Никто тебя не боится.

– Некогда разговаривать. Собирайся!

– Чего тебе надо? – огрызнулась Каргаа. – Что ты за начальник, с лошади слезть не можешь, в избу не зайдешь. Мой брат и муж тоже были начальниками... Попроси хорошенько, может, сегодня захочу поработать... – За дверью слышался противный смех.

– Будешь сегодня на торбоках воду возить. Поняла?

– Не пойду.

– Почему не пойдешь?

– Мне надо другую работу.

– Какую еще? – начинал терять терпение Нахай Ногоевич.

– Конторскую.

– Тьфу! – срывался Дьатпанаков. – Совсем грамота не знаешь!.. Выйдешь ты или нет?!

Дверь откидывалась, на пороге появлялась нечесаная, встрепанная Каргаа и совала в лицо председателю грязный кукиш. После этого она садилась на крыльцо и принималась плакать.

– Кому я нужна-а... Если ты медали нацепил, думаешь, тебе на людей кричать можно? Да? У меня муж... брат...

Нахай Ногоевич в сердцах вытягивал плеткой коня и уезжал, но на следующее утро опять раздавался его голос:

– Каргаа-а-ау!.. На работу пора.

Отлаявшись с председателем, Каргаа возвращалась в избу и начинала донимать Чоргош.

– Думаешь, я не знаю, кому ты добро бережешь? Потаскухе Арине хочешь отдать? Да? Таким, как она, все достается.

– Никому не отдам, – стонала Чоргош. – И тебе не достанется, змея. Иди, откуда пришла...

– Куда деньги девала, которые Одой прислал? – не отступала Каргаа. – В огонь бросила или в воду? Скоро подохнешь, а дочери родной жалеешь... Никакая власть меня из дома родного брата не выгонит.

Чоргош, чувствовавшая себя день ото дня все хуже, молча отворачивалась к стенке, а Каргаа, как заведенная, орала, брюзжала, ворчала, ругалась...

После того как сестра поселилась у матери, чаще стала заглядывать к Чоргош и Дыламаш. И у нее были свои расчеты. Ей тоже не давал покоя запертый на два замка сундук. А за Каргаа нужен был глаз да глаз. Уж эта первым делом воспользовалась бы случаем поживиться!

Изредка в доме наступало короткое затишье, но достаточно было пустяка, чтобы разгорелся скандал.

Дыламаш иногда оставляла у матери, отправляясь на работу, двух своих ребятишек. Всякий раз оставляла она и еду для них. Как правило, Каргаа что-нибудь да прихватывала себе из съестного. Вечером Дыламаш обнаруживала это, и начиналось...

– Я тут на полке сметану ставила. Где она?

Каргаа тут же откликнулась:

– Нет тут сторожей для твоей сметаны!

А то и совсем нахально:

– Курачи съел!

– Бесстыжие твои глаза! – ярилась Дыламаш. – Детей объедаешь! Ничего принести нельзя. Хлеб еще был... Куда девался?

– А что он, твой хлеб, особенный? Что твой, то и мой – из муки. Был, да сплыл. Чего нос дерешь? То ли я не знаю твои да твоего плешивого Калтара повадки!

– Ты моего Калтара не трогай! – переходила на визг Дыламаш. – Все добро Сакара Угарыча промотала, еще не сыта? Курачи тебя не накормил? Хочешь мать и брата по миру пустить? Убирайся отсюда!

– Тебе тоже не обломится! – не сдавалась Каргаа.

– Да замолчите вы обе! – стонала Чоргош, – Детей бы постыдились...

– Заткнись! – коротко обрывала мать Каргаа. За нею все равно оставалось последнее слово.

В разгар такой перепалки и надо было угадать Чейнеш. Она робко вошла в избу и поздоровалась с бабушкой, со страхом поглядывая на теток, готовых вцепиться друг другу в волосы.

– Что скажешь, внучка? – тяжело дыша, спросила Чоргош.

– Письмо от отца пришло. В госпитале лежит. Привет вам передает.

Сестрицы смолкли.

– Я вам, бабушка, хлеба принесла...

Дыламаш подозрительно закашляла и загремела посудой. Каргаа, еще не остывшая от перебранки, заходила по комнате.

– Спасибо, внучка, – лицо у старухи подобрело, морщины разгладились.

Девушка стояла у порога, теребила длинную черную косу вылитая Арина в молодости. Потопталась с минуту, сказала:

– Ну, я пошла... Если что надо, бабушка, зайду. Хорошо?

Чоргош грузно повернулась на своей лежанке, постонала, побряхтела:

– Заходи, заходи...

Не успела за Чейнеш закрыться дверь, сестры снова сцепились, но тут же вместе накиннулись на мать.

– Внучка тебе нужна? Скажи спасибо, что твоя Арина жива осталась, а то бы всех ее суразов на твою шею посадили!

– Я этой внучке шею сверну!..

Ни та, ни другая и не вспомнили, зачем приходила Чейнеш, что за весть принесла.

15

По-доброму давно уже полагалось кончить и с пахотой и с севом. Но для этого не доставало ни добрых коней, ни добрых работников. Вот и тянули второй месяц, да притом ухитрялись числиться чуть ли не в передовиках. Тут, конечно, не обходилось без помощи каких-то таинственных сил. Нахай Ногоевич и рукой махнул на сводочное соревнование с другими председателями колхозов, но все же хоть понемногу да украшал очередные донесения в айзо. Как ни стыдил его Павлов, как ни клялся сам Нахай Ногоевич, что никогда ни за что ничего не прибавит, словно бес водил его рукой и сами собой присчитывались гектары весновспашки и посевов.

Чуть было эта слабость Нахая Ногоевича не обернулась для колхоза большой неприятностью. Оставалось вспахать и засеять несколько совсем скромных участков. Прикинул председатель: за два-три дня можно закончить. И махнул победный рапорт, справедливо полагая, что с полевыми работами будет покончено как раз к тому времени, когда нарочный окажется в аймаке.

Не учел он только одного – погоды.

Неожиданно похолодало. Тучи плотно обложили небо. По логам и низинам потянул осенний ветер. Гнулись под ним только-только зазеленевшие березки, словно взявшись

за руки, раскачивались, поскрипывали. Ветер развевал хвосты и гривы коней, норовил их свалить с ног. Но и это бы ничего. Покружили, покружили тучи по небу, поиграли в догоняшки, да и вытряхнулись дождем, холодным, злым, секущим. На обутки налипала грязь. Плуги обросли комьями грязи. Кони угваздались грязью по пузо. А дождь все припускал да припускал. И ветер старался изо всех сил...

Пахари исподтишка поглядывали на Павлова: может, бросить? А он, согнувшись дугой, выдирая худые сапоги из раскисшей земли, упрямо давил на плуг.

– Подохнешь тут! – выругался Самтар, велел мальчишке-погонщику распрягать лошадей и на одной из них уехал на стан.

За ним распрягли еще двое.

Хотела кончать маяту и жена Солумая Чачаш, уже и рот раскрыла, чтоб Кара слезал с коня, да не решилась.

– Поезжай, – сказала. – Борозды две еще пройдем.

Кара дернул повод, но передняя лошадь не тронулась с места.

– Поезжай! – рассердилась промокшая и промерзшая Чачаш. – Что ты – со скотиной справиться не можешь?!

Кара дернул сильнее, ожег лошадь плетью. Напрягшись, лошадь шагнула и остановилась.

– Н-но!.. Н-но!

Снова засвистел бич. Без толку.

Чачаш села на залитую водой пашню, сняла хлюпающую обувь, деревянной лопаточкой соскребла грязь с плуга.

Еще несколько шагов.

Кара погоняет лошадь. Жалко ему ее, а приходится бить. Плохо сегодня Кара. Голова болит, спина ноет. Устал. Он в бригаде самый младший. Где ему выдержать наравне со взрослыми. И никому нет до него дела... Кара кажется,

---

что и Павлову все равно: есть он в бригаде или нет. Это настолько пугает его, что он ищет глазами Павлова, видит, как тот чуть не ползком продирается с неподатливым плугом по окончательно расплывшемуся полю, и ему становится легче. Нет, Павлов – настоящий друг!

– Н-но! – срывающимся голосом погоняет он лошадь.

Все-таки Кара хуже, чем другим. Особенно с того дня, как в бригаду заявила тетка Каргаа. Надо же: согласилась стать поварихой. Если Павлов недоглядит, мальчишка получает еду самым последним.

И совсем уж плохо – прошлой ночью Кара прожет шубу у костра. Мать, конечно, ничего не скажет и не заругает, да другую-то шубу где возьмешь?

– Понужай! – сердится Чачаш.

Павлов все пашет да пашет.

– Ты уснул, что ли? – голос Чачаш кажется далеким-далеким.

– Н-но!

Темнеет. Почти ничего не видно. А дождь все идет и идет.

– Конча-ай! – кричит Павлов.

– Распрягай, – тянет Кара за ногу обессилевшая Чачаш. – Слышишь?

Сгибаясь под ветром, пряча лица от холодных брызг, выдирая ноги из грязи, бредут пахари к стану. Кара едет верхом – Павлов разрешил.

Доехал раньше многих, но пока спутал коня и, стуча зубами, прибежал в аил, к огню было уже не пробраться. Костер плотно обступили взрослые, и каждый старался ухватить для себя хоть немного тепла.

Павлов развесил мокрые гимнастерку и рубаху и ходил по аилу, растирая ладонями исполосованную

шрами грудью. Искося, не без зависти поглядывал на сбившихся у огня колхозников. Костер весело потрескивал. Те, что успели захватить место пожарче, уже подремывали.

Евгений Данилыч отвернулся от костра и заметил в уголке Кара. Мальчик прикрылся шубейкой, но дрожал в ознобе.

– Пустите-ка главного пахаря погреться!

Нашлось место для обоих.

У тех, что достаточно набрали тепла, развязались языки.

Под говор и смех Кара забылся сном.

– Вставай! Коня ловить пора! – раздался над самым ухом голос Чачаш. – Вставай!

– О-о-о... ээ-э-ээ! – воет ветер. – О-о-о!

– Слышишь, Кара? Вставай!

Кара с трудом поднимает голову и никак не может разглядеть склонившееся над ним лицо – оно расплывается, расплывается...

– Йо-оо! О-оо! – тянет ветер. – Йи-ии...

– Ты что, заболел?

– Не знаю, – облизывает пересохшие губы Кара.

– Что же я без погонщика буду делать?

– Матери не говорите, – шепчет Кара, – что я шубу сжег... Не надо ей говорить...

Чачаш уходит.

– Не говорите! – повторяет Кара. – Воды... Жарко...

Никто не откликается. Никого нет в аиле.

– О-о-оу... – свищет ветер, – И-у-уу!

Ветер не выпускает дым из аила, и он сгущается под конусом крыши, опускается все ниже и ниже. Он так противно пахнет, дым. Дышать невозможно!

...Когда Кара снова открывает глаза, аил полон людей. Снова пылает костер, а дыма нет – весь улетел к небу.

– Ты что ж это, солдат? – присаживается на корточки Павлов.

– Заболел.

– Что болит?

– Голова.

– Вот беда-то... И доктора нет. Что же нам с тобой делать?

– Не знаю.

– И приглядеть за тобой некому. – Жесткая ладонь Павлова гладит горячий лоб мальчика.

– Домой я не поеду!..

– Почему?

– Там все равно некому со мной... Мать на работе.

– Нельзя же тебя, солдат, на целый день одного оставлять.

– Ничего. Я завтра поправлюсь.

У Павлова щемит сердце. Чем он может помочь?

Закутав мальчику ноги брезентовым плащом, Павлов ненадолго исчезает и, появившись вновь, садится рядом.

– Терпи, солдат. На-ка вот горячего...

16

Нахай Ногоевич держал речь. Толстенькие икры у него были крепко обхвачены обмотками. Подкованные ботинки громко поскрипывали.

А колхозники неторопливо ужинали.

Многим вспоминался погибший на фронте Сакар Угарыч. Он тоже любил произносить речи, когда люди собирались у артельного костра.

– И... кто хорошо работал на севе, их имена сегодня на доске Почета, – торжественно говорил Нахай Ногоевич.

Стучали ложки. Отсутствием аппетита никто не страдал. Речь председателя могла продолжаться.

– А теперь, – Дьатпанаков как только мог широко распростер руки, – пусть члены правления сядут рядом со мной. Теперь мы будем вручать премии. Прошу, товарищи члены правления, – энергично помахал он, как крыльями, раскинутыми в стороны руками.

Члены правления, не прекращая есть, придвинулись к нему.

Только тут Павлов заметил, что на гимнастерке Нахая Ногоевича заметно прибавилось знаков отличия. И не только он заметил. Мальчишки, не отрываясь, смотрели на увешанную значками и медалями грудь председателя.

По знаку Дьатпанакова из брички, на которой он приехал, принесли два мешка и положили на землю рядом с ним.

Теперь как будто начиналось главное.

Нахай Ногоевич заговорил о положении на фронтах, о победах нашей армии. Он несколько увлекся, и его военный обзор продолжался столько, что все успели управиться с чаем, однако слушали его с вниманием и интересом. Дьатпанаков довольно умело связал военные успехи с успехами колхоза «Дьаны дьол» и задачами, стоящими перед дьяйлинцами. Нетрудно было понять, что колхоз смог наконец-то стать тем, что он есть теперь, поскольку руководить им стал проверенный и испытанный фронтовик... Нет, Нахай Ногоевич вовсе не хвастался и не преувеличивал своих заслуг. Просто он отметил это как факт и был в общем-то достаточно объективен: дела в артели с его приходом стали поправляться... А когда Дьатпанаков сказал, что после близкой уже победы вернутся в Дьяйлу мужчины-фронттовики и тогда – он уверен – жизнь пойдет совсем по-иному, ему от души аплодировали.

Павлов не мог не признать, что сумел-таки Нахай Ногоевич взволновать колхозников. Да и ему самому переда-

---

лось это волнение. Что же до некоторой доли хвастовства, так эта доля была не столь велика.

Между тем Дьатпанакров присел на корточки возле мешков, покопался в них и провозгласил:

– Теперь будем получать премии.

Аплодисменты зазвучали с новой силой.

– Дижлаков Дьиртай, – поднялся председатель, – Иди сюда.

Старый конюх, вытирая о лоснящиеся ватные штаны руки, подошел к рассевшимся полукругом членам правления.

– Дижлаков Дьиртай! – громко повторил Нахай Ногович. – Правление премирует тебя. Получи сто рублей денег и материю на рубаху! – Голос его звучал так, будто он собирался вручить старику Дьиртаю некое бесценное сокровище.

Послюнив палец, председатель пересчитал деньги, вытащил из мешка небольшой сверточек и, намереваясь, как настоящий начальник, обменяться с награжденным рукопожатием, протянул конюху премию левой рукой.

Ничего до этого не подозревавший Дьиртай тоже вытянул перед собой левую руку.

– Правую! Правую давай! – подсказал Нахай Ногович.

Старик растерялся. Он все же изловчился – сунул сверток между ног и подал председателю обе руки. Тот с чувством пожал их.

– Поздравляю! – важно сказал при этом. – А теперь скажи что-нибудь женщинам и детям.

– О куда! – всполошился конюх. – Что я скажу?

– Говори, говори. Пусть слышат твое слово.

– Пусть молодые тоже хорошо работают, – в тон Дьатпанакрову произнес старик.

– Брава! Брава! – захолопал в ладоши Нахай Ногоевич. Конюх церемонно раскланивался на все стороны.

– Яжнай Байрамка! – выкрикнул председатель и тут же обратился к мальчишкам: – Принесите-ка стол. Так неудобно.

Нашелся небольшой колченогий столик. На него водрузили мешки.

– Звеньевая Байрамка, – запустил Нахай Ногоевич руки в мешок, – тоже наш передовой актив. Правление награждает...

Тщедушная Байрамка прижала к груди премию и прослезилась.

– Скажи, звеньевая, свое авторитетное слово!

Байрамка приложила рукавом к глазам.

– Говори, говори! – подал голос Павлов.

– Товарищ Павлов! – спохватился Нахай Ногоевич, только сейчас обнаруживший, что заместителя нет рядом с ним. – Занимайте места в президиум...

– Я и тут посижу. Ничего.

Байрамка попыталась было потихоньку уйти, но председатель заметил и удержал ее. Из выступления звеньевой ничего, однако, не получилось: до того она расчувствовалась, что говорить уже не могла. Нахай Ногоевич, придерживая Байрамку за плечи, сам отвел ее до того места, где она сидела, и вернулся к столу.

– Товарищ Павлов!

Евгений Данилыч отмахнулся.

– Товарищ Павлов! – повторил Нахай Ногоевич. – Моя правая рука. Мой политический политрук. Один из лучших наших людей. Хорошо организует работу. Сам работает ол сюрекей дьякши – очень хорошо работает!..

Все захлопали, зашумели. Пришлось Павлову подниматься. Одернув гимнастерку, пригладив ладонью волосы, направился к столу.

Нахай Ногоевич вручил награду, обнял Павлова и, не выпуская из объятий, крикнул:

– Брава!

– Дорогие товарищи! – голос у Павлова слегка дрогнул. – Мне очень, очень приятно. И премию получить приятно... А больше я рад тому, что стал членом вашей семьи, смог разделить вместе с вами все трудности. Сев-то мы, товарищи, закончили! Спасибо вам, друзья...

Дьатпанакров вызывал к столу одного за другим, жал руки, кричал «Брава!». Медали на его груди звенели. Ботинки поскрипывали.

Никого из тех, кто добросовестно пахал и сеял, не было правление.

Кара тоже получил премию – новые штаны и отрез бязи. Еще не вполне оправившийся от болезни Кара, стараясь держаться солидно, по-взрослому, направился к председателю, но выдержки у мальчишки не хватило. Он схватил сверток, прижал к себе и вприпрыжку помчался в аил.

Уже стемнело, и стан осветили десятки костров. Давно не было так шумно и весело в бригаде. Зазвучали песни.

Наши пальцы белые,
Если б не грубели вы.
Голоса, как дудочки,
Если б не старели вы!
Наши руки нежные,
Если б не устали вы.
Голоса, как амарга,
Не затосковали бы...

Павлов с Дятпанакowym в свое удовольствие потягивали чай у костра, обжигая губы о края алюминиевых кружек. Нахай Ногоевич был в ударе и нахваливал колхоз «Дьаны дьол», да так нахваливал, что и сомнений не оставалось – если бы не председатель... Впрочем, хвастал он недолго. Стал делить еще не выращенный урожай: сколько государству, сколько на трудодни, сколько на фураж... Евгений Данилыч не спорил, чтобы не портить ему настроения. Все же, по-доброму, Дятпанакow сам немало постарался. А премии – его затея. Сумел в аймаке добыть дефицитные товары...

А маленько решил подкусить его. За дело.

– Скажи, пожалуйста, – как бы между прочим спросил Павлов. – Откуда у тебя лишние медали?

Нос у Нахая Ногоевича покрылся бисеринками пота, глаза забегали.

– Как лишние?

– Ну, вот этот, например, значок как к тебе попал? Помоему, ты на железной дороге не работал.

– Думаешь, не заслужил?

– Да нет, не в том дело! Может, тебе надо дать более высокую награду. А вот этот значок... Чужой ведь он. Правда? Ну, ответь. Разве не понимаешь?

Нахай Ногоевич понял, что попал впросак, но попытался выкрутиться.

– Хозяин дал поносить.

– Ладно. Допустим, кто-то подарил тебе его, хотя не полагается носить чужие награды... А это? – он ткнул пальцем в болтавшуюся с края медаль.

Нахай Ногоевич обидчиво поджал губы.

– Ну, что молчишь? – Не в силах сдержаться, Павлов громко расхохотался. – У жены отобрал? Да?

– Ее дети – мои дети... Наши дети... Зачем смеешься?
– Не могу! – давился от хохота Павлов. – Она же называется «Медаль материнства». Понимаешь? Материнства!..

Сердито швыряя чай, Нахай Ногоевич нахмурил брови.

Павлов обнял его.

– Как вышел ты перед народом... Посмотрел я – ну прямо маршал!.. А ты... – Павлов закатился от смеха.

Дьатпанакров махнул рукой и тоже засмеялся.

Пламя костров выхватывало из темноты лица женщин. Они пели:

Была бы конем быстроногим,
Домчалась бы я до милого.
Была бы птицей быстрокрылой,
Долетела бы я до милого...

17

Совсем худо стало старой Чоргош. Нога отнялась, язык отнялся. Ни встать, ни попросить чего. И дома никого...

Каргаа в бригаде. Дыламаш, как на грех, второй день глаз не показывает.

Совсем худо.

Еще когда расхворалась, все глядела в окно, думала: «Хоть бы раз услышать голос кукушки».

Вот и месяц кукушки наступил. Кричит в зазеленевших полях громкоголосая птица. Кто-то считает, сколько раз она прокукует. А Чоргош теперь все равно.

Хоть бы внучка пришла.

Во рту пересохло. Бок отлежала. Повернуться бы – сил нет.

Тяжело дышит Чоргош. Хочет сказать что-то, а язык не слушается.

– М-м-мм... – только и получается.

Дочери, будто сговорились, вместе пришли.

– М-м-мм, – потянулась к ним Чоргош.

Не глядя на мать, сестры с порога начали перебранку.

Дыламаш все же подошла. Остановилась возле кровати. Глаза злые.

– Ну, что тебе?

Мать молчала. Губы у нее тряслись. По щеке ползла слеза.

– Не подохла еще? – подала голос Каргаа.

Не выдержала Дыламаш – не совсем, видно, очерствело у нее сердце, – одернула сестру. Подала воды, сменила постель, принялась что-то варить.

А Каргаа свое:

– Дождалась? С собой на тот свет добро заберешь?

Знала бы Чоргош, что давным-давно никакого у нее добра и в помине нет... Когда еще подобрала ключи к двум замкам на сундуке Каргаа и ополовинила его. Ничем не погнушалась. Брала все подряд, что сверху лежало, и припрятывала. Кое-что и продать успела.

От сестры это, конечно, не укрылось. Дыламаш тоже нашла способ забираться в сундук незаметно от матери. Тоже попользовалась.

Так, попеременно, до дна добрались. А ни друг другу, ни старухе тем более, виду не показывали.

Чоргош перевела тусклый взор свой на окованный сундук, пошевелила худыми пальцами с отросшими ногтями, простонала и закрыла глаза.

Похлебка наконец-то сварилась. Дыламаш, тыча в рот матери деревянную ложку, с грехом пополам покормила ее. Чоргош жадно глотала, но в онемевшем рту пища не держалась, и больше проливалось на подушку. Все же немно-

---

го поела. Горячая еда чуть-чуть прибавила сил. Приподняла голову и повела просящими глазами в сторону сундука.

– Чего? – смягчилась Дыламаш, обезоруженная совершенной беспомощностью матери.

– М-м-мм... – палец ткнул в ту же сторону.

– Туда хочешь? Положить?

– М-м-мм, – в глазах мелькнула искорка.

Каргаа выругалась.

– Помоги! – жестко бросила Дыламаш, и сестра не посмела послушаться.

Постелили на сундук какую-то лопотину, чтобы было помягче. Взяли вдвоем Чоргош. Она прямо-таки рванулась вперед.

– Тише, тише! – буркнула Каргаа.

Обессилевшая старуха вытянулась на ящике и, опустив руки, погладила корявыми пальцами сухие лиственничные доски, обитые жестяными полосками. В этот момент вроде и синева от ногтей ее отлила, и щеки порозовели.

– Не скребись! – прикрикнула Каргаа. Видимо, полагая, что она с лихвой выполнила свой дочерний долг, подступила к сестре: – Меня не обманешь! Думаешь, не вижу, чего ты стараешься? Думаешь хозяйкой здесь остаться? Не надейся. Это дом моего брата. Он тебе и твоему плешивому Калтару не достанется!

– Замолчи!

– Мое все будет! Мое! – распалялась Каргаа.

Чоргош застонала.

Еще немного, и сцепилась бы Дыламаш с сестрой. Нет, удержалась.

– Уйди, – сказала.

– Что я, собака? Если надо – сама уходи!

Каргаа уже невозможно было остановить.

Дыламаш всю трясло, но она смолчала.

– Я тебе ребра ухватом переломаяю!

– Уйди, сестра, – попросила Дыламаш.

– Дождись! Что, остатки тряпок еще не выгребла?

Старуха замерла, лицо ее перекосила судорога, пальцы вцепились в сундук.

Мимо головы Дыламаш, стукнувшись о стену, пролетел сковородник.

Каргаа плюнула и выбежала из избы, хлопнув дверью.

Дыламаш выскочила за нею следом.

Когда они вернулись в дом, Чоргош, неестественно вытянувшись, лежала на боку, устремив недвижный взгляд на ножки старой деревянной кровати. Свесившаяся рука плотно легла на один из замков сундука и совсем закрыла его землистыми пальцами...

18

Через открытую дверь аила Кара было видно, как далеко-далеко в поле шевелятся маленькие человечки и такие же маленькие кони. Костер потух, и, хотя на улице всюду светило солнце, было прохладно.

В аиле, накрывшись шинелью, обняв винтовку, храпел милиционер Дьялбаев. Последнее время он часто бывал на полевом стане, иногда останавливаясь на несколько дней. Ни для кого, в том числе и для Кара, не было секретом, что милиционер разыскивает сбежавшего Курачи. Сам Дьялбаев напускал на себя таинственный вид и ни слова не говорил о том, что он здесь делает, куда и насколько уезжает, когда появится вновь. Вот и опять очутился в бригаде перед рассветом, плотно позавтракал вместе с колхозниками, ничуть не интересуясь, рассчитывали или нет на его аппетит, и залег спать.

Кара тоже не прочь был вздремнуть, но из-за оглушительного храпа Дьялбаева никак не мог заснуть.

Пошарив рукой под подушкой – туго свернутой телогрейкой, – Кара нащупал сверток – премию. Вот дома обрадуются!.. Он все-все расскажет матери и Чейнеш, ну и братишкам, конечно: как ему Нахай Ногоевич руку пожимал, как его поздравляли, как Павлов похвалил. Павлов обещал взять его с собой в аймак!

Дьялбаев зачмокал губами, дернулся во сне, вскрикнул:

– Стой, стрелять буду!

Кара очень боялся Дьялбаева. Даже фуражка с синим околышем, лежавшая рядом с милиционером, приводила его в трепет. В представлении Кара Дьялбаев был ничуть не ниже самых больших начальников. Даже Павлов в сравнении с ним казалось, ничего не стоил. Что Павлов? Человек как человек. Ну, его все слушают, потому что он много знает. Из Ленинграда! И все. А Дьялбаев... Как крикнет на кого! И винтовка у него...

Уж если Каргаа милиционера боится!.. Один только раз забыла ему еду оставить, так уж Дьялбаев задал ей. Теперь чуть не первому подает. Да побольше. Он и приезжает, наверно, в бригаду, чтобы поесть хорошенько.

Кара опасливо посмотрел на спящего милиционера. Тот зашевелился, по-лошадиному фыркнул – чихнул, поднял голову и заспанными глазами повел мимо Кара. Лениво поднялся. Гремя ковшиком, зачерпнул воды, жадно выпил и снова забрался под шинель.

Кара собрался в комочек.

Еле-еле дождался, пока придут люди с поля.

Когда слышались усталые голоса, у него будто и голова стала болеть меньше.

В проеме мелькнула фигура Павлова. Он был голый по пояс.

Дьялбаев – когда только успел! – с озабоченным видом приводил себя в порядок, стараясь изобразить крайнее утомление. Он бросил неодобрительный взгляд на потное тело Евгения Данилыча и поморщился.

– Товарищ Павлов, почему вы без рубахи?

– А что? – простодушно спросил Евгений Данилыч.

– Начальник, а... голый. Нехорошо! – Поставив на табуретку сапог, Дьялбаев начищал его суконкой до зеркального блеска.

Павлов рассмеялся и прошел к Кара.

– Как жизнь, солдат?

– Ничего.

– Ел что-нибудь?

– Нет. Не хочется.

– Постой, постой... – Павлов потянул носом. – Что-то едой и не пахнет. А где повариха?

– Ее весь день не было.

Колхозники, обнаружив не столько отсутствие Каргаа, сколько отсутствие ужина, подняли шум.

– Товарищ Дьялбаев, – спросил Павлов, – вы не знаете куда наша повариха пропала?

Милиционер неопределенно повел плечами.

Кара ухмыльнулся: «Откуда ему знать? Прохрапел до самого вечера». И почему-то весь страх перед Дьялбаевым пропал. И чего он его боялся? Тоже, начальник... Вот Павлов – это да. Сразу позвал женщин, что-то сказал им, двух парнишек отправил по воду, кому-то велел развести огонь... И уже булькает в котле. И все повеселели, потому что скоро будет ужин.

А Павлов, умытый, с мокрыми волосами, в старенькой своей гимнастерке, снова присел возле Кара.

– Что ж ты мне, солдат, наврал? «Не хочется!» – передразнил он. – Еще как поедим сейчас! А? Надоело лежать?

– Ага... – и как-то само собой вырвалось: – Я бы в Дьяйлу сходил...

– Неплохая мысль, солдат! Мы с тобой вот что придумаем. Утром с попутной подводой уедешь. Договорились? Дел тут осталось не так много. Как-нибудь без тебя управимся...

– Мне бы на день только.

– Ладно, ладно...

Евгений Данилыч не раз ловил себя на мысли, что привязался к этому мальчугану, хотя Кара мало чем напоминал Павлову его Вовку, совсем-совсем городского неумеху, ласкового, «домашнего» Вовку... Смышленный, не по возрасту рассудительный, выносливый, маленький солдат, как он окрестил его. А ведь трудно Кара. Погонял бы Вовка от зари до зари полудохлых кляч по пашне!.. Да ему и на лошадь не взобраться. А этот – хоть бы что. Вечно чумазый, исцарапанный, не всегда досыта поевший, выматывается на непосильной работе. Сопит, хмурится, а тянется за взрослыми.

С отцовской нежностью относился к нему Павлов.

Как было не откликнуться и мальчугану, почти не знавшему родного отца, на теплое чувство этого русского?

Но никогда не забывали оба, что они – мужчины, и отношения между ними оставались неизменно сдержанными и даже суровыми, какие только и возможны между настоящими мужчинами.

– Значит, по рукам, солдат? – подмигнул из-под очков Павлов. – Ты уж меня извини... – Он поднялся и позвал ожидавших ужин колхозников поближе к ярко пылавшему посреди аила костру.

– Товарищи! Нахай Ногоевич передал мне письмо вашего земляка. Сам я, конечно, его не прочитаю – не по-русски написано. Может, Кара попросим?

Все сгрудились у огня. Павлов протянул мальчику сложенный треугольником листок.

Кара густо покраснел. Его подбодрили:

– Читай, балам!

С трудом разбирая от волнения неровные торопливые строчки, Кара начал читать. И с первых же строк развеселился сам и развеселил дьяйлинцев. Письмо то было от Каракай! От веселого брехуна Каракай! Нет, даже фронт не изменил его. Будь у Каракай побольше бумаги, а может и времени – не иначе он бы один посрамил всех героев вместе взятых. Уж если на обыкновенном листке почтовой бумаги расписал он столько своих замечательных подвигов, можно представить, что бы он еще насочинял!

И никто ведь не сказал, что брешет Каракай, хотя всем было ясно, что и малой доли геройства, наверное, не проявил их разудалый земляк. Бодрое было письмо. И все радовались, что не потерял на страшной войне Каракай этой бодрости, что помнит всех дьяйлинцев.

Павлов незаметно вышел из аила.

Тишина.

На западе, прихватив край облаков, багровела узкая полоска вечерней зари.

...Как далеко от этих гор Ленинград! Будь бы рядом хоть самый паршивый железнодорожный разъезд, даже просто рельсы, по которым бы стучали колеса товарняков, услышь он хоть раз паровозный гудок, и Ленинград показался бы намного ближе. А здесь пропало всякое представление о расстояниях. Будто в другом мире!..

Из аила доносились взрывы смеха. Как нельзя более кстати пришло это письмо. Когда же ему, Павлову, тоже будут приходить письма? Пора бы уже...

Со стороны Дьяйлу затарахтела телега. Пока подвода не очутилась у самого стана, Павлов так и не смог разглядеть, кто приехал. А увидел и ушел за аил, сел на землю, привалился к стенке, закрыл глаза.

Распрягая лошадь, последними словами костерила его пьяная Каргаа.

...От колхозной конторы до дому – рукой подать. Кара вприпрыжку припустил по заросшей мягкой травой-конотопкой улице. Размахивая руками и во все горло напевая сочиненную на ходу песню, он переполошил всех собак. Пуше других заливался Шарик. То ли не узнал? Он просто захлебывался от лая и не пускал Кара в ограду.

– Перестань, Шарик!

Пес не унимался.

– Ах ты! – Кара подобрал прут и замахнулся на захлебывающуюся от злости собаку.

– Кто это там? – раздался голос матери.

– Я, мама! – весело заорал Кара и ткнул прutom в оскаленную морду Шарика.

Арина быстро уняла и собаку и сына. Кара бросился к ней.

– Вот! – торжествуя протянул узелок. – Премию получил. Сам председатель дал. Не веришь?

Арина всплеснула руками.

– О-о! Ну пойдем скорей в избу. Расскажешь...

Из-за стола вылетели навстречу Кула и Аржан, завопили:

– Братка пришел! Братка пришел!

Они повисли на Кара, тормозили его, тянули в разные стороны. Но – странное дело! – старший брат нетерпеливо повел плечами, освобождаясь от приставаний мальчишек, и те враз присмирели. А Кара принялся деловито развязывать узелок.

– Штаны! – размахивал он перед всеми измятыми до невозможности, но совершенно новыми брюками, серыми, с тонкой белой полоской. – Премия!.. А это, мама, тебе, – и протянул кусок бязи. – Три метра. Тоже премия. Мне дали. За работу. Себе сошьешь. Или Чейнеш...

Братишки, онемев от восхищения, таращили глаза. Арина приняла из рук сына бязь.

Во дворе опять зашелся Шарик.

– Чы-ык, собачья собака! Чы-ык!

– Нахай Ногоевич! – узнал голос председателя Кара. Действительно, пришел Дятпанаков.

– Меня на фронте не могли доконать, – твоя собака чуть не разорвала! – возбужденно произнес Нахай Ногоевич, переступая порог, – О-о! Наш актив из бригады приехал! Хорошо Кара работал. Прямо скажу: хорошо! Честно премию заработал. Маладец!

Надо же было так вовремя зайти председателю. От его слов Кара чувствовал себя таким счастливым, таким счастливым...

Он уже и не слушал, что там еще говорил Нахай Ногоевич.

А Дятпанаков, присев к столу, сказал:

– В аймак надо ехать, Арина. Тебе ехать. Кто у нас за ферму отвечает? Ты отвечаешь. Совещание животноводов будет. Поедешь – выступишь.

– О калак, Нахай Ногоевич! Я быстрее телят выращу, чем пять слов скажу... Что говорить буду?

– Думай. Своя голова есть Не забудь сказать, какой колхоз до меня был. А потом скажешь... как есть.

Тут, конечно, Дьатпанаков малость схитрил. Не случись у него промашки с досрочным рапортом об окончании сева, сам бы поехал, при полном параде. А тут еще могут и припомнить. Зачем лезть на рожон? А если и хотят «Дьаны дьол» покритиковать, пусть уж без него ругают. Может, и не станут. Как-никак Карышева – опытный животновод, да к тому же из больницы недавно...

– Моего коня возьмешь. Оденься получше. Пусть смотрят, какой в Дьяйлу колхоз стал!

– Что хорошее надену? Подарили мне костюм... Курачи испортил.

– Какой разговор! Надо – значит, надо. Я достану... Чейнеш на ферме управится. А дома пока наш актив побудет. Совсем большой человек. Может пока отпуск получить. За мать останется. Так, Кара?

Можно ли послушаться председателя? Конечно, нянчиться с Аржаном – мало радости. Да ничего!..

– Если недолго...

Нахай Ногоевич протянул Кара руку.

– Я же знал, договоримся!

Дьатпанаков ушел, а Кара снова и снова рассказывал, как ему вручали премию. Чейнеш прибежала – и ей рассказал. Натянул новые брюки – едва мать уговорила снять, чтобы погладить.

Счастливый выдался день!

...Еле уторкала ребятишек. Надо было еще Чейнеш наказать, что делать на ферме, еды в запас для детей приготовить да себе в дорогу. Об одежде опять же подумать...

В окно тихо постучали.

Арина открыла дверь, удивилась: Дьятпанакон! Как он смог мимо собаки пройти? Не иначе, подкормил чем!

— Вот тебе моя баба послала. Выбери, что подойдет. Наденешь... Я поздно пошел, чтоб люди не видели. Может, тебе неудобно.

— Что вы, Нахай Ногоевич!

— Говорю, бери. Такое мое распоряжение!.. — Он втолкнул ей в руки узел и стал что-то искать в карманах. — Еще возьми. Тоже наденешь. Мне, Павлов сказал, — нельзя. Тебе — можно. Ты — баба.

На ладони председателя колхоза тускло блеснула «Медаль материнства»...

19

Письма!.. Целая пачка писем. Не терпелось прочитать их все — разом. Хватило терпения разложить по датам на почтовых штемпелях. А распечатал последнее. От Ленки, дочери. Как будто обухом по голове...

Сколько ни вглядывался в строчки, ничего не мог понять: «Попала бомба... Маму и Вовку не нашли... Я в госпитале».

Не на-шли!..

...Если бы рядом хоть железнодорожный разъезд, даже просто — две линии рельс. И один, всего один гудок паровоза! Но кругом — только горы и лес. Лес и горы...

20

Большой круг дал Курачи. Не стал ждать, пока его схватят возле Дьяйлу. Запутав следы, направился в деревню Теплую, где жил давний знакомец старовер Мефодий. К оборотистым его рукам прилипло немало дьяйлинского добра. И коней он сбывал, и мясо переторговывал, и медком

не гнушался. Знал, что не свое председатель «Дьаны дьол» ему предлагал, и помогал не «за так».

Известно было Мефодию, что сняли Курсунова, что под суд отдали. А о дальнейших похождениях Курачи вести до него не доходили.

Когда ночью заскребся под окном и предстал во всем своем неприглядном обличье неожиданный гость, старый приятель не обнаружил радости. Да гость на это не рассчитывал.

– Поживу у тебя, – вместо «здравствуй» заявил Курачи.

Придерживая одной рукой подштанники, а другой дверь, чтобы не скрипнула ненароком, Мефодий попробовал отговориться.

– Тесно у нас...

Сказал и понял – зря. Зверь зверем стоял перед ним Курачи. По всему видно: дошел до точки. Теперь ему лучше не прекословить.

– Найдешь место! – будто отрезал.

Хоть и почти раздет был Мефодий, а дрожь пробила его не от ночной прохлады. Смекнул он, что никуда ему не деться, все одно принимать, а вернее – прятать дружка. Тот и худо. Не станешь же говорить ему, что под крышей есть уже один гость, куда как ближе этого, и такой тоже, что не вдруг кому покажешь... Вторую неделю прятал Мефодий родного сына, дезертира.

В избу Курачи не пошел. Спросил одежонку и поесть. Сказал, в бане дождется.

Там, уже прибранный и сытый, коротко рассказал о себе. Пригрозил:

– Чтобы никто... Меня возьмут, и тебе не жить.

За много дней бесприютных скитаний по горам и тайге отсыпался Курачи. Открывал глаза – находил возле

себя еду, самогон. Съедал, выпивал все без остатка и – снова на боковую. По крайней нужде, да и то в самую темь, выбирался на улицу, жадно глотал свежий воздух, сторожко прислушивался к ночным шорохам.

Что-то беспокоило его. Он чувствовал какую-то неясную опасность. Не нравилось ему, как вел себя хозяин. Таился он.

...Лунная была ночь. Непокойная. Не умолкая, брехали собаки во всех концах деревни. И ветер не дул – зудел, цепляясь за обветшавшие в войну застрехи. Такому ветру ничего не стоило нагнать туч, а небо – ясное, луница – точно начистили ее до блеска да еще маслом смазали.

Едва Курачи высунулся из своей хоронки, поперек двора мелькнула тень. Высоченный детина, пугливо озираясь, крался к сеновалу. Стараясь не шуметь, неловко взобрался по приставленной к сеннику лесенке и грузно перевалил большое тело в черную дыру дверного проема.

Не будь у Курачи так напряжены нервы, он сообразил бы, что не известный ему человек меньше всего хотел попасться кому-нибудь на глаза. Но тут ярость захлестнула его. Забыв об осторожности, он ринулся в избу, на ходу половчее ухватывая нож. Мефодий лежал в постели с закрытыми глазами, но не спал. Курачи стиснул ему горло и, склонившись к самому лицу, зашипел:

– Продал, собака!

Сияясь освободиться, Мефодий порывался что-то сказать и не мог. Курачи чуть ослабил руку, сжимавшую горло.

– Бог тебе простит! – просипел полузадушенный Мефодий.

– Бога вспомнил!.. – пальцы снова клещами обхватили жилистую шею. – Кому проболтался?

– Е-ее... Ы-ыы... – давился словами хозяин.

– Чего молчишь? Говори!

– Спятил ты, однако... Сын это... Понимаешь? Сын... Не приведи бог, узнают... Что за тебя, что за его – один конец.

Курачи успокоился, а когда совсем отошел, предложил, чтобы парень с ним уходил. Все равно дома оставаться нельзя. Вдвоем в тайге лучше укрыться.

– Подадимся в сторону Усть-Коксы или Улагана. Сам черт нас не найдет. Скота там много, тайга просторная...

Андрюха отца не слушался.

Набили поплотнее котомки и – в путь.

Здоров был парень Андрюха, но трусоват. Курачи злился, что связался с ним, но и такой спутник годился ему. Свой расчет был у Курачи: до того, как укрыться в тайге, оставить по себе памятку.

От Теплой до Дьяйлу горными дорогами, верных двое суток ходу. Одному ему известными тропами, напрямик Курачи провел Андрюху за ночь. И место выискал под самым урочищем, рядом пройдешь – не заметишь. В густом мелколесье оказалась вместительная землянка, прикрытая дерном. Рядом – небольшой родничок.

– Тут маленько останемся. Харчи будут – запас не тронем. Мне только со стеклоглазым повстречаться...

Андрюхе подальше бы от людей! Остаться так остаться. Если пожарть найдется, то и вовсе хорошо.

Курачи куда-то под вечер исчезал, но затемно еще прокрадывался в землянку. С пустыми руками не вернулся ни разу. Андрюха при виде его открывал блеклые, с редкими рыжеватыми ресницами глаза, «чавкал, словно мух губами ловил, и почесывался. Полусонный, неторопливо жевал до тяжести в животе, тянулся к берестяному туесу с водой, делал несколько жадных глотков – и не нужен ему был больше Курачи.

Из очередной вылазки Курачи вернулся ни с чем. Андрюха обеспокоенно потянулся к котомке, но воспользоваться «неприкосновенным запасом» не удалось.

– Не помрешь! Потерпи, скоро поедем.

Утро только занималось. Ждать дотемна – никакого терпения не хватит: вон как кишки урчат... Опять сунулся к НЗ. Курачи спрятал обе котомки.

Еще, однако, с час прошло.

Курачи невозмутимо обстругивал ножом палку. Иногда поворачивал голову, прислушиваясь к чему-то. Вдруг рот его расплзся в улыбке, Андрюха тоже напряг слух.

Невдалеке заскрипела телега, донесся женский голос:

Под лохматой кочкою

Кладу я мясо, чтоб ты ел.

Под красным тальником

Ташаур кладу, чтоб ты пил...

Выждав, пока утихнет скрип колес, Курачи выполз из землянки. Вернулся с увесистым кожаным мешком. Подмигнул:

– Со мной не пропадешь!

21

– Прощай, Нахай Ногоевич. Как по-русски говорят, не поминай лихом... Старался я быть у вас не лишним. Как умел... Может, еще и увидимся когда.

Дьатпанакоев скосил глаза: возле стула лежал тощий рюкзак.

Только и осталось – протянуть руку, сказать несколько слов. Хочется, чтобы слова эти были хорошими, добрыми, чтоб никогда не забылись. Нахай Ногоевич молча барабанил короткими пальцами по столу.

– Присядь, политрук. Вместе перед дорогой помолчим.

В открытое окно конторы врывается привычный шум, тянуло горьковатым дымком.

На груди Дьатпанакова звякнули медали. Он прижал их локтем. Снова покосился на зачиненный в двух местах рюкзак.

– Бедновато... – Нахай Ногоевич вздохнул. – Приехал в старых сапогах, уезжаешь в старых сапогах... Эх!..

– Ничего. Будут и сапоги.

Слишком уж унылым получалось у них расставание. Горе, конечно, есть горе. Так что же, плакать, что ли? Мужчины же, фронтовики!

– Знаешь, – вскочил Нахай Ногоевич, – хочу тебе предложение сделать. На один день останься – всем колхозом проводим. Ржи немного есть – секретный запас? Кёчё сварим. Как ты думаешь?

– Думаю, не стоит, – Павлов невольно улыбнулся.

– Почему? – искренне огорчился Нахай Ногоевич.

– Раз люди соберутся, тебе опять придется при всем параде быть. Медаль у жены отберешь...

– Ба-таа! – вернулся с облаков на землю председатель. – Пойми, дорогой политрук, не могу я тебя так отпустить. Что мне люди скажут? Сколько вместе пережили.

Кое-как уговорил Павлов не то что не провожать – вообще не говорить о его отъезде. Поймут люди, что не хотел он так вот, тайком... А иначе – не мог. Скорей бы в Барнаул попасть. Будет проситься снова на фронт. Должны же его понять.

Они обнялись.

Павлов пошел не улицей – задами, чтоб ни с кем не встречаться. У конного двора его ждал Дыртай, чтобы довезти до тракта. В душе Евгений Данилыч ругал себя: на-

---

прасно, все-таки ни с кем не простился. Долго ли прожил в Дьяйлу, а столько на его памяти разных бед и несчастий в деревне – не перечесть. И никто не прятался в своем горе. Зачем же он так?.. Может, вернуться?..

Незамеченным уйти не удалось. На полпути его догнал запыхавшийся Кара. Ни слова не говоря, протянул вареного петуха.

– Чейнеш велела отдать.

Павлов притянул к себе мальчика, сказал растроганно:

– Спасибо, солдат... Так мы с тобой и не съездили в аймак. Ты уж извини. Видишь, что получилось...

Кара понимающе кивнул, прижался худеньким телом к Павлову. Петух все еще был у него в руке.

– Возьмите.

Отказать – обидеть. Пришлось снять с плеча рюкзак и сунуть в него петуха.

– Передай маме, когда вернется: пусть у нее, у всех вас все будет хорошо. Спасибо от меня передай. Большое спасибо. Скажи, жалею, что не простился сам... Ну, солдат, давай руку.

Кара долго смотрел ему вслед.

22

Возле конторы не протолкнуться. Удерживая любопытных на расстоянии, милиционер Дьялбаев никому не позволял подходить к взлохмаченному, перепуганному верзиле, у которого были связаны руки. Парень озирался по сторонам. Никто его не знал.

Взбужденные дьяйлинцы наперебой расспрашивали милиционера. Он, не устаивая никого ответом, только повторял:

– Не подходить! Не подходить!

Из конторы вышли Нахай Ногоевич, участковый Ханжин и еще двое в милицейской форме.

– Товарищи! – поднял руку Ханжин. – Попрошу внимания. Нам удалось обезвредить опасного преступника, бандита, который пытался убить вашу односельчанку Арину Карышеву и замышлял покушение на всем вам известного русского товарища Павлова.

Взоры дьяйлинцев устремились на втянувшего голову в плечи детину.

– Вы знаете этого бандита, – продолжал Ханжин. – Это Курачи Курсунов.

Толпа загудела.

– Курсунов бежал из-под стражи после суда... Вы понимаете, товарищи, как было важно разыскать преступника. Долгое время нам это не удавалось, потому что Курсунову помогали прятаться, снабжали его пищей. Он скрывался неподалеку от вашего бригадного стана.

Он не сказал, кто помогал Курачи, но и без того было ясно, кто его мог подкармливать.

– А где Курачи? – послышался женский голос.

– Курачи Курсунов при попытке скрыться был убит. Нам удалось захватить только его сообщника, дезертировавшего из действующей армии...

Под конвоем увезли из Дьяйлу взлохмаченного детину и Каргаа.

23

И снова весна. Нежно-зеленые березы, прозрачный, чистый, пьянящий воздух, яркое солнце, бездонное небо...

Все еще война. Сколько дьяйлинских мужиков невозвратно забрала она! Никогда больше не вернется «машинный человек» Кабар – пришла на него похоронная. И сыновья Октоша не вернутся. Оба погибли.

А те, что живы и воюют на фронте, далеко от Алтая, на немецкой земле, больше не увидят своих стариков. Не дождались старики.

Разве можно представить Дьяйлу без дряхлого Королдоя? Всем казалось, сколько существует урочище, столько и ковыляет на своих костылях Королдой. Не стало его. И друзья его – Дьякшимай, Солоной – следом за ним ушли. Сторож Октой помер. И тут уж ничего не поделаешь – годы у всех у них большие.

Но заторосло – не сосчитать! Когда война началась – кто их, босоногих, замечал? Мелюзга. А теперь Нахаю Ногоевичу прохода не дают: то один, то другой отпрашивается свататься. Прямо с ума посходили! По-доброму некоторым плетка была бы куда полезней жениховства. Да ведь весна... Вот и ходят к председателю.

– Нахай Ногоевич, лошадь бы...

– Зачем?

– Съездить.

– Далеко?

– До Аноса.

– Ба-таа! Какие сейчас лошади? Пахать надо. Нет лошадей.

– Как нет? – И пойдет считать по мастям. Наперечет всех колхозных коней знает!

– А запрягать я тебя буду, что ли?

– Э-ээ! Только мне нет. Вон Патей четыре раза свататься ездил. Я один раз прошу, и то не хотите дать.

Нахай Ногоевич начинает «воспитывать»:

– Патей работать умеет. А ты – дьялку кижы, лодырь, бездельник! Я тебе говорю: «Иди паси коров». Ты пошел? Не пошел. И не проси...

– Нахай Ногоевич! – канючит жених. – Вот съезжу, не только коров, самого черта буду пасти.

– А-аа! – сдастся Дьатпанаков. – Так и быть. Только смотри – не больше двух дней!

Этим дело не кончается. Парень не отстанет до тех пор, пока не получит от председателя его галифе и обмотки. Надо ведь жениху покрасоваться, а что может быть лучше настоящих солдатских штанов пузырями и солдатских обмоток?!

– Смотри, – наказывает Дьатпанаков, – хорошую девушку привози. Нам в колхозе плохих не надо.

Своих, дьяйлинских невест Нахай Ногоевич держит в строгости. Он им всем вместо отца. Какую бы ни сватали – последнее слово за председателем. Редко кого из колхоза отпустит. Сумеет так повернуть, что и не обидно вроде бы, а сваты и женихи уезжают несолоно хлебавши.

– Разве у нас парни плохие? – удивляется Нахай Ногоевич. – А с фронта вернутся?.. Не-ет, не можем мы. Не можем.

Чейнеш у Арины чуть было не увезли. Парень подходящий был, обеим понравился – и Чейнеш и матери. Три раза приезжал. Чейнеш его и раньше знала, только матери не говорила. Арина слова против не сказала. Решила: пусть молодые сами договариваются. Им жить.

А свадьба так и не состоялась. Дьатпанаков выбрал момент и поговорил с Чейнеш. Как, дескать, она оставит мать с тремя сорванцами?.. Про то, про другое добавил – убедил. Чейнеш день целый с опухшими глазами ходила.

Если разобраться, насчет сорванцов Нахай Ногоевич был, конечно, прав. Ну, Кара, допустим, не в счет. Когда еще Арине помощником стал, а за последний год повзрослел. Зато Кула... Никакого с ним сладу. Что только не вытворяет! А на него глядя и Аржан не отстаёт. Только Чейнеш и слушают. И любят. Старшего брата побаиваются.

...Не в пример прошлогодней, эта весна оказалась полегче. Со скрипом, с натугой, но дотянули корма до первой травы, и скот вышел на выпаса не то чтоб в теле, а своими ногами все-таки. Поднимать коров не пришлось. Овец почти всех сберегли. И кони не такие, как год назад, пахоту начали. Нахай Ногоевич сам следил, чтоб ни клочка сена на сторону не ушло, чтоб ни охапки не стравили.

Ему, Дятпанакову, труднее всех доставалось. Даже он, суетливый, суматошливый, непоседливый, и то чуть с ног не валился. За день так уходится – только бы до постели добраться. А наутро опять катается шариком, будто кто завел его. Сам колготится, никому покоя не дает и никогда не унывает.

В одном переменялся. Когда получил письмо от Павлова, из Ленинграда, спрятал все свои медали. Сказал: «До победы».

Часто вспоминал Нахай Ногоевич Павлова.

Не только ему Павлов писал. И Боргою-кузнецу, и Арине, и – отдельно! – Кара. Хорошие письма приходили от Евгения Данилыча. Все он о себе сообщал: как удалось ему в свой город вернуться, как дочку разыскал, как на завод устроился... Обещал обязательно приехать в Дьяйлу, когда война кончится. Вместе с дочерью.

...Широкие поляны, склоны задумчивых гор, луга, оставленные на пастбища, объаты пожаром – ярко пылают огоньки, нежно розовеет цветущий кандык.

От самого перевала, вдоль петляющей, извивающейся дороги и по крутому скату, вниз, к просторным долинам и окутанным синим маревом горам, бегут, колышутся на ветру цветы, то тут, то там вспыхивая огромными алыми кострами... В глазах рябит!

Арина невольно залюбовалась этим буйством красок.

Сколько ни собиралась она навестить подругу, Евдокию Ивановну, – все пути не было. А тут представился случай съездить в Каменку. И дела-то в общем невелики, кто угодно справился бы. Никому не уступила, сама напросилась. И так рассчитала, чтоб к вечеру туда угадать и заночевать у Дуси.

Ехала – радовалась. А подружка, оказалось, который день с постели не встает... Бледная, худая, глаза запали. В избе не прибрано... Скот не ухожен. В огороде наковыряно кое-как...

Взялась Арина скрести, скоблить, стряпать. А до самого утра возле Дуси просидела...

Остаться бы на день-другой. Нельзя.

С тяжелым сердцем пустилась в обратный путь. Все о Дусе думала.

Вот и перевал.

Огоньки, огоньки, огоньки...

Дорога делала петлю за петлей, скрадывая крутизну спуска. Арина бросила поводья, глядела перед собой. Что-то неясное, смутное поднималось из глубины памяти. Из-под копыт коня разбегались цветы и звали за собой, звали настойчиво, неотступно.

Правее, над кручей, нависла скала, напоминающая какое-то чудовище. Возле нее шумела молодой листвой высокая береза.

Спешившись и оставив коня, Арина прошла еле заметной тропинкой к дереву и остановилась, охваченная волнением. Оранжевые головки огоньков мягко касались ладони, будто нашептывали: «А помнишь? Помнишь?»

Как давно это было!..

...Одой шагал по траве и цветам – таким же огненным, жарким. Красивый, сильный, он высоко подбрасывал маленькую Чейнеш, и та визжала от восторга.

Здесь, у скалы, под березой, они отдыхали.

Березка... Та самая. Арина подняла голову и не увидела вершины: ее скрыли густые ветви.

Он был таким ласковым, таким хорошим.

Их жизнь только начиналась. Что она знала тогда о жизни?

Одой сказал: переедем в русскую деревню, и она больше ничего не хотела. Куда угодно!

Год за годом проходили перед нею. Трудные годы. Горькая любовь...

Посчитать бы: сколько за эти годы была она вместе с Одом? Сколько заплачено за каждую минуту счастья? Да и было ли оно, счастье?..

Было. Было!

Если бы не война...

А может, он так и не вернулся бы к ней, к детям?

Ну и что?

Нет, она и теперь ни о чем не жалела.

...Одой, Одой! Где он? Опять пропал. Уже полгода ничего не известно о нем.

Когда она кончится, война?..

Все равно Одой будет с ними. Не может не быть. Сколько лет она его ждет. И дети ждут. Как в прошлом году стали письма приходить, так и заладили: «Папа, папа...»

А что снова замолчал, так к этому не привыкать. Значит, не может. Теперь-то Одой, как случай выпадет, непременно пришлет письмо.

Случись что с ним, давно бы сообщили. И тоже еще ничего не значит, когда сообщают. Похоронным не всегда

верить надо. Сколько уже случаев: получают похоронную, плачут, плачут, а он жив-здоров. В Аносе так по одному слезы выплакали, и вдруг – пожалуйста, сам появился... Инвалид, правда. Но ведь вернулся. А была похоронная.

Еще погадать можно. Есть одна бабка-гадалка... И тоже было: наворожила, что солдат один не убит совсем, что ждать его надо. Оказалось, в плену был. Вернулся на фронт. Письма от него идут.

Дуся рассказывала, эта бабка гадала Севастьянихе из их деревни. Твой, говорит, за семью морями... Нашелся муж Севастьянихи...

Раз про Одою никакой бумажки нет, значит жив.

Арина опустила на траву. Легкие облачка неслышно мчались по небу. Она стала рвать огоньки и складывать их на колени.

– Кук-куу! Кук-куу!..

Принялась считать, сколько еще бессонных ночей, тревожных дней, недель, месяцев томиться в ожидании. Думала – много, а кукушка умолкла. Затянула было свою считалку, тут же оборвала.

В тишине Арина услышала журчание родника. Улыбнулась, вспомнив тот день. Сорвала дудку и, держа в одной руке охапку огоньков, спустилась к роднику. В прозрачном зеркальце воды увидела чье-то незнакомое лицо: грустное, усталое. Отбросила в сторону цветы, поправила сбившиеся волосы, усмехнулась отражению. Ткнула дудкой в зеркальце и оно подернулось рябью. Потянула чистую холодную воду и с каждым глотком будто прибавлялось сил. Подобрала рассыпавшиеся огоньки и легко, молодо взбежала к дороге. Застоявшаяся лошадь живо потрусила вниз, к Дьяйлу.

Издали заметила: люди, много людей у конторы. Похоже, все урочище собралось. А над крышей плещет на ветру красный флаг.

Заторопила коня, сама бы, наверное, быстрее добежала. Только въехала в улицу – навстречу девчонка мчится.

– Тетя Арина! Тетя Арина! Война...

Арина соскочила с коня, бросилась к девчонке, тормозит ее, а та запыхалась и никак дух не переведет.

– Что, балам? Говори скорее!

– Война кончилась!

24

Празднично одетый, чисто выбритый, при всех своих наградах, Нахай Ногоевич торжественно объявил:

– Завтра в Бийск прибывает эшелон с демобилизованными фронтовиками. Пошлем делегацию от колхоза. Утром будет машина. Готовьтесь, товарищи, к встрече.

Утром... Как дожить до этого утра? Вся война казалась короче, чем оставшиеся часы ожидания.

Никто не ложился этой ночью в Дьяйлу. Потянуло из аилов кисловатым запахом свежей араки.

Нахай Ногоевич, посоветовавшись с членами правления, разрешил забить двух торбоков. Той готовился – на все Дьяйлу. И в каждой избе варят, пекут...

Утро занялось такое светлое, ясное. Горы – будто умытые. Поля зазеленели. Никогда, никогда не было так радостно.

А машины нет и нет.

Арина извелась. Давно бы пешком до Чуйского тракта дошла. Там машина за машиной. Другие так и сделали. Еще затемно ушагали. Теперь они где уже!.. И ей бы так. А Нахай Ногоевич: «Поедешь с делегацией!» Вот и рвется сердце на части.

Появилась наконец-то машина! Кузов красной материей обтянут. Кабина – в кедровых ветках.

Теперь бы только скорее.

В последний момент крикнула Чейнеш, чтоб за мальчишками смотрела: убегут еще.

Вдоль всего тракта — люди, люди, люди. Никаких бы машин не хватило всех увезти. Еле втиснули к себе в переполненный кузов несколько дьяйлинских, что надеялись пораньше добраться до Бийска, — не бросать же!

Деревни гудом гудят. Везде ждут, готовятся к встрече.

...Вокзальная площадь запружена народом. Оркестры гремят. Флаги. Плакаты. К воротам, что ведут на перрон, оставлен узкий проход.

С какой завистью глядели собравшиеся на площади, как этим живым коридором не шли — летели, будто на крыльях, делегаты. И Арина точно по воздуху неслась.

Знакомые железные ворота, возле которых провела она четыре года назад долгую морозную, вьюжную ночь. Даже дежурный, похоже, тот самый. Арине показалось, что и он узнал ее.

В конце перрона закричали:

— Едут! Едут!

Гудок паровоза, гром оркестра, крики слились воедино.

Уже не было сил ждать.

Отфыркиваясь паром, лязгая жарким металлом, увитый зелеными ветками и кумачом, медленно подходил паровоз. Из настежь распахнутых широких дверей теплушек высовывались, махали пилотками, фуражками, руками, цветами, кричали, смеялись...

Уже кто-то узнавал друг друга. Уже сквозь оглушающий рев медных труб и приветственные возгласы доносились всхлипывания женщин, плакавших от радости, от счастья.

Арина жадно вглядывалась в обветренные, загорелые лица. Их было так много. Ей казалось, что все эти люди, одетые в военную форму, похожи друг на друга, она боялась, что не разглядит, не сумеет отыскать среди них Одою.

Не успел поезд остановиться, как на перроне все смешалось.

Объятия, поцелуи, ласковые слова...

Гремит марш.

Первым прорвался к дьяйлинцам Каракай. Ничуть он не изменился. Такой же шалый! Дед Саламчи повертел его за плечи, поцокал языком, спросил:

– Где воевал?

– Я, дед, консервы из Америки возил!

– На чем возил?

– Известно – на грузовиках.

Кругом расхохотались.

Саламчи хитро прищурился.

– Говорят, из Америки только по воде ездят. Море, говорят, какое-то...

Разве смутишь Каракай!

– Точно. Бо-ольшое море! А через него – понтонный мост.

– А-а-а! – протянул Саламчи.

Арина порывалась спросить у Каракай об Одое, но ее оттирали, а этот брехун молотил языком не умолкая.

Вот Чачаш повисла на шее радостно смущенного Солумая.

...Калтар Караевич, сильно постаревший, совсем лысый, с двумя медалями, держа на руках сына, что-то говорит утирающей слезы Дыламаш.

До боли в глазах всматривалась Арина в кипящую толпу. Бросалась навстречу то одному, то другому военному и останавливалась...

Одоя не было.

За спиной балагурил Каракай.

— Я все свои ордена-медали сдал на вечное хранение в музей. Одну оставил — «За отвагу». Мне ее сам генерал Соколовский нацепил. Решил сохранить как память о фронтовом друге...

Одоя не было.

Понемногу пустели вагоны. Пустел и перрон — все проходили на площадь, где вот-вот должен был начаться митинг.

Одоя не было.

По-прежнему гремела музыка. Не утихал смех, говор. Арина медленно шла вдоль эшелона. Заглядывала в каждый вагон, отзывавшийся гулким эхом.

Одоя не было.

Вот и конец перрона. До самого горизонта — две стальные полосы, сверкающие на ослепительно ярком солнце.

Что-то подступило к горлу. Стало трудно дышать.
С площади донеслись рукоплескания. Будто в сильную
бурю бились о скалы волны Катунь. Там начался митинг.
Наконец-то прошла противная слабость.
Арина тихо, только себе сказала:
– Это не последний эшелон...

Содержание

Часть первая.....	3
Часть вторая.....	164

Лазарь Васильевич Кокышев

Арина

роман

Перевод с алтайского А. Китайника

Генеральный директор
Литературно-издательского Дома «Алтын-Туу»
Туденева Т. Н.

Редактор Туденева Т. Н.
Художественный редактор Декенова А. П.
Компьютерная верстка Белекова Э. В.
Корректор Бобокова А. В.

Подписано в печать 25.08.2019 г. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печать офсетная. Усл.п.л. 15,96. Тираж 700 экз.

ISBN 978-5-6040439-8-1

9 785604 043981

АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу»
649002, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 38

Отпечатано в ООО «ДЕАЛ».
г. Новосибирск, Зыряновская, 63
+7(383) 3-340-270, www.dealprint.ru
